

Учреждение образования
«Барановичский государственный университет»

Вестник БарГУ

Ежеквартальный научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 г.

Выпуск 6, декабрь, 2018.

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор журнала Кочурко Василий Иванович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, ректор учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Заместитель главного редактора журнала Климук Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор серии

Познякевич Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учёта, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Ответственный секретарь серии

Познякевич Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учёта, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Редактор текстов на английском языке

Пинюта Ирина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры профессиональной иноязычной подготовки учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко Марина Васильевна (*ответственный за направление «Юридические науки»*), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Демидович Анатолий Викторович (*ответственный за направление «Исторические науки и археология»*), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Короб Александр Николаевич (*ответственный за направление «Экономические науки»*), кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной экономики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета экономики и права учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Биглова Гузель Фатиховна, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук» (Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация).

Василевич Григорий Алексеевич, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Вишневицкий Алексей Фёдорович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (Минск, Республика Беларусь).

Гурский Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом экономики Государственного научного учреждения «Институт жилищно-коммунального хозяйства Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Демичев Дмитрий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Житкевич Галина Яковлевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учёта, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Захарченко Людмила Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и логистики учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Касич Алла Александровна, доктор экономических наук, профессор Кременчугского национального университета имени М. Остроградского (Кременчуг, Украина).

Ключко Римма Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Козлова Зоя Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Колядко Иван Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Куган Светлана Фёдоровна, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Кузьменко Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром истории постиндустриального общества Государственного научного учреждения «Институт истории Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Литвинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лосев Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (Минск, Республика Беларусь).

Лученок Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономического регулирования и финансовой политики Государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Людвигевич Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лютый Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (Минск, Республика Беларусь).

Манкевич Ирина Петровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Матвеюк Ярослав Николаевич, доктор юридических наук хабилитированный, уполномоченный ректора Университета в Белостоке по делам сотрудничества с университетами Восточной Европы (Белосток, Польша).

Медведева Гульнара Борангалиевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и логистики учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Момот Татьяна Валерьевна, доктор экономических наук, профессор Харьковской национальной академии городского хозяйства (Харьков, Украина).

Нечухрин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Омельянюк Александр Михайлович кандидат экономических наук, доцент, первый проректор учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Острогляд Александр Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе частного высшего учебного заведения Университет Короля Даниила (Ивано-Франковск, Украина).

Солодовников Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь).

Таранова Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Функ Ян Иосифович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Черняк Юрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет» (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация).

Шаркова Антонина Васильевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики организации Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация).

Шевлюков Александр Петрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учёта и финансового менеджмента в отраслях народного хозяйства учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» (Гомель, Республика Беларусь).

Яковчик Николай Степанович, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Института повышения квалификации и переподготовки кадров АПК учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 45 46 28.
E-mail: vestnik@barsu.by .

Подписные индексы: 00993 — для индивидуальных подписчиков; 009932 — для организаций.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № 1533 от 30.07.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки» включён в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии, экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ» включён в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), лицензионный договор № 06-1/2016.

Издатель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

Выходит на русском, белорусском и английском языках.

Журнал распространяется на территории Республики Беларусь.

*Заведующий редакционно-издательской группой С. А. Березнюк
Технический редактор Е. И. Березич
Компьютерная вёрстка С. А. Березнюк
Корректор С. А. Березнюк*

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,00.
Уч.-изд. л. 14,90. Тираж 75 экз. Заказ
Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Слонимская типография». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/203 от 07.03.2014, № 2 от 25.02.2014.

Адрес: ул. Хлюпина, 16, 231800 Слоним, Гродненская обл.

© БарГУ, 2018

Установа адукацыі
«Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт»

Веснік БарДУ

Штоквартальны навукова-практычны часопіс

Выдаецца з сакавіка 2013 г. Выпуск 6, снежань, 2018.

Серыя «Гістарычныя навукі
і археалогія. Эканамічныя навукі
Юрыдычныя навукі»

Заснавальнік: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар часопіса Качурка Васіль Іванавіч, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, акадэмік Беларускай інжынернай акадэміі, акадэмік Міжнароднай акадэміі тэхнічнай адукацыі, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук педагагічнай адукацыі, акадэмік Акадэміі эканамічных навук Украіны, Заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, рэктар установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Намеснік галоўнага рэдактара часопіса Клімук Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ СЕРЫІ

Галоўны рэдактар серыі

Пазнякевіч Вікторыя Мікалаеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Адказны сакратар серыі

Пазнякевіч Вікторыя Мікалаеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Рэдактар тэкстаў на англійскай мове

Пінюта Ірына Вячаславаўна, кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры прафесійнай іншамоўнай падрыхтоўкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Андрыяшка Марына Васільеўна (*адказны за напрамак «Юрыдычныя навукі»*), кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры агульнаправавых дысцыплін і дзяржаўнага кіравання ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Дземідовіч Анатоль Віктаравіч (*адказны за напрамак «Гістарычныя навукі і археалогія»*), кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Кораб Аляксандр Мікалаевіч (*адказны за напрамак «Эканамічныя навукі»*), кандыдат эканамічных навук, загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Амельянюк Аляксандр Міхайлавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, першы прарэктар установы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Астрагляд Аляксандр Васільевіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце прыватнай вышэйшай навучальнай установы «Універсітэт Караля Данііла» (Івана-Франкоўск, Украіна).

Біглова Гузель Фаціхаўна, доктар эканамічных навук, намеснік дырэктара па навуковай рабоце Федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай установы навукі «Інстытут сацыяльна-эканамічных даследаванняў Уфійскага навуковага цэнтру Расійскай акадэміі навук» (Уфа, Рэспубліка Башкартастан, Расійская Федэрацыя).

Бязуглая Вікторыя Аляксандраўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дэкан факультэта эканомікі і права ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Васілевіч Рыгор Аляксеевіч, Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь, доктар юрыдычных навук, прафесар, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, загадчык кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Вішнеўскі Аляксей Фёдаравіч, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права ўстановы адукацыі «Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Гурскі Васіль Леанідавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык аддзела Дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут жыллёва-камунальнай гаспадаркі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Дзёмічаў Дзмітрый Міхайлавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі права ўстанова адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Жыткевіч Галіна Якаўлеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Захарчанка Людміла Анатольеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі і лагістыкі ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Казлова Зоя Мікалаеўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Калядка Іван Мікалаевіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Караў Дзмітрый Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар, дырэктар Цэнтра міждысцыплінарных даследаванняў дыяспар і замежнага беларусазнаўства ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Касіч Ала Аляксандраўна, доктар эканамічных навук, прафесар Крамянчугскага нацыянальнага ўніверсітэта імя М. Астраградскага (Крамянчуг, Украіна).

Ключко Рыма Мікалаеўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага права і крыміналогіі ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Куган Святлана Фёдарэўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, намеснік дэкана эканамічнага факультэта ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Кузьменка Уладзімір Іванавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык Цэнтра гісторыі постіндустрыяльнага грамадства Дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Літвінскі Аляксандр Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Лосеў Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, намеснік дырэктара Дзяржаўнай установы «Навукова-практычны цэнтр праблем умацавання законнасці і правапарадку Генеральнай пракуратуры Рэспублікі Беларусь» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Луцанок Аляксандр Іванавіч, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык аддзела макраэканамічнага рэгулявання і фінансавай палітыкі Дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Людвікевіч Вольга Мікалаеўна, кандыдат юрыдычных навук, загадчык кафедры грамадзянскіх і крымінальна-прававых дысцыплін установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Люты Анатоль Міхайлавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі ўстанова адукацыі «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Манкевіч Ірына Пятроўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Матвееў Яраслаў Мікалаевіч, доктар юрыдычных навук хабілітаваны, упаўнаважаны рэктара Універсітэта ў Беластоку па справах супрацоўніцтва з універсітэтамі Усходняй Еўропы (Беласток, Польшча).

Мядзведзева Гульнара Барангаліеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі і лагістыкі ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Момат Тацыяна Валер'еўна, доктар эканамічных навук, прафесар Харкаўскай нацыянальнай акадэміі гарадской гаспадаркі (Харкаў, Украіна).

Нячухрын Аляксандр Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Саладоўнікаў Сяргей Юр'евіч, доктар эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і права Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Таранава Тацыяна Сяргеёўна, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Функ Ян Іосіфавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Чарняк Юрый Вячаслававіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры агульнаправавых дысцыплін і дзяржаўнага кіравання ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Шабанаў Вячаслаў Барысавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры крыміналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Шалаеў Уладзімір Паўлавіч, доктар філасофскіх навук, прафесар, дэкан факультэта сацыяльных тэхналогій Федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай прафесійнай адукацыі «Паволжскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт» (Іашкар-Ала, Рэспубліка Марый Эл, Расійская Федэрацыя).

Шаркова Антаніна Васільеўна, доктар эканамічных навук, загадчык кафедры эканомікі арганізацыі Федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Фінансавы ўніверсітэт пры Урадзе Расійскай Федэрацыі» (Масква, Расійская Федэрацыя).

Шаўлюкоў Аляксандр Пятровіч, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку і фінансавага менеджменту ў галінах народнай гаспадаркі ўстанова адукацыі «Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі» (Гомель, Рэспубліка Беларусь).

Якаўчык Мікалай Сцяпанавіч, доктар эканамічных навук, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, дырэктар Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадрў АПК ўстанова адукацыі «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Адрас рэдакцыі:

вул. Войкава, 21, 225404 г. Баранавічы.

Тэлефон: +375 (163) 45 46 28.

E-mail: vestnik@barsu.by .

Падпісныя індэксы: 00993 — для індывідуальных падпісчыкаў; 009932 — для арганізацый.

Пасведчанне аб рэгістрацыі сродкаў масавай інфармацыі № 1533 ад 30.07.2012, выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21 студзеня 2015 г. № 16 навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» серыя «Гістарычныя навукі і археалогія. Эканамічныя навукі. Юрыдычныя навукі» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навукіх і археалогіі, эканамічных навукіх, юрыдычных навукіх.

Навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» ўключаны ў РІНЦ (Расійскі індэкс навуковага цытавання), ліцэнзійны дагавор № 06-01/2016.

Выдавец: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Выходзіць на рускай, беларускай і англійскай мовах.

Часопіс распаўсюджваецца на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

Загладчык рэдакцыйна-выдавецкай групы С. А. Беззюк

Тэхнічны рэдактар А. І. Бярэзіч

Камп'ютарная вёрстка С. А. Беззюк

Карэктар С. А. Беззюк

Падпісана да друку 17.12.2018. Фармат 60 × 84 1/8. Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура Таймс. Ум. друк. арк. 20,00. Ул.-выд. арк. 14,90. Тыраж 75 экз. Заказ .

Кошт свабодны.

Паліграфічнае выкананне: Гродзенскае абласное ўнітарнае паліграфічнае прадпрыемства «Слоніўская тыпаграфія». Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/203 ад 07.03.2014, № 2 ад 25.02.2014.

Адрас: вул. Хлюпіна, 16, 231800 Слоніў, Гродзенская вобл.

© БарДУ, 2018

Education institution
“Baranovichi State University”

BarSU Herald

A quarterly scientific-and-practical journal

Published since March 2013

Volume 6, December 2018

Series “Historical sciences and
archaeology. Economics. Law”

Promoter: educational institution “Baranovichi State University”.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Vasily I. Kochurko, Doctor of Agriculture, Professor, Member of the Belarusian Academy of Engineering, Member of the International Academy of Technical Education, Member of the International Academy of Pedagogical Education, Member of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Distinguished educator of the Republic of Belarus, Rector of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Deputy Editor-in-Chief Vladimir V. Klimuk, Ph. D. in Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Series Executive Editor

Victorya N. Poznyakevich, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Head of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Senior Editor

Victorya N. Poznyakevich, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Head of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

English Texts Editor

Iryna V. Piniuta, Ph. D. in Education, Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Professional Foreign Language Training of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Maryna V. Andryashka (*Responsible for the topic area “Law”*), Ph. D. in Law, Assoc. Prof., Head of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Anatoliy V. Demidovich (*Responsible for the topic area “Historical Sciences and Archaeology”*), Ph. D. in History, Head of the Department of Social Sciences and Humanities of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Aleksandr N. Korob (*Responsible for the topic area “Economic Sciences”*), Ph. D. in Economic Sciences, Head of the Department of Theoretical and Applied Economics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Victorya A. Bezuglaya, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Dean of the Faculty of Economics and Law of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Guzel F. Biglova, Dr. of Economics, Deputy Director for Research of the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Social and Economic Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Ufa, Republic of Bashkortostan, the Russian Federation).

Grigoriy A. Vasilevich, Dr. of Law, Prof., A. M. of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksey F. Vishnevskiy, Dr. of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the educational institution “Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus” (Minsk, the Republic of Belarus).

Vasily L. Gurskiy, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Head of the Department of Economics of the State research institution “Institute of Housing and Communal Services of the National Academy of Sciences of Belarus” (Minsk, the Republic of Belarus).

Dmitriy M. Demichev, Dr. of Law, Prof., Head of the Department of Theory and History of Law of the educational institution “Belarusian State Economic University” (Minsk, the Republic of Belarus).

Galina Ya. Zhitkevich, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the educational institution “Baranovichi State University” (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Lyudmila A. Zaharchenko, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Economic Theory and Logistics of the educational institution “Brest State Technical University” (Brest, the Republic of Belarus).

Alla A. Kasich, Dr. of Economic Sciences, Professor of the Kremenchug National University named after M. Ostrogradski (Kremenchug, Ukraine).

Dmitriy V. Karev, Dr. of History, Prof., Head of the Center Department of Economic Theory and Commercial Activities, Director of the Center for Interdisciplinary Studies of Diasporas and Foreign Belarusian Studies of the educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno" (Grodno, the Republic of Belarus).

Rimma N. Klyuchko, Ph. D. in Law, Assoc. Prof., Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno" (Grodno, the Republic of Belarus).

Zoya N. Kozlova, Ph. D. in History, Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Social Sciences and Humanities of the educational institution "Baranovichi State University" (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Ivan N. Kolyadko, Ph. D. in Law, Prof., Prof. of the Department of Civil Procedures and Labor Law of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Svetlana F. Kugan, Ph. D. in Law, Assoc. Prof., Vice Dean of the Faculty of Economy of the educational institution "Brest State Technical University" (Brest, the Republic of Belarus).

Vladimir I. Kuzmenko, Dr. of History, Prof., Head of the Center for History of Post-industrial Society of the State research institution "Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus" (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksandr V. Litvinskiy, Ph. D. in History, Assoc. Prof. of the Department of Social Sciences and Humanities of the educational institution "Baranovichi State University" (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vladimir V. Losev, Ph. D. in Law, Assoc. Prof., Vice Director of the Research and Practical Center for Problems of Strengthening of the Legitimacy, Law and Order of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus (Minsk, the Republic of Belarus).

Olga N. Lyudvikevich, Ph. D. in Law, Head of the Department of Civil and Criminal Disciplines of the educational institution "Baranovichi State University" (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Anatoliy M. Lyutiy, Dr. of History, Prof., Head of the Department of History of Belarus of the educational institution "Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University" (Minsk, the Republic of Belarus).

Aleksandr I. Luchenock, Dr. of Economic Sciences, Prof., Head of the Department of Macroeconomic Regulation and Financial Policy of the State Research Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus" (Minsk, the Republic of Belarus).

Irina P. Mankevich, Ph. D. in Law, Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Civil and Legal Disciplines of the educational institution "Belarusian State Economic University" (Minsk, the Republic of Belarus).

Yaroslav N. Matveyuk, Dr. in Law hab., Authorized Rector of the Belostok University for Cooperation with Universities in Eastern Europe (Belostok, Poland).

Gulnara B. Medvedeva, Ph. D. in Economic Sciences, Assoc. Prof., Head of the Department of Economic Theory and Logistics of the educational institution "Brest State Technical University" (Brest, the Republic of Belarus).

Tatyana V. Momot, Dr. of Economic Sciences, Prof. of Kharkov National Academy of Municipal Economy (Kharkov, Ukraine).

Aleksandr N. Nechuhryn, Dr. of History, Prof., Head of the Department of General History of the educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno" (Grodno, the Republic of Belarus).

Aleksandr M. Omelyanyuk, Ph. D. in Economical Sciences, Assoc. Prof., First Vice-Rector of the educational institution "Brest State Technical University" (Brest, the Republic of Belarus).

Aleksandr V. Ostroglyad, Ph. D. in Law, Assoc. Prof., Vice-rector for Research of the Ivano-Frankovsk University of Law named after King Danila Galitzkiy (Ivano-Frankovsk, Ukraine).

Sergey Yu. Solodovnikov, Dr. of Economic Sciences, Assoc. Prof., Head of the Department of Economics and Law of the Belarusian National Technical University (Minsk, the Republic of Belarus).

Tatyana S. Taranova, Dr. of Law, Prof., Head of the Department of Civil and Law Disciplines of the educational institution "Belarusian State Economic University" (Minsk, the Republic of Belarus).

Yan I. Funk, Dr. of Law, Prof., Prof. of the Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activities of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Yuriy V. Chernyak, Ph. D. in History, Assoc. Prof. of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration of the educational institution "Baranovichi State University" (Baranovichi, the Republic of Belarus).

Vyacheslav B. Shabanov, Dr. of Law, Prof., Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus).

Vladimir P. Shalaev, Dr. of Philosophy, Prof., Dean of the Faculty of Social Technologies of the Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology" (Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation).

Antonina V. Sharkova, Dr. of Economics, Head of the Department of Economics of the Organization of the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation" (Moscow, the Russian Federation).

Aleksandr P. Shevlyukov, Dr. of Economic Sciences, Prof., Head of the Department of Accounting and Financial Management in the Sectors of the National Economy of the educational institution "Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperatives" (Gomel, the Republic of Belarus).

Nikolay S. Yakovchik, Dr. of Economic Sciences, Dr. of Agricultural Sciences, Prof., Director of the Institute of Advanced Training and Retraining of Personnel of AIC of the educational institution "Belarusian State Agricultural Technical University" (Minsk, the Republic of Belarus).

Editorial address:

21 Voykova Str., 225404 Baranovichi. Phone: +375 163 45 46 28.

E-mail: vestnik@barsu.by.

Subscription indexes: 00993 — for individual subscribers; 009932 — for companies.

The certificate of the registration of mass media № 1533 of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus on January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal "BarSU Herald", the series "History of science and archaeology. Economics. Laws" was included on the list of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research History of science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald" is included into RSCI (Russian Science Citation Index), license agreement № 06-01/2016.

Published: educational institution "Baranovich State University".

Issued in Russian, Belarusian and English.

The journal is distributed on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor S. A. Bereznyuk
Technical editor E. I. Berezich
Desktop Publishing S. A. Bereznyuk
Proofreader S. A. Bereznyuk

Signed to print 17.12.2018. Format 60 × 84 ¹/₈. Offset paper. Digital printing. Headset Times. Cond. print. 1. 20.00. Acc.-pub. 1. 14.90. Circulation: 75 copies. Order .

Free price.

Printing performance: Grodno Regional Printing Unitary Enterprise "Slonim printing establishment". The state registration certificate of the publisher, manufacturer and publications distributor № 1/203 of 07.03.2014, № 2 of 25.02.2014.

Address: 16 Hlyupin St., 231800 Slonim, Grodno region.

© BarSU, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Карев Д. В., Дудько А. Д. Становление зарубежного белорусоведения в Западной Европе во второй половине XX века	13
Кручковский Т. Т. Польско-германские отношения периода X—XVI веков в оценке В. О. Ключевского	19
Литвинский А. В. Методологические аспекты локализации прародины славян в историографии конца XX — начала XXI века	28
Мельников П. Ю. Бессемейные домохозяйства Саратовской губернии конца XIX века по данным поездных земских переписей.	37
Пискун В. Э., Горбач С. М. Развитие взаимоотношений между Польшей и ГДР во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов	42
Сытько К. В. Материалы переписки римско-католических парафий Беларуси конца XVII — начала XX века как исторический источник	48
Хованский А. В. Органы местного военного управления в Гродненской губернии в 1802—1863 годах	53

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Климук В. В. Модель взаимодействия организаций образования, науки, промышленного бизнеса	64
Климук В. В., Житкевич Г. Я., Познякевич В. Н. Волонтерское движение: от теории к практике (региональный аспект)	71
Кот Н. Г. Финансовый потенциал как интегральный показатель будущего развития предприятия	76
Лептюк Д. Н., Масько Ю. Д., Лепешев Д. И. Направления и возможности экономического сотрудничества Республики Беларусь со странами Азиатско-Тихоокеанского региона	85
Повод И. Н. Перспективы изъятия монопольной ренты при различных сценариях развития экономики Беларуси	90
Познякевич В. Н., Хитрова И. А. Теоретические и практические аспекты применения профессионального суждения бухгалтера при составлении учетной политики в части учета основных средств	96
Цвирко Е. Ю. Состояние и тенденции мирового рынка органической продукции	103

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андрияшко М. В. Домашнее насилие — дополнительный показатель деградации института семьи как демографической угрозы	109
Вишневский А. Ф., Мелеховец Ю. А. Проблемы типологии государства и права в современной теоретической юридической науке	114
Грачева И. М. Становление органов прокуратуры БССР в 1920-х годах	120
Дзик И. Р. Правовое регулирование трансферных отношений в спорте	125
Кирмель А. Г. Проблемные аспекты снижения брачного возраста в Республике Беларусь	130
Крутько Р. В. Пожертвования(е) как источник формирования имущества религиозных организаций	136
Людвигевич О. Н. Управление в области дисциплины труда	141
Прокуда О. Ю. Страховщик как субъект отношений по добровольному медицинскому страхованию	147
Сороченко А. В. Государственно-частное партнерство и публичное управление в Украине: соотношение понятий	152

ЗМЕСТ

ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ

Караў Д. У., Дудзько А. Д. Станаўленне замежнага беларусазнаўства ў Заходняй Еўропе ў другой палове XX стагоддзя	13
Кручкоўскі Т. Т. Польшка-германскія адносіны перыяду X—XVI стагоддзяў у ацэнцы В. О. Ключэўскага	19
Літвінскі А. У. Метадалагічныя аспекты лакалізацыі прарадзімы славян у гістарыяграфіі канца XX — пачатку XXI стагоддзя	28
Мельнікаў П. Ю. Бессямейныя домагаспадаркі Саратаўскай губерні канца XIX стагоддзя па дадзеных папавятовых земскіх перапісаў	37
Піскун В. Э., Горбач С. М. Развіццё ўзаемаадносін паміж Польшчай і ГДР у другой палове 1970-х — пачатку 1980-х гадоў	42
Сыцько К. В. Матэрыялы перапіскі рымска-каталіцкіх парафій Беларусі канца XVII — пачатку XX стагоддзя як гістарычная крыніца	48
Хаванскі А. В. Органы мясцовага ваеннага кіравання ў Гродзенскай губерні ў 1802—1863 гадах	53

ЭКАНАМІЧНЫЯ НАВУКІ

Клімук У. У. Мадэль узаемадзеяння арганізацый адукацыі, навукі, прамысловага бізнесу	64
Клімук У. У., Жыткевіч Г. Я., Пазнякевіч В. М. Валанцёрскі рух: ад тэорыі да практыкі (рэгіянальны аспект)	71
Кот Н. Г. Фінансавы патэнцыял як інтэгральны паказчык будучага развіцця прадпрыемства	76
Ляпцук Д. М., Масько Ю. Д., Лепешаў Д. І. Напрамкі і магчымасці эканамічнага супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з краінамі Азіяцка-Ціхаакіянскага рэгіёну	85
Повад І. М. Перспектывы вынятку манапольнай рэнты пры разнастайных сцэнарыях развіцця эканомікі Беларусі	90
Пазнякевіч В. М., Хітрова І. А. Тэарэтычныя і практычныя аспекты прымянення прафесійнага суджэння бухгалтара пры састаўленні ўліковай палітыкі ў частцы ўліку асноўных сродкаў	96
Цвірко К. Ю. Стан і тэндэнцыі сусветнага рынку арганічнай прадукцыі	103

ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

Андрыяшка М. В. Дамашні гвалт — дадатковы паказчык дэградацыі інстытуту сям’і як дэмаграфічнай пагрозы	109
Вішнеўскі А. Ф., Мелехавец Ю. А. Праблемы тыпалогіі дзяржавы і права ў сучаснай тэарэтычнай юрыдычнай навуцы	114
Грчова І. М. Станаўленне органаў пракуратуры БССР у 1920-х гадах	120
Дзік І. Р. Прававое рэгуляванне трансферных адносін у спорце	125
Кірмель А. Г. Праблемныя аспекты зніжэння шлюбнага ўзросту ў Рэспубліцы Беларусь	130
Круцько Р. В. Ахвяраванне(і) як крыніца фарміравання маёмасці рэлігійных арганізацый	136
Людвікевіч В. М. Кіраванне ў галіне дысцыпліны працы	141
Пракуда В. Ю. Страхаўшчык як суб’ект адносін па добраахвотным медыцынскім страхаванні	147
Сарацэнка А. В. Дзяржаўна-прыватнае партнёрства і публічнае кіраванне ва Украіне: судносіны паняццяў	152

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Karev D. V., Dudko A. D. The formation of foreign belarusian studies in Western Europe in the second half of the XX th century	13
Kruczkowski T. T. Polish-German relations of the X—XVI centuries in the assessment of V. O. Kluchevski	19
Litvinski A. V. Methodological aspects of the slavs ancestral homeland localization in historiography of the end of XX — early XXI century	28
Melnikov P. Yu. No-family households in Saratov province at the end of the XIX century: the Data of zemstvo census registers	37
Piskun V. E., Gorbach S. M. Development of relationships between Poland and GDR in the late 1970's — early 1980's	42
Sytsko K. W. Materials of the correspondence of the Roman catholic parishes of Belarus at the end of XVII — early XX century as a historical source	48
Khavanski A. V. Local military authorities in the Grodno province in 1802—1863	53

ECONOMICS

Klimuk V. V. Model of interaction of educational, science and industrial business institutions	64
Klimuk V. V., Zhitkevich G. Ya., Poznyakevich V. N. Volunteering: from theory to practice (regional aspect)	71
Kot N. G. Financial potential as an integral indicator of the future development of the enterprise	76
Leptyuk D. N., Masko Yu. D., Lepeshev D. I. Directions and possibilities of economic cooperation of Belarus with the countries in the Asia-Pacific region	85
Povod I. N. Prospects for the withdrawal of monopoly rent at various scenarios of economic development in Belarus	90
Poznyakevich V. N., Khitrova I. A. Theoretical and practical aspects of the use of accounting professional judgment in formation of accounting policy for fixed assets	96
Tsvirko E. Yu. The state and trends of the world market of organic products	103

LAW

Andryiashka M. V. Domestic violence: an additional indicator of the degradation of the family institute as a demographic threat	109
Vishnevsky A. F., Melehovets Yu. A. Problems of the typology of state and law in modern theoretical legal science	114
Hrachova I. M. Formation of prosecutor's offices of the BSSR in the 1920's	120
Dzik I. R. Legal regulation of the transfer relations in sport	125
Kirmel A. G. Problematic aspects of decreasing of marriage age in the Republic of Belarus	130
Krutsko R. V. Donation /~s as a source of formation of religious organizations' property	136
Ludvikevich O. N. Labor discipline management	141
Prokuda O. Yu. Insurer as a subject of relations with voluntary medical insurance	147
Sorochenko A. V. Public-Private Partnership and public management in Ukraine: concepts relationship	152

УДК 303.446.4(476) (вторая половина XX в.)

Д. В. Карев¹, А. Д. Дудько²

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 888 93 30, karev-dv@yandex.ru, ²+375 (29) 587 44 45, anastakareva@yandex.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

В историографической традиции Беларуси еще в недостаточной степени представлена тематика, отражающая особенности становления зарубежного белорусоведения в западноевропейском научном сообществе. Исследование и анализ источников показывают, что в ведущих странах Западной Европы (Великобритания, ФРГ, Франция) происходит постепенное зарождение и становление традиций научного белорусоведения. Основное внимание при этом западные исследователи уделяли аспектам политической истории Беларуси, особенностям ее культурного развития, выявлению роли и места белорусской культуры в ареале восточнославянского мира и обществ Восточной Европы. На сегодня сформирована определенная историографическая традиция в изучении этой проблемы. Однако многие ее аспекты не стали сферой исследовательского интереса. К таким аспектам относится и проведение компаративистского анализа становления белорусоведения в данных странах, и в этом контексте он рассматривается впервые. Проведенная авторами статьи предварительная работа по изучению генезиса и становления белорусоведения в конкретном страноведческом аспекте, относительно Великобритании, ФРГ и Франции, позволяет реализовать обозначенную проблему на конкретном источниковом и историографическом фундаменте.

Ключевые слова: зарубежное белорусоведение; зарубежные диаспоры Великобритании, ФРГ и Франции; историческая память; историческая компаративистика.

Библиогр.: 19 назв.

D. V. Karev¹, A. D. Dudko²

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
22 Ozheshko str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, ¹+ 375(29)8889330, karev-dv@yandex.ru,
²+375(29)5874445, anastakareva@yandex.ru

**THE FORMATION OF FOREIGN BELARUSIAN STUDIES IN WESTERN EUROPE
IN THE SECOND HALF OF THE XXth CENTURY**

In Belarusian historiographical tradition, the topics reflecting the peculiarities of the formation of foreign Belarusian studies in Western European scientific community are not yet sufficiently represented. Research and analysis of sources show that in the leading countries of Western Europe (Great Britain, Germany, France) there is a gradual origin and formation of traditions of scientific Belarusian studies. Western researchers focused mainly on aspects of the political history of Belarus, peculiarities of its cultural development, identification of the role and place of Belarusian culture in the Eastern Slavic world and Eastern European societies. Today, a certain historiographical tradition has been formed in the study of this problem. However, many of its aspects did not become an area of research interest. Such aspects include the comparative analysis of the formation of the Belarusian studies in these countries, and in this context it is considered for the first time. The authors' preliminary work on the study of the genesis and formation of Belarusian studies in a specific cross-cultural aspect (in Great Britain, Germany and France specifically) makes it possible to implement the indicated problem on a specific source and historiographical foundation.

Key words: foreign Belarusian studies; foreign diasporas of Great Britain, Germany and France; historical memory; historical comparative studies.

Ref.: 19 titles.

Введение. В данной статье авторы ставят целью определить особенности становления зарубежного белорусоведения в Западной Европе (Великобритании, ФРГ, Франции) во второй половине XX века и выявить их роль и место в развитии этих традиций в западном сообществе. Исходя из такой целевой установки, авторы видят круг решаемых задач в следующем: 1) обозначить характер источниковой базы, позволяющей выявить специфику развития белорусоведения в этих западноевропейских государствах; 2) показать роль историко-культурного контекста указанных стран в развитии белорусоведения; 3) определить значение диаспор как мотивирующего фактора в развитии данного славистического направления; 4) раскрыть доминирующие направления в рамках белорусоведческих исследований Великобритании, ФРГ, Франции; 5) на основе сравнения интенсивности и масштабов белорусоведческих исследований определить их место в системе западноевропейского белорусоведческого контекста.

История зарождения и развития зарубежного белорусоведения в странах Западной Европы новейшего времени в недостаточной степени отражена в современной историографической традиции. Можно отметить наличие лишь небольшого круга работ по сопряженной тематике, раскрывающих социально-политический и культурный контекст международных культурных и научных связей Беларуси со странами Западной Европы 80-х годов XX — начала XXI века. Это исследования Д. Кривошея [1], В. Шадурского [2], Л. Короленок [3], А. Ледневой [4], Л. Языкович [5], Л. Власовой [6], Н. Воробей [7], Дж. Робертса [8], А. Егорова [9], О. Голубовича [10], Н. Гордиенко, О. Гордиенко [11; 12], А. Розанова [13], Г. Сергеевой [14]. Работ, специально посвященных данной проблеме, за исключением статей А. Ледневой, Г. Сергеевой и Л. Языкович, исследований Н. Гордиенко, практически нет. В отечественной исторической науке есть только одна специальная работа, в которой содержится анализ зарубежной историографии по вопросу генезиса и формирования белорусоведения в Западной Европе XX — начала XXI века [15].

Знакомство с библиографическими источниками и электронными ресурсами позволяет говорить, что изучение данной проблемы базируется на солидной и разнообразной источниковой основе. Среди опубликованных отечественных источников, которые имеют первостепенное значение для исследования нашей проблемы, выделяются многочисленные публикации и интервью белорусских послов в странах ЕС и СНГ. Ко второй группе источников можно отнести ведущие СМИ Беларуси и западноевропейских стран: газеты «Обсервер», «Файнэншл таймс», «Индепендент», «Таймс», «Гардиан», «Зюддойче Цайт», «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», «Шпигель», «Монд», журналы «Дипломат», «Экономист», «Таймс», «Форбс», «Белорусская хроника». Культурные и научные связи Беларуси с ФРГ, Великобританией, Францией привлекали внимание в эти же годы и периодической печати нашей страны (газеты «Звезда», «Советская Беларусь», «Рэспубліка», «Голас Радзімы», «ЛіМ», «Веды», «Культура»; журналы «Беларуская думка», «Беларускі гістарычны часопіс»; периодические научные издания Национального научно-просветительского центра им. Ф. Скорины «Беларусіка = Albaruthenika», «Кантакты і дыялогі»). Данная информация дополняется архивными источниками из фондов правительственных и научных учреждений, непосредственно связанных с реализацией культурной политики этих государств в сфере международных отношений (официальные ноты правительств, отчеты о визитах, встречах, «круглых» столах, аналитические справки о состоянии культурного и научного сотрудничества). Хранящиеся в фондах белорусских архивов документальные коллекции по периоду 70—80-х годов XX века в значительной мере конкретизируют данную информацию. В первую очередь заслуживают внимания документы Национального архива Республики Беларусь (фонд МИД БССР, фонд Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами). В Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси содержится достаточно полная и многообразная информация, отражающая научные связи между Беларусью и государствами Европы в 70—90-е годы XX века. Постсоветский период в истории культурных и научных связей этих государств наиболее полно отражен в документах текущего архива МИД Республики Беларусь (документы посольств Республики Беларусь

в странах ЕС и СНГ: отчеты, аналитические записки, справки, переписка по проблемам межкультурного сотрудничества). Сегодняшняя ситуация, связанная с широким внедрением в практику научных коммуникаций современных информационных технологий, дают исследователям возможность расширить зону поиска и исследование источников по изучаемой проблеме через быстрорастущую систему электронных сайтов ресурсов (сайты Форин Офис Великобритании, МИД ФРГ, МИД Республики Беларусь, МИД Франции, университетских, исследовательских и аналитических центров, занимающихся белорусоведческой проблематикой в этом регионе) [16, с. 11—22].

Отдельным видом источников, где в той или иной степени прозвучала белорусоведческая проблематика, являются изданные в 90-е годы XX — начале XXI века мемуары активных деятелей белорусской диаспоры зарубежного мира Запада, которые играли видную роль в формировании интереса научной общественности этих стран к истории и культуре Беларуси (В. Кипель, З. Кипель, Я. Запрудник, В. Тумаш, В. Жук-Гришкевич, М. Белямук, Е. Калубович, о. Ч. Сипович, о. А. Надсон, Ю. Веселковский, П. Урбан, В. Пануцевич и др.). В ракурсе заявленной темы наиболее ценным является комплекс источников историографического характера — работы историков, литературоведов, филологов и искусствоведов европейского зарубежья второй половины XX век в Великобритании — это монографии и статьи Л. Горошко, Ч. Сиповича, А. Надсона, Дж. Дингли, Д. Клиера, А. Макмиллана, Г. Пикарды, В. Рич, Э. Вильямса, А. Цехоновецкого, И. Огинского, Ю. Веселовского; в ФРГ — П. Урбана, И. Любочко, Р. Линднера, А. Зам, Б. Кьяри, А. Лоренц; в США и Канаде — Я. Запрудника, В. Тумаша, Л. Окиншевича, В. Кипель, З. Кипель, М. Белямука, З. Когута, С. Плохия, Д. Марплс, Р. Шпарлюка, З. Гимпелевич, Ю. Туронка, А. Миронович, Е. Миронович, О. Латышонка и др. В их работах была представлена цельная система взглядов по особенностям исторического процесса на белорусских землях, оценки, основанные на результатах собственных исследований по отдельным важнейшим аспектам истории белорусской культуры (белорусская ментальность, выдающиеся деятели белорусской культуры и их роль в становлении этнополитического и исторического сознания белорусов, роль христианских конфессий в системе ценностей белорусов и роль политического фактора в их судьбе, особенности белорусской культуры). С их деятельностью было связано проведение важных научных и культурных акций (семинаров, конференций, круглых столов, выставок, концертов) по знакомству англичан, немцев, поляков, французов с культурой и историей Беларуси в 50—90-е годы XX века. Материалы и личные архивы этих историков, культурологов позволяют создать достаточно репрезентативное представление о формировании традиций научного белорусоведения в этих странах после Второй мировой войны [17].

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенные в 2011—2018-х годах исследования гродненской группой историков, объединенных в созданном в 2015 году Центре междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения, позволяют выделить основные «зоны влияния» оценок научного сообщества этих стран в изучении истории и культуры Беларуси. Разработки данной проблематики привели авторов статьи к следующим представлениям об изучаемом феномене [18, с. 509—515]:

1. На зарождение интереса к Беларуси в политической элите и научном сообществе Западной Европы второй половины XX века оказали непосредственное влияние социально-политический контекст, связанный с итогами Второй мировой войны, и роль, которую играла в этих событиях Беларусь как часть Советского Союза, активно участвовавшая в учреждении ООН; белорусская диаспора поколения 1920—1990-х годов в странах Западной Европы, создавшая первые культурно-просветительские и научные центры на ее территории; развитие в рамках славистики в странах Западной Европы политизированного направления — советологии [17, с. 395].

2. Эволюция и оформление белорусоведения как отдельного направления в славистике западноевропейских стран ЕС 90-х годов XX века определялись: распадом СССР и образованием суверенного государства — Республики Беларусь; активизацией влияния белорусской диаспоры как части экспертного сообщества этих государств на процесс принятия правительственных

решений в сфере национально-культурной и внешней политики относительно «белорусской проблемы»; формированием отдельного белорусоведческого направления в среде академического научного сообщества Великобритании, ФРГ и Франции, специализирующегося на изучении культуры и истории восточнославянских этносов государств СНГ (университетские, академические, аналитические центры при правительственных организациях).

Вместе с тем, отмечая эти общие черты, характеризующие роль основных факторов — мотиваторов становления белорусоведения в указанных странах, нельзя не отметить, что выявленные тенденции в большей степени сказались в таких странах, как Великобритания и ФРГ. Хотя и в последних специфика послевоенной диаспоры существенно отличалась (в ФРГ в основном осели представители белорусской коллаборации, связанной с немецкими оккупантами; в Великобритании — белорусские эмигранты, сражавшиеся в армиях союзников).

Период 50—70-х годов XX века можно считать временем становления историографических традиций в трактовке западноевропейскими учеными культуры и истории Беларуси. Рассматривая проблемы становления белорусоведения в этих странах ЕС, следует отметить, что до конца 1980-х годов интерес к нашей стране проявлялся чаще всего не как к самостоятельному государству, а как составной части многонациональных государств (Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ), Речи Посполитой, Российской империи, СССР). Поэтому до провозглашения независимости Республики Беларусь отдельных центров белорусоведения на территории стран ЕС не существовало. Отдельные сюжеты, касающиеся истории и культуры Беларуси, изучались отдельными учеными, которые работали в центрах исследований истории и культуры восточнославянского населения. Особый интерес в таких исследованиях привлекало политически и экономически мощное государство — Россия. Беларусь, как правило, упоминалась в контексте данных исследований. Следует отметить, что не все явления белорусской культуры и истории в одинаковой степени притягивали внимание зарубежных славистов Европы. Пробуждение интереса к истории и культуре нашей страны со стороны европейского научного сообщества было тесно связано с конкретными историческими событиями и эпохами, где история западноевропейских стран ЕС явственно «резонировала» в белорусском историко-культурном контексте. Знакомство с историческими исследованиями европейских ученых-славистов 50—90-х годов XX века позволяет выделить следующие исследовательские тематические доминанты: 1) X—XII века (контакты кривичей и немцев (тевтонов); 2) Киевская Русь и Священная Римская империя; 3) XIII—XV века (борьба балтских и восточнославянских народов, народов Восточной Европы с Тевтонским орденом); 4) Реформация на восточнославянских землях; 5) магдебургское право на восточнославянских землях; 6) «Саксонский период» в истории ВКЛ и Речи Посполитой; 7) война 1812 года (участие армии Рейнского союза в войне на территории современной Беларуси); 8) Первая и Вторая мировые войны; 9) события 1939 года; 10) распад СССР и постсоветская Беларусь [17, с. 400].

Многочисленным и интенсивным исследованиям в работах немецких славистов новейшего времени подвергались проблемы, связанные с историей взаимоотношений восточнославянского мира и Германии в период Первой и Второй мировых войн. Несомненно, темы Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации занимают лидирующее место в трудах немецких ученых о Беларуси. Большинству исследований историков Западной Европы 1950—1980-х годов нередко был присущ тенденциозный подход и антисоветская направленность. Недостаток объективности определялся в немалой степени отсутствием достаточной информации об истории и культуре Беларуси, стереотипными, политизированными клише восприятия советской действительности. Несмотря на то, что белорусоведение не стало самостоятельным объектом крупных исследований в тот период, большой фактический материал, многие обобщения и оценки не потеряли своей актуальности и сегодня. Они явились фундаментом для дальнейшего становления и развития белорусоведения в Западной Европе как самостоятельной историко-культурологической дисциплины [19].

Новый этап изучения Беларуси в западноевропейской славистике можно датировать рубежом 80—90-х годов XX века. Ведущий критерий его выделения — институциональный аспект. Процессы, происходившие в Европе в это время, существенно повлияли на развитие белорусоведения. Особое влияние на эти процессы оказало появление на политической арене континента Беларуси как независимого и суверенного государства.

Заключение. Анализ имеющейся, пока еще незначительной, историографической исследовательской традиции и источникового поля изучения проблемы становления белорусоведения в странах Западной Европы показывает отсутствие в историческом белорусоведении ее системного, комплексного рассмотрения. Имеющееся на сегодняшний момент источниковое поле выглядит представительным и перспективным при научной реконструкции исследуемого феномена.

Изучение истории Беларуси и ее культуры к началу XXI века стало видным явлением западноевропейской традиции исследования обществ и культур восточнославянских народов. Данное направление уже наработало определенные традиции в европейской славистике, однако пока еще уступает славистическим традициям изучения русиеведения, полоники и украиноведения.

В своем исследовании истории и культуры Беларуси отечественное и западноевропейское белорусоведение стояли на различных методологических позициях. Отечественная белорусистская традиция, несомненно, выглядит более основательно в аспекте привлечения и освоения корпуса источников по истории Беларуси. В силу политического противоборства Запада и СССР в 20—80-е годы XX века эти традиции развивались как две параллельные прямые, что, несомненно, не пошло на пользу как одной, так и другой историографической традиции. В связи с этим в нашей исторической науке существует необходимость непредвзятого осмысления вклада, который был сделан зарубежным белорусоведением в исследование проблем белорусской истории и ее культуры. Возникает потребность в разработке новых концептуальных подходов в отечественном белорусоведении с учетом данных реалий.

К XXI веку, по сравнению с началом XX столетия, узнаваемость Беларуси в западноевропейском славистическом контексте значительно выросла. Однако и к началу XXI века на Западе (Великобритания, ФРГ, Франция) отсутствуют влиятельные научно-аналитические институции, деятельность и внимание которых были бы сосредоточены на белорусской проблематике. По степени интенсивности исследовательских знаний о Беларуси можно разместить рассматриваемые в статье страны в следующей очередности: ФРГ, Великобритания, Франция. В западноевропейской славистике доминируют два направления — филологическое и политологическое. Знание истории, экономики, культурных традиций страны, как правило, идет вторым и третьим планом. Отсутствие сбалансированного, системного знания о Беларуси в этих странах оказывает серьезное влияние (порой негативное) на выработку эффективной внешней реалистической политики этих государств по отношению к нашей стране. В то же время данная ситуация — сигнал для правительственных кругов самой Республики Беларусь о необходимости перехода от «деклараций о намерении» к реальной эффективной культурной политике в европейском геополитическом пространстве.

Список цитируемых источников

1. *Кривашэй, Д. А.* Развіцце культурных сувязей Рэспублікі Беларусь з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы (1991—1996) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Д. А. Кривашэй ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. — Мінск, 1999. — 19 с.
2. *Шадурскі, В. Г.* Супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з еўрапейскімі краінамі ў галіне культуры / В. Г. Шадурскі // Беларускі гістарычны часопіс. — 1999. — № 1. — С. 45—57.
3. *Короленок, Л. Г.* Беларусь и Великобритания: экономические, научно-технические и культурные связи в 1970—2003 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Л. Г. Короленок ; Беларус. гос. ун-т. — Минск, 2004. — 19 с.

4. *Ляднёва, А. С.* Месца і роль рэлігійнага друку ў захаванні нацыянальнай свядомасці беларусаў замежжа / А. С. Ляднёва // Книга в формировании духовной культуры и государственности белорусского народа : XVIII междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения, 16—17 мая 2012 г. : докл. науч.-практ. конф. / сост. Г. Н. Петровский. — Минск, 2012. — С. 170—176.
5. *Языкович, Л.* Рэлігійнае жыццё беларускай эміграцыі / Л. Языкович // Беларусіка = Albaruthenica / Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны ; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. — Мінск, 1992. — Кн. 2 : Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. — С. 280—288.
6. *Власова, Л. В.* БССР в международном культурном и научном сотрудничестве / Л. В. Власова. — Минск : Университетское, 1984. — 96 с.
7. *Воробей, Н. С.* Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50-е — 70-е годы) / Н. С. Воробей. — Минск : Наука и техника, 1981. — 227 с.
8. *Робертс, Дж.* Говорите прямо в канделябр. Культурные связи между Британией и Россией в 1973—2000 г. / Дж. Робертс ; пер. с англ. Л. Ю. Столяровой ; под ред. В. А. Скороденко. — М. : РОССПЭН, 2001. — 344 с.
9. *Егоров, А.* Республика Беларусь и европейские институты безопасности и сотрудничества / А. Егоров // Беларусь в мире. — 1999. — № 3. — С. 3—8.
10. *Голубович, О.* От биполярности к единой Европе / О. Голубович // Беларуская думка. — 1994. — № 9. — С. 82—84.
11. *Гардзіенка, А.* Кароткі нарыс БАПЦ у Вялікабрытаніі / А. Гардзіенка // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зб. арт. да 75-годдзя праф. А. Мальдзіса / ГА «Міжнародная асацыяцыя беларусістаў», Польскі ін-т у Мінску ; пад рэд. С. Запруднага, А. Фядуты, З. Шыбекі. — Мінск, 2007. — С. 405—413.
12. *Гардзіенка, Н. С.* Беларусы ў Вялікабрытаніі / Н. С. Гардзіенка. — Мінск : Медысонг, 2010. — 620 с.
13. *Розанов, А.* Внешняя политика Беларуси: новые очертания / А. Розанов // Беларусь в мире. — 1999. — № 2. — С. 3—7.
14. *Сергеева, Г. Г.* Белорусская ССР в научном сотрудничестве Советского Союза и социалистических стран (1945—1985 гг.) / Г. Г. Сергеева. — Минск : Наука и техника, 1986. — 216 с.
15. *Карев, Д. В.* Зарубежное белорусоведение XVI — начала XXI вв.: основные этапы и проблемы становления и развития : монография / Д. В. Карев, А. Д. Дудько. — Гродно : ЮрСаПринт, 2016. — 140 с.
16. *Карев, Д. В.* Восточнославянский мир в зарубежном белорусоведении второй половины XX — начала XXI в.: историографические и источниковедческие аспекты проблемы (Великобритания, ФРГ, США и Канада) / Д. В. Карев, А. Д. Карева, А. А. Змитрукевич // Беларускі археаграфічны штогоднік / гал. рэд. Э. М. Савіцкі.— Мінск, 2009. — Вып. 10. — С. 11—22.
17. *Карев, Д. В.* Белорусоведение в контексте европейской славистики XX — начала XXI в. / Д. В. Карев // Славянский альманах. — 2015. — № 1—2. — С. 390—404.
18. *Караў, Д.* Праект «Замежнае беларусазнаўства XVI — пач. XXI ст.» і стварэнне новага цэнтру даследаванняў гэтай праблемы / Д. Караў, Н. Дудзько // Запісы Беларускага інстытуту навукі і мастацтва = Belarusan institute of arts and sciences — N. Y. ; Miensk, 2016. — Т. 38. — С. 509—515.
19. *Карев, Д. В.* Традиции белорусоведения в странах ЕС / Д. В. Карев // Междунар. конф. «Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества» : сб. материалов. — Минск : Изд. центр БГУ. — 2014. — С. 324—327.

Поступила в редакцию 27.11.2018

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (152) 730 392, tkruczkowski@yahoo.com

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРИОДА X—XVI ВЕКОВ В ОЦЕНКЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

В историсофской концепции истории России В. О. Ключевского значимое место занимает история Польши. В определении места и роли Польши в истории Западной Европы и России в интерпретации В. О. Ключевского большое значение имеет проблема польско-германских отношений периода X—XVI веков. История Польши и польско-германские отношения рассматривалась ученым в связи с историей Западной Европы и России. Исследуемая тематика рассматривалась известным ученым в следующем ряде проблем: расселение западных славян и германский мир, военно-политического противостояние Польши и германского мира в исследуемый период, цивилизационное влияние романо-германского начала на польское славянское государство. Данная проблема в исторической полонистике В. О. Ключевского не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Ключевые слова: российская историческая полонистика; либеральная полонистика; В. О. Ключевский; Польша; германский мир; западная цивилизация; польско-германские отношения.

Библиогр.: 57 назв.

T. T. Kruczkowski

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozheshko str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 730 392, tkruczkowski@yahoo.com

POLISH-GERMAN RELATIONS OF THE X—XVI CENTURIES IN THE ASSESSMENT OF V. O. KLUCHEVSKI

The history of Poland has a significant role in V. O. Kluchevski's historiosophical concept of the Russian history. According to V. O. Klyuchevsky, the problem of Polish-German relations in the X—XVI centuries in defining the place and role of Poland in the history of Western Europe and Russia is important. The history of Poland and Polish-German relations was considered by the researcher in connection with the history of Western Europe and Russia. The research topic was examined by the well-known scientist in the following range of problems: the settlement of the Western Slavs and the Germanic world, the political and military confrontation between Poland and the German world during the period under investigation, and the civilizational influence of the Roman-Germanic principle on the Polish Slavic state. This problem was not the subject of separate studies in V. O. Klyuchevski's historical polonistics, and it is considered in this context for the first time.

Key words: Russian historical polonistics; liberal polonistics; V. O. Kluchevski; Poland; the Germanic world; Western civilization; Polish-German relations.

Ref.: 57 titles.

Введение. В данной статье автор ставит целью, рассматривая наиболее известную историческую концепцию истории России конца XIX — начала XX веков, разработанную В. О. Ключевским, выделить и показать в ней место и историческую роль польско-германских отношений периода X—XVI веков. История Польши ученым отдельно не исследовалась, а была в определенной степени, в зависимости от конкретного периода или рассматриваемой проблематики, тесно взаимосвязанной частью истории Западной Европы и России или частью ее внешнеполитических отношений, в том числе и с германским миром.

Проблематика противостояния романо-германского мира и славянства как противостоящих миров, а в ней Польши как славянского государства, перешедшего на сторону противника, была одной из наиболее популярных в российской историографии XIX — начала XX веков. В связи с этим представляет особый интерес рассмотрение оценочных подходов к данной проблематике

русской либеральной историографии указанного периода, представленной в данном случае известным русским либеральным историком — В. О. Ключевским. Однако взаимоотношения Польши и Германии не рассматривались В. О. Ключевским как отдельная проблема. Ученый часто негативно смотрел на немецкое влияние на европейскую, в том числе польскую, и русскую историю. В лекциях по всеобщей истории, читаемых в Александровском военном училище, он отмечал: «господствовавшее доселе в исторической Европе племя германское со времени вступления России в общую жизнь потеряло свою монополию делать историю» [1, с. 26]. Подобные высказывания в первую очередь связаны с критикой «пронемецкого» взгляда на историю России, который берет начало в России ещё в XVIII веке. В конце XIX — начале XX века в связи с обострением российско-германских отношений вопрос противостояния романо-германского мира славянству был очень популярным среди представителей российской историографии, как консервативно-славянофильского, так и либерального направлений.

Проблематика польско-германских отношений в исследуемый период изложена историком преимущественно в первом и втором томе его «Курса русской истории», а также и в ряде других трудов, затрагивающих исследуемую тематику [1—4]. Научное наследие и общественно-политические и историософские воззрения В. О. Ключевского являлось неоднократно предметом исследования как его современников [5—9], в советской исторической традиции [10—21], так и современной историософской и историографической литературе [22—36]. В последнее время объектом исследований стала и историческая полонистика В. О. Ключевского [37—48]. Однако остается вне должной заинтересованности исследователей проблематика польско-германских отношений в оценке известного историка. В поле внимания исследователей попали только некоторые ее аспекты [49]. Специального комплексного историографического исследования данной проблематики не существует.

Автор для передачи специфики оценочных подходов В. О. Ключевского, использует названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной историографии. Польша и Великое Княжество Литовское (далее — ВКЛ) после Кревской унии, Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность или чаще всего как «Польша». Территории Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли» или, говоря современной российской терминологией, как часть русского мира. Для общей характеристики российско-польского противоборства используется современное понятие «цивилизации» и цивилизационной борьбы. Это делается для более точного отображения характера российско-польского противостояния. В данном случае автор статьи использует дефиницию цивилизации в широком смысле этого понятия как определенный набор существенных качественных характеристик созданного общественно-политического, государственного уклада: историко-культурных, общественно-политических, экономических, идейно-ментальных, конфессиональных. Этот термин широко использовался в российской исторической науке рассматриваемого периода в основном В. О. Ключевским и Н. И. Кареевым. Однако в целом в российской науке исследуемого периода это понятие использовалось редко, его заменяли термином «борьбы миров» или «народных стихий», или культурно-исторических типов как у Н. И. Данилевского или К. Н. Леонтьева.

Результаты исследования и их обсуждение. Вслед за своим учителем С. М. Соловьёвым В. О. Ключевский рассматривал взаимоотношения германцев и славян (среди которых он называл и западных славян) на заре их истории как изначальных противников: «восточные славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем не похожей на ту, в какую попали их арийские родичи, германские племена. Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покорённых ими римлян, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры. Восточные славяне, напротив, увидели себя на бесконечной равнине, своими реками мешавшей им плотно усесться, своими лесами и болотами затруднявшей им хозяйственное обзаведение на

новоселье, среди соседей, чуждых по происхождению и низших по развитию, у которых нечего было позаимствовать и с которыми приходилось постоянно бороться, в стране ненасиженной и нетронутый, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин» [2, с. 47—48]. Таким образом, уже начальный период истории Руси, общей истории славянства и германского мира рассматривались В. О. Ключевским в связи с историей польского народа. При этом исследователь эту связь не обозначал отдельно, а она проявлялась в его интерпретации отдельных ключевых моментов истории Польши.

Описывая раннюю историю славян, В. О. Ключевский говорил об их изначальном единстве, а затем сожалел об их разделении. Расселение польских племен и становление их государственности рассматривалось В. О. Ключевским, вслед за С. М. Соловьевым, в связи с ранней историей славян, их расселением и образованием первых славянских государств, а затем и восточных славян и их государственности. Начальную историю восточных славян ученый, как и С. М. Соловьев [50, с. 87], излагал по русским летописям. Рассказывая о расселении восточных славян, историк упоминал о переселении на восток части западных славян «от ляхов»: «Летописец прибавляет еще радимичей и вятичей, которые происходят от ляхов, т. е. от западных славян: были два брата в ляхах, Радим и Вятко» [2, с. 125]. Однако возможные причины их переселения историк не рассматривал.

Уже в начальный период история Руси рассматривалась В. О. Ключевским в связи с историей польского народа. Так, показывая ход влияния романо-германского мира на славян, в отношении Руси он отмечал и польский фактор. Историк отмечал, вслед за С. М. Соловьевым, что расселение славян на запад столкнулось с немецкими племенами, называя в первую очередь идущих на юго-восток готов [2, с. 123]. С. М. Соловьев в представлении отношений славянского и германского мира еще в начале славянской истории, вслед за славянофильской традицией, указывал, прежде всего, на их изначальное противостояние. Ученый считал, что германцы и славяне стали основными народами Европы и соперниками между собою. Такое расселение и разделение славян, по мнению С. М. Соловьева, привело к славяно-германскому противостоянию, которое он называл «борьба между Востоком и Западом» [50, с. 182]. Германское движение на Восток, по утверждению исследователя, привело к столкновению со славянами, жившими между Эльбой и Одером [50, с. 125].

Как видим, в российской историографии, как консервативной, так и либеральной направленности, существовало положение о постоянном германо-славянском противостоянии [47]. Так, С. М. Соловьев (учитель В. О. Ключевского) в представлении отношений славянского и германского мира еще в начале славянской истории, вслед за славянофильской традицией, указывал, прежде всего, на их изначальное противостояние. Ученый считал, что германцы и славяне стали основными народами Европы и соперниками между собою [50, с. 260]. Эта точка зрения была принята, как видим, его учеником.

Отношения польского народа с немецким миром В. О. Ключевский начинал со времени великого переселения народов, указывая, что «в V и VI вв. в Средней и Восточной Европе очистилось много мест, покинутых германскими племенами, которых гуннское нашествие двинуло на юг и запад в римские провинции. Аварское нашествие оказало подобное же действие на славянские племена, двинув их на опустелые места. VII в. был временем, когда в той или другой связи с аварским движением возник ряд славянских государств (Чешское, Хорватское, Болгарское). В этот же век по местам, где прежде господствовали готы, стали расселяться восточные славяне, как в стране, где прежде сидели вандалы и бургунды, тогда же расселялись ляхи» [2, с. 126]. Сравнивая данное положение В. О. Ключевского с описанием этой эпохи С. М. Соловьевым, увидим общие черты. Польша, по мнению С. М. Соловьева, первоначально приняла на себя миссию западных славян в борьбе с германским натиском: «Целые века оба народа вели борьбу за широкие равнины между Эльбой и Вислой, которые сначала были заняты германцами, потом, по удалении последних во время великого переселения народов, стали жилищами славян» [51, с. 7].

Говоря о внешнеполитической ситуации западных славян и Польши в частности, В. О. Ключевский, следуя за своим учителем, акцентировал положение о том, что западные славяне в X — XI веках оказались объектом давления германского натиска и их стремления не допустить, соединяя славян. «С одной стороны, мадьяры разрезают Моравское государство, отделяют славян западных от юго-восточных, — писал он, — с другой стороны, немцы стремятся уничтожить чешское и польское государства, помешать соединению чехов с поляками в одну сильную монархию. Попытка Болеслава I создать большую славянскую империю была последняя» [2, с. 25]. Историк считал, что после правления Болеслава I Польша начинала слабеть и не смогла сопротивляться усиливающейся немецкой экспансии. В результате этого процесса польские земли постепенно переходят во владение немцам. Это происходило, по мнению русского историка, в результате залогов и активного содействия той части польского духовенства, которая являлась выходцами из немецких земель. Всё это обусловило, утверждал В. О. Ключевский, — «онемечение западных частей Польши, Померании и Силезии» [2, с. 25]. И в политическом значении западные славяне, в том числе и поляки, как отмечал исследователь, вынуждены были подчиняться немецкой империи, т. е. «Священной Римской империи германского народа».

По мнению В. О. Ключевского, «идея славянского единства в начале XII века требовала большего напряжения мысли, так как совсем не поддерживалась современной действительностью» [2, с. 110]. «Когда на берегах Днепра эта мысль выражалась с такой верой или уверенностью, — писал он, — славянство было разобщено и в значительной части своего состава порабощено: Моравская держава была разбита венграми <...> полабские и прибалтийские славяне уступали немецкому напору и, вместе с чехами и поляками, католическому влиянию» [2, с. 110]. Это разобщение, согласно В. О. Ключевскому (в этом вопросе его позиции совпадают с мнением большинства российских историков), привело к политическому и духовному подчинению Польши западному миру, представленному, прежде всего германской империей.

Прежде всего, обратим внимание на то обстоятельство, что В. О. Ключевский считал, что разобщению славян способствовало принятие Польшей христианства в форме католичества. Историк совершенно оставил в стороне и не рассматривал политические мотивы и последствия принятия Польшей католичества не из Германии, а благодаря посредничеству Чехии. В то же время Н. И. Кареев подчеркивал, что благодаря формальному подчинению Риму Польша смогла воспротивиться политической зависимости от германского императора. Зависимость от папства не слишком тяготила польскую власть, считал ученый, хотя бы потому, что географически она была слишком далеко от папы [52, с. 53]. В результате Польша, как отмечал Н. И. Кареев, на раннем этапе своего становления, несмотря на военно-политическое давление, сумела сохранить свою политическую независимость от германских императоров. Он считал, что Польша, подобно Чехии и Венгрии, не была втянута в сферу германской империи, а сохранила свою политическую независимость [53, с. 59]. Более того, по мнению Н. И. Кареева, — приобщение к европейской средневековой культуре было мыслимо лишь в форме принятия христианства [54, с. 324].

В. О. Ключевский описывал начало польско-германских государственных отношений как военно-политическую борьбу за Померанию и Силезию. В период этой борьбы формируется дружина, из которой впоследствии возникло высшее землевладельческое сословие. В Польше, как и в Западной Европе, в отличие от Руси, — писал он, — сложилась система феодальных отношений. <...> Старшие дружинники, княжи мужи <...> могли превращать свои должности в наследственные, как это было на феодальном Западе и в соседней Польше» [2, с. 205]. Как видим, В. О. Ключевский, как в российской либеральной историографии в целом, поддерживал тенденцию сближения роли России и Польши как промежуточного звена между Западом и Востоком. Положение об общности исторического пути на начальном периоде становления европейской цивилизации российская либеральная историография обосновывала мнением о существовании общих черт феодализма в Западной и Восточной Европе [47, с. 210].

Следующим этапом вторжения германского мира в Восточную Европу В. О. Ключевский, как и С. М. Соловьев, называл приглашение самими поляками (Конрадом Мазовецким) Тевтонского

ордена на территорию Польши для борьбы с пруссами. Результатом этого недалековидного действия стала потеря польского побережья Балтики и насильственное онемечивание Пруссии. Литовцы, утверждал В. О. Ключевский, смогли оказать сопротивление немецкому Ордену, усилившись западнорусскими княжествами и беглецами из Пруссии. Поэтому, по его мнению, «для борьбы с немцами, ставшими опасными для Польши, явилась для последней нужда в соединении с Литвой» [2, с. 26], т. е. в том числе и с восточнославянскими княжествами, попавшими под власть ВКЛ.

Таким образом, В. О. Ключевский видел в немецкой стороне опасных противников для постепенно слабеющей Польши. Он указывал, что Польша, с одной стороны, слабея, уступала свои территории немцам, а с другой — вступила на путь восточной экспансии. «При описанном ходе внутреннего государственного развития она не могла успешно бороться со своими западными врагами — немцами. С этой стороны были потеряны завоевания Болеслава I — Померания, Силезия. Отступая перед немецким натиском на западе, Польша стремилась вознаградить себя на востоке, отняла у русских князей Галицию, посредством соединения с Литвой приобрела другие княжества Юго-Западной Руси» [2, с. 142].

Однако В. О. Ключевский, в отличие от своего учителя С. М. Соловьева, не говорил о том, что Польша, проиграв эту военно-политическую борьбу с германским миром и приняв западное христианство, изменила своей исторической миссии и делу славянства. В общем В. О. Ключевский не высказывался негативно о западном цивилизационном выборе Польши, в отличие от С. М. Соловьева. В этом отношении его оценочные позиции значительно ближе к положениям Н. И. Кареева, чем его учителя С. М. Соловьева [47].

В дальнейшем В. О. Ключевский не посвятил много внимания отдельно польско-германским отношениям. Доказательством сохраняющегося польско-германского соперничества историк считал продолжающийся немецкий натиск на католическую уже Польшу, особенно в форме духовно-рыцарских орденов, распространяющихся на Балтийском побережье. В данном случае отчетливо заметны оценочные позиции учителя В. О. Ключевского — С. М. Соловьева. Подобное мнение поддержал и Н. И. Кареев. Более того, утверждал он, — немецкий «напор на Восток» и борьба славян с германизмом составляют, одну из важных сторон средневековой и новой их истории [55, с. 133]. Германизация самых западных славянских племен была началом, писал он, непрекращающегося и поныне немецкого «напора на Восток» (*Drang nach Osten*) [55, с. 134].

Анализ В. О. Ключевским отношений Москвы и ВКЛ сосредоточивается, преимущественно, на конфессиональном и западнорусском вопросах, и в таком изложении истории Литвы оставалось мало места для характеристики отношений Польши-ВКЛ и германского мира. В отношении истории ВКЛ В. О. Ключевский не проводил собственных исследований и, как показывает анализ его взглядов, он во многом находился под влиянием стереотипов консервативной историографии ВКЛ (Н. Г. Устрялов, М. О. Коялович и др.) [47]. Он писал, что Литва подчинила остатки владений Руси и навязала «новые чуждые политические отношения и культурные влияния» [2, с. 335]. Историк, считая, что Литва в основном состояла из русского населения [3, с. 101], подчеркивал культурную доминацию Руси, называя ВКЛ Литовско-Русским государством [2, с. 341].

Однако В. О. Ключевский полностью не разделял взгляд консервативной историографии на ВКЛ как на русское государство и не поддерживал ее положение о значительной обособленности русских земель в составе ВКЛ уже после заключения унии с Польшей. Он был среди тех историков (Н. И. Кареев, М. К. Любавский), которые признавая значительность русского влияния в Литве, считали, что в политическом плане преобладал литовский элемент [47]. В. О. Ключевский обосновывал это завоеванием Руси Литвой [3, с. 88].

Исходя из таких позиций, В. О. Ключевский, как и С. М. Соловьев, оценивал и польско-литовскую унию, в том числе и в контексте германского фактора. Польско-литовская уния именуется историком «политической сделкой польских панов с великим князем литовским Ягайлом» [3, с. 87]. Он признавал: «Сделка основана была на обоюдных расчетах сторон: Ягайло надеялся, став королем и приняв католицизм со всем своим народом, найти в Польше и папе поддержку против опасного Тевтонского ордена, а полякам хотелось через Ягайла взять в свое распоряжение

силы и средства Литвы» [3, с. 88]. Как видим, в данном случае В. О. Ключевский отмечал значимость немецкой опасности только для ВКЛ, и совсем не вспоминал ее в отношении Польши.

Однако далее практически нет оценок историка относительно войн Польши и ВКЛ с немецкими рыцарскими орденами. За исключением, пожалуй, кратких упоминаний. Так, например, говоря о выходе Москвы в период Ивана III на широкую международную арену, он вспоминает, что Москва строила свою систему международных отношений против польско-литовского государства, завязывая отношения с «орденами Тевтонским и Ливонским, с императором германским» [3, с. 108]. Такое изложение В. О. Ключевским польско-германских отношений значительно отличалось от подхода С. М. Соловьева или Н. И. Кареева [47].

Вместе с тем, согласно мнению В. О. Ключевского, как и Н. И. Кареева, немецкое цивилизационное влияние, с одной стороны, способствовало экономическому, правовому прогрессу, а с другой — политической деградации политического строя польского королевства [47]. Так, Н. И. Кареев обращал особое внимание не только на военно-политическое противостояние Польши с германским миром, но и на преобладание в городах немецкого элемента, который способствовал во многом изоляции городов от политической жизни страны и в результате тому, что шляхта заняла исключительное место в общественной жизни польского общества [56, с. 27].

В. О. Ключевский часто сравнивал общественно-политическое устройство России и Западной Европы и весьма редко, причем в основном косвенно, — России и польско-литовского государства, испытывавшего влияние германского мира. Историк прямо утверждал, что Россия не имела западно-европейской формы феодализма [2, с. 359]. Ученый признавал принадлежность католической Польши к западной цивилизации, в том числе имея в виду германский фактор: «церковное родство и географическое соседство связали ее с романо-германской Европой» [3, с. 259]. В. О. Ключевский указывает на тесные культурные связи Польши и немецких государств того периода. В частности, рассуждая о реформации, ученый указывал: «Протестантские учения нашли в Польше восприимчивую почву, подготовленную тесными культурными связями с Германией. Много польской молодежи училось в Виттенбергском и других немецких университетах» [57, с. 93].

Отмечал он в Польше по европейскому образцу «политическую свободу высших классов», а в негативном плане — «раннее и несдержанное развитие крепостного права» [32, с. 259]. В целом эта характеристика не столь негативна, как в русской консервативной историографии, или даже части либеральной (С. М. Соловьев, В. И. Герье и др.) [47]. Однако В. О. Ключевский некоторые элементы западного влияния, прежде всего пришедшие из Германии, рассматривал исключительно негативно. Так, он отмечал, что в Западной Руси магдебургское право стало распространяться ещё в XIV веке: «это самоуправление введено было в городах Галицкой земли, которая присоединена была к Польше королем Казимиром Великим в 1340 г.; с половины XV века магдебургское право распространилось и в других городах Западной Руси» [3, с. 92]. В то время как в консервативной историографии имелась высокая оценка Магдебургского права в Польше и на Руси (Ф. М. Уманец, П. О. Бобровский) [47].

Однако следует отметить, что в конкретно историческом изложении истории России события второго и третьего периода ее истории в «Курсе русской истории» В. О. Ключевский весьма редко упоминал о польско-немецких отношениях. Так, он говорит о возможности использования Москвой при Иване III германского фактора против Польши при случае приема московским князем послов от императора Священной Римской империи Фридриха III, которые приезжали в Москву [3, с. 119]. В. О. Ключевский только отметил несколькими предложениями событие, столь важное для польско-германских отношений, как секуляризацию прусского Тевтонского ордена во главе с магистром Альбертом в 1525 году и принятие им вассальной зависимости от польского короля [3, с. 94]. Упомянулось это событие не в связи с польско-немецкими отношениями, а в связи с реформацией в Германии.

Это касалось не только польско-германских отношений, но и московско-польских. Так, вопросу неудачной войны Ивана Грозного в Ливонии, по причине вмешательства польско-литовского государства, ученым уделено меньше внимания, чем его предшественниками. Это обстоятельство в отношении Ливонской войны отмечено и в современной польской историографии [38, с. 252].

Заключение. Определенное место в исторической полонистике В. О. Ключевского занимала проблематика польско-немецких отношений в период X—XVI веков. Однако она не была приоритетной темой исследования и проявлялась в связи с историей Западной Европы, России или общеславянской тематикой. Проблематика польско-германских отношений рассматривалась историком весьма фрагментарно: отмечались столкновения Польши и германского мира в борьбе за земли западных славян, войны Польши, а затем и польско-литовского государства с орденами крестоносцев, влияние немецкой колонизации на польские земли. Исследуемая тематика польско-германских отношений в период X—XVI веков рассматривалась известным ученым в следующем ряде проблем: расселение западных славян и уже воспринявший римско-христианское цивилизационное наследие германский мир, военно-политическое противостояние Польши и германского мира в исследуемый период, цивилизационное влияние романно-германского начала на польское славянское государство, которое определялось, по мнению В. О. Ключевского, как польский католический вариант славянского государства. Хронологические рамки выделяются исходя из оценочного подхода ученого: X век — начало польско-германских отношений и XVI век — временное завершение польско-германского противостояния, окончившегося победой Польши над Тевтонским орденом и принятием им вассальной зависимости от польского короля.

Исходя из своей общей историософской концепции истории России, В. О. Ключевский объяснял и особенности истории Польши, и польско-германские отношения: военно-политическое противоборство с германским миром — как борьбу геополитическую за влияние и территории (т. е., по его мнению, между ними не было цивилизационного противостояния, в отличие от славянофильской концепции) и цивилизационное противостояние на востоке с русским православным миром — как «борьбу польской и русской идей».

Список цитируемых источников

1. Ключевский, В. О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / В. О. Ключевский / под ред. Р. А. Киреевой. — М. : Рус. панорама, 2012. — 504 с.
2. Ключевский, В. О. Сочинения / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 1 : Курс русской истории / вступ. ст. В. Л. Янина, В. А. Александрова ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. — 1987. — 422 с.
3. Ключевский, В. О. Сочинения / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 2 : Курс русской истории. Ч. II ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. — 1987. — 447 с.
4. Ключевский, В. О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) / В. О. Ключевский // Очерки и речи. Второй сборник статей В. О. Ключевского. — М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. — 515 с.
5. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — 3-е изд. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 688 с.
6. Кизеветтер, А. А. На рубеже столетий. Воспоминания. 1881—1914 / А. А. Кизеветтер. — Прага, 1929. — 524 с.
7. Миллюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Миллюков. — М., 1913. — 342 с.
8. Платонов, С. Ф. Памяти В. О. Ключевского / С. Ф. Платонов // В. О. Ключевский : Характеристики и Воспоминания. — М. : Науч. слово, 1912.
9. Лаппо-Данилевский, А. С. Исторические взгляды В. О. Ключевского / А. С. Лаппо-Данилевский // В. О. Ключевский : Характеристики и воспоминания. — М. : Науч. слово, 1912.
10. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский / М. В. Нечкина. — М., 1974. — 640 с.
11. Цамутали, А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма : Историографические очерки / А. Н. Цамутали. — Л. : Наука, 1985. — 331 с.
12. Черепнин, Л. В. В. О. Ключевский / Л. В. Черепнин // Очерки истории исторической науки в СССР : в 2 т. — М., 1960. — Т. II. — С. 146—170.
13. Астахов, В. И. Курс лекций по русской историографии / В. И. Астахов. — Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1965. — 584 с.
14. Шапиро, А. Л. Русская историография в период империализма / А. Л. Шапиро. — Л., 1962. — 236 с.
15. Киреева, Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. — М., 1983. — 214 с.

16. Киреева, Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р. А. Киреева. — М. : Наука, 1966. — 230 с.
17. Сахаров, А. М. Историография истории СССР: Досоветский период / А. М. Сахаров. — М., 1978. — 256 с.
18. Александров, В. А. Предисловие / В. А. Александров, В. Л. Янин // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. — М. : Мысль, 1987. — Т. I. Курс русской истории. Ч. I / под ред. В. Л. Янина. — С. 5—32.
19. Зимин, А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. / А. А. Зимин // Исторические записки. — М., 1961. — Т. 69. — С. 178—196.
20. Карагодин, А. И. «Философия истории» В. О. Ключевского / А. И. Карагодин. — Саратов, 1976. — 73 с.
21. Хмылев, Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. / Л. Н. Хмылёв. — Томск, 1978. — 172 с.
22. Киреева, Р. А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский / Р. А. Киреева // Историки России. XVIII—XX века. — М., 1996.
23. Киреева, Р. А. История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) / Р. А. Киреева // Россия и Европа. — 2007. — № 4. — С. 149—166.
24. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно, 2003. — 348 с.
25. Иллерицкая, Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. / Н. В. Иллерицкая. — М., 1998. — 403 с.
26. Щербань, Н. В. Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В. О. Ключевского / Н. В. Щербань // Отечественная история. — 2006. — № 4. — С. 78—89.
27. Шахов, А. Н. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский / А. Н. Шахов // Вопросы истории. — 2000. — № 3. — С. 146—155.
28. Попов, А. С. Оценка В. О. Ключевского как «историка-социолога» в российской историографии / А. С. Попов // Социальные науки: история, теория, методология. — М., 2000. — Вып. 2. — С. 67—84.
29. Попов, А. С. В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов: преемственность историографической традиции / А. С. Попов // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. — Пенза, 2003. — Вып. 1. — С. 38—42.
30. Щербань, Н. В. В. О. Ключевский о смуте / Н. В. Щербань // Отечественная история. — М., 1997. — № 3. — С. 96—106.
31. Попов, А. С. Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии / А. С. Попов. — М., 2002. — 400 с.
32. Попов, А. С. Историческая социология В. О. Ключевского / А. С. Попов. — Пенза : ПГПУ, 2010. — 145 с.
33. Гришина, Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. — Челябинск : Энциклопедия, 2010. — 288 с.
34. Эммонс, Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопросы истории. — 1990. — № 10. — С. 45—61.
35. Баранов, М. В. Философия истории В. О. Ключевского / М. В. Баранов. — М., 2007. — 212 с.
36. Мазалова, В. Ю. Вклад В. О. Ключевского в разработку исторической социологии / В. Ю. Мазалова. — Саратов, 2005. — 156 с.
37. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie / 100 kluczowych pojęć / pod red. A. Magdziak-Miszewskiej, M. Zuchniak, P. Kowala. — Warszawa, 2002. — Biblioteka «Więzi». — S. 21—34.
38. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. — Warszawa, 2001. — 310 s.
39. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. — Warszawa, 1970. — 518 s.
40. Нечухрин, А. Н. Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX — начала XX в. / А. Н. Нечухрин // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII — do XXI wieku : ГрГУ им. Я. Купалы, Ин-т истории Ягеллон. ун-та ; редкол.: А. Н. Нечухрин [и др.]. — Краков, 2007. — С. 11—18.
41. Kruczkowski, T. Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego / T. Kruczkowski // Rosja—Polska—Bałkany XVIII—XX w. — Szczecin, 1998. — S. 101—115.
42. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. — Сер. 1. — 2014. — № 3. — С. 53—66.
43. Кручковский, Т. Т. История России великорусского периода и польско-русские отношения в интерпретации В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Вестн. БарГУ. Сер. Исторические науки и археология. — 2014. — Вып. 2. — С. 32—46.
44. Кручковский, Т. Т. Цивилизационное влияние Польши периода Речи Посполитой на Россию в интерпретации В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Актуальныя праблемы гістарычнай навукі і адукацыі : зб. навук. арт. ; пад рэд С. В. Марозавай. — Гродна : ЮрСаПрынт, 2014. — С. 206—210.
45. Кручковский, Т. Т. История России первого периода и польско-русские отношения этого периода в интерпретации В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Вестн. БарГУ. Сер. Исторические науки и археология. — 2017. — Вып. 5. — С. 33—41.

46. *Кручковский, Т. Т.* Роль казацкого фактора в противостоянии России и Речи Посполитой в середине XVII века в оценке В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — Минск. — 2017. — № 1 (26). — С. 40—44.
47. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2016. — 383 с.
48. *Кручковский, Т. Т.* Историческая полонистика В. О. Ключевского в оценке польской историографии / Т. Т. Кручковский // KLIO POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. — Warszawa, 2017. — Т. 9. — S. 33—55.
49. *Кручковский, Т. Т.* Польско-германское противостояние X—XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX — начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева) / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. Минск. — 2015 — № 2. — С. 53—59.
50. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев ; вступ. ст. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. — М. : Мысль, 1988. — Кн. 1. История России с древнейших времен. — Т. 1—2. — 798 с.
51. *Соловьев, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьев. — М., 1863. — 369 с.
52. *Кареев, Н. Н.* Падения Польши в исторической литературе / Н. Н. Кареев. — М. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1888. — 413 с.
53. *Кареев, Н. И.* Введение в курс истории нового времени / Н. И. Кареев. — Варшава : ВУИ, 1884. — 117 с.
54. *Кареев, Н. И.* Главные обобщения всемирной истории / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. — 348 с.
55. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз—Ефрон, 1903. — 382 с.
56. *Кареев, Н. И.* Исторический очерк Польского Сейма / Н. И. Кареев. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1888. — 169 с.
57. *Ключевский, В. О.* Сочинения / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 3 : Курс русской истории. Ч. III / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминной. — 1988. — 414 с.

Поступила в редакцию 05.07.2018

УДК 930 (=16)

А. В. Литвинский

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

В представленной статье рассматривается методология исследования проблемы локализации прародины славян в научных трудах конца XX — начала XXI века. Определяется база и информационный потенциал источников, на основании которых подготовлена данная работа. Лаконично характеризуются методологические принципы и методы исследования.

В статье показаны основные тенденции исследования и методологические подходы к решению данной проблемы. Проанализированы позиции ученых данного периода по проблеме локализации прародины славян.

Ключевые слова: славяне; этногенез; прародина; методология; славистика.

Библиогр.: 34 назв.

A. V. Litvinski

Baranovich State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str.,
225404 Baranovich, the Republic of Belarus, +375 (163) 50 91 01, litvinski@inbox.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SLAVS ANCESTRAL HOMELAND LOCALIZATION IN HISTORIOGRAPHY OF THE END OF XX — EARLY XXI CENTURY

The article discusses methodology of the study of the problem of Slavs ancestral homeland localization in scientific works of the end of XX — early XXI century. The grounds and the information potential of the resources used in the present work have been determined. The methodological principles and methods research are characterized.

The article illustrates the main trends of the study and methodological approaches to solving this problem. The points of view scientists from that period on the Slavs ancestral homeland localization have been analyzed.

Key words: the Slavs; ethnogenesis; the ancestral homeland; methodology; the Slavic studies.

Ref.: 34 titles.

Введение. Происхождение славян является междисциплинарной научной проблемой, имеющей очевидный оттенок парадоксальности. Огромнейшие успехи славяноведения в области накопления, обработки и интерпретации весьма значительного по своему объёму эмпирического материала, не привели, однако, к ответам, хотя бы в основном удовлетворяющим научное сообщество, не говоря уж о частностях. До сих пор дискуссионными остаются многие вопросы этногенеза славян, в том числе вопрос определения их прародины, который, хотя и серьёзно разрабатывается уже свыше 150 лет, несколько не утратил актуальности.

На наш взгляд, разнообразие позиций по данному вопросу во многом объясняется различными методологическими установками исследователей. Анализ этих установок, представленных в историографии конца XX — начала XXI века (точнее говоря, имеется в виду период со второй половины 70-х годов XX века до наших дней), посвящена предлагаемая заинтересованному читателю статья, цель которой — выяснить методологические подходы исследователей к проблеме локализации прародины славян. Следует сразу же оговорить несколько моментов. Во-первых, обозначенный хронологический период выбран и потому что на его протяжении

вышли в свет солидные труды по рассматриваемой проблеме, представляющие большой научный интерес, и потому что по причине своей относительной новизны в них изложены современные методологические позиции.

Во-вторых, мы не ставили своей целью произвести полномасштабный историографический обзор и ограничились лишь рассмотрением наиболее характерных взглядов, преимущественно ориентируясь на, так сказать, постсоветскую историографию и на наиболее репрезентативные научные труды. При этом термин «историография» в выбранном контексте понимается довольно-таки широко, согласно основополагающему для славяноведения принципу междисциплинарности: коль скоро процесс образования славянской этноязыковой общности исторический, то и в состав историографии проблемы можно и даже нужно включить соответствующие научные труды не только историков и археологов, но также этнологов, лингвистов, специалистов в области антропологии и популяционной генетики.

Доселе методологические аспекты локализации прародины славян не выделялись в специальную, конкретную и четко обозначенную тему исследования (во избежание путаницы еще раз акцентируем внимание на том, что в данном контексте речь идёт не о самой проблеме определения прародины славян, историография которой как раз таки весьма обширна, а именно о методологических аспектах этой проблемы, поэтому в предлагаемой статье будет сведено к минимуму сравнение достоверности самих концепций славянской прародины, за исключением тех случаев, где без этого нельзя будет обойтись). Разумеется, ученые тем или иным способом очерчивали собственные методологические принципы, а также в какой-то мере характеризовали принципы коллег по научному цеху, иногда полемизируя с ними. Однако вряд ли их соображения и замечания по этому поводу можно воспринимать в качестве полноценной историографии проблемы.

Материал и методы исследования. Основой для подготовки данной статьи стал анализ трудов специалистов в области славяноведения, внесших в конце XX — начале XXI века весомый вклад в разработку проблемы локализации славянской прародины. При этом, как уже было отмечено выше, мы ориентировались на работы, в наибольшей степени информационно насыщенные, содержащие очевидный научно-методологический контент. Это труды монографического характера, непосредственно относящиеся к исследованию этногенеза славян [1—8]; статьи и доклады, имеющие фактически концептуальный характер, в том числе содержащие полемику с оппонентами [9—22]; работы, в которых в той или иной степени затрагиваются отдельные вопросы славянского этногенеза [23—28]; издания письменных источников по предыстории и истории ранних славян [29; 30]; солидные работы по этногенезу других этноязыковых общностей, важные для типологизации тех или иных методологических аспектов [31; 32].

Данная база источников позволяет с достаточной полнотой проанализировать тенденции методологического характера, проявляющиеся в процессе определения славянской прародины. Поскольку работа во многом носит обзорный характер и не предполагает подробного разбора взглядов ученых, мы посчитали за лучшее по возможности избегать прямого и обильного цитирования (в противном случае это сделало бы статью слишком громоздкой), отдавая предпочтение косвенным отсылкам к их трудам, разумеется, оформленным соответствующим образом.

В процессе исследования мы старались придерживаться принципов объективности и историзма. В силу специфики исследования особое место принадлежит комплексному научному междисциплинарному подходу, выражающемуся в критическом осмыслении исторической, археологической, историографической, источниковедческой, этнологической, лингвистической информации. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, приёмы герменевтики. Поскольку работа имеет методологический характер, предпочтение отдавалось структурно-функциональному методу в сочетании с методом контент-анализа, что позволяет проследить значимость методологических аспектов в научных произведениях различных авторов. Надлежащее значение в ходе исследования имели также историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Первое, с чем имеют дело исследователи, стремящиеся локализовать прародину славян на определённой территории, — это с необходимостью уяснения для себя смысла самого понятия «прародина». Кстати, почему «прародина», а не «родина»? В качестве ответа на этот вопрос обычно высказывается предположение о существовании некоей праславянской общности, практически не зафиксированной письменными источниками, но обладающей свойством выводимости из неё исторических славян. В таком дискурсе вполне оправданной является корреляция терминов «праславяне» — «прародина». По-другому говоря, предполагается генетическая преемственность (в этноязыковом и материально-культурном смысле этого словосочетания, а в последнее время, в связи с бурным развитием популяционной генетики, — и в собственно биологическом смысле) между праславянами и славянами.

Такая позиция, которую можно охарактеризовать как традиционную, очевидно преобладает и в историографии рассматриваемого периода. Считается, что в определённом ареале некогда сложилась предковая для славян общность, которая уже обладала специфическими признаками, выделявшими её среди соседей. В наибольшей степени данная позиция выражена в трудах известных советских и российских ученых: историка и археолога Б. А. Рыбакова [4, с. 11—108] и лингвиста О. Н. Трубачёва [7]. Интересно будет заметить, что именно оба эти автора склонны к своеобразному удревнению славян. По-своему это выглядит довольно-таки логично — ведь если ученые прослеживают славянскую преемственность практически непосредственно от индоевропейцев, с эпохи бронзового века, то и славяне естественным образом оказываются в их построениях этносом весьма древним. Фактически, это примордиалистская позиция, наиболее четко выраженная в следующих, достаточно спорно звучащих словах О. Н. Трубачёва: «Самоназвание отражает уже развитое этническое самосознание, которому, разумеется, предшествует длительный период существования этноса в условиях более древних форм самосознания и простейших самоидентификаций типа “мы”, “люди”» [7, с. 9].

В несколько смягченной форме, с определёнными оговорками, подобные взгляды высказывались и другими авторами, в частности, крупнейшим советским и российским славистом В. В. Седовым [5, с. 70—76], советским и белорусским археологом Э. М. Загорульским [12], советским и белорусским лингвистом В. В. Мартыновым [16]. Характерно, что они настаивают на достаточно раннем выделении праславянского языка из индоевропейской семьи, в особенности Э. М. Загорульский. Отсюда и стремление связывать со славянами или их предками археологические культуры бронзового века, к примеру, культуру шаровых амфор [12]. Но, главное, сторонники такой точки зрения ориентируются на традицию в сфере компаративистики, согласно которой праславянский, или общеславянский, язык — явление относительно раннее, достаточно древнее. А раз он существовал давно, то, естественно, существовали его физические носители, притом же в достаточном количестве для того чтобы фактически через тысячелетия сохраниться и приумножиться как некая этноязыковая общность, которая положила начало историческим славянским народам.

Соответственно, прародину славян они видят там, где возник и развился праславянский язык, хотя локализация этой прародины может быть разной. Например, О. Н. Трубачёв фактически возродил Дунайскую концепцию происхождения славян, которую всё же корректнее было бы назвать Неодунайской или Паннонской, чтобы отличать её от известной версии «Повести временных лет». А вот В. В. Мартынов, Э. М. Загорульский и В. В. Седов склоняются, правда, в разных вариациях, к Висло-Одерской локализации прародины славян. Наконец, Б. А. Рыбаков последовательно придерживался концепции «широкой» прародины, видя её на необозримых просторах между Одером и Днепром.

На наш взгляд, подобный подход уязвим именно с методологической точки зрения. Он вызывает вопросы, на которые очень трудно, а порой и невозможно дать убедительные, логически выверенные ответы. Во-первых, каким образом можно проследить преемственность в развитии славянского этноса от бронзового века до выхода славян на широкую историческую арену в середине VI века, если письменные свидетельства о наших языковых предках отсутствовали? Как с ноткой язвительности когда-то заметил известный советский археолог

А. Л. Монгайт, «попытки найти того кроманьонца, от которого произошел славянин, и другого кроманьонца, от которого произошел француз или англичанин, не только научно не оправданы, но порочны, так как в них содержится идея об извечной биологической разнице, предопределявшей судьбу каждого народа на протяжении всего его исторического пути» [33].

Во-вторых, почему люди, интересующиеся этногенезом славян, должны интуитивно, фактически на веру принимать утверждение о том, что праславянский язык, реконструированный лингвистами, существовал в глубокой древности, если корректно доказать это, будем откровенны, фактически невозможно? В этой связи уместно будет привести цитату российского археолога М. Б. Щукина: «Хронология — одно из самых слабых мест лингвистов. Все их отсылки на процессы IV—I тысячелетий до н. э., которыми они часто оперируют, на самом деле сугубо интуитивны, и никаких реальных привязок к реальным историческим процессам в самом языкознании практически не существует. Приходится обращаться, подчас довольно произвольно, к археологическим и историческим данным» [22].

В принципе, похожей точки зрения придерживается украинский археолог В. Д. Баран. Признавая возможность корреляции («наложения») друг на друга) археологических культур и «лингвистических регионов», он в то же время замечает, что «сравнительное языкознание имеет свои слабые места», поскольку «языковые явления в большинстве случаев не поддаются датированию, что значительно уменьшает их историко-познавательные возможности», а понятия «история языка» и «история народа» хотя и связаны между собой, но не тождественны [1, с. 27] (*перевод с украинского языка на русский наш. — А. Л.*). Такая же мысль в той или иной форме иногда высказывается в трудах и других археологов.

Наконец, с точки зрения уже не столько логики исторического познания, сколько логики самого исторического процесса (если таковая вообще есть), странно выглядит ситуация, согласно которой славяне, будто бы издавна обитая в Европе, настолько умело скрывались, что о них до VI века практически ничего не было известно. В этой связи российский византист и славист С. А. Иванов, полемизируя в том числе с О. Н. Трубачёвым, эмоционально замечает: «Конечно, на процесс трансмиссии этнонима могло уйти какое-то время, но ведь не века же!» [13, с. 8]. Пусть себе античные авторы не очень охотно сообщали о варварах, и это наблюдение справедливо, но такой «заговор молчания» относительно крупной европейской этноязыковой общности выглядит, по мнению ученого, неправдоподобно — ведь сообщали же античные авторы об индусах и лопарях [13, с. 8].

Не спасают положения упования на то, что славяне до VI века либо не имели самоназвания, либо его имели, но были известны тем же античным авторам не под самоназванием, а под экзоэтнонимом. Вообще-то говоря, несовпадение эндоэтнонима и экзоэтнонима в отношении того или иного народа — явление, обыденное в этнической истории (вспомним, к примеру, что мы называем немцев, греков, китайцев, финнов, венгров совсем не так, как это делают они сами в отношении себя). Можно предположить, что славяне или их предки раньше назывались как-то иначе, например, венедами, но доказательств этого, по сути дела, нет. Такая версия, базирующаяся на сообщении готского историка Иордана [29, с. 106—111, 127—154], — не более чем предположение. Характерно, что современник Иордана Прокопий Кесарийский, хотя и немало сообщает о склавинах и антах, ни разу не упоминает в данном контексте о венедах или венетах [29, с. 170—249].

Но дело даже не в этом, а в том, что этносы, как и любые иные человеческие сообщества, историчны. Они имеют начало в истории, иногда относительно позднее по сравнению с предыдущими этносами, поэтому не надо возводить каждый из них «к Адаму и Еве». И если некая общность разговаривала на языке, пусть и предковом для славянского, но по своим характеристикам еще далеко отстоящем от него, и люди, её составляющие, славянами себя не считали, а линейную связь между ними и славянами невозможно установить средствами науки, то можем ли мы утверждать о существовании славян в глубинах седой древности? Думаем, что нет.

Среди ученых конца XX — начала XXI века одним из первых, насколько нам известно, поставил вопрос в такой плоскости уже упомянутый выше С. А. Иванов [13]. Не случайно и название его статьи сформулировано в вопросительной форме. Интересной особенностью данной работы явилось, кроме всего прочего, еще и то, что автор цементирующей основой этноса считал такой довольно-таки субъективный фактор, как этническое самосознание, выражающееся, прежде всего, в наличии самоназвания (эндоэтнонима), а не относительно общего языка (пусть себе и с диалектами) или относительно единой материальной и духовной культуры («Что же тогда формирует сам этнос? Как это ни покажется странным — само сознание принадлежности к нему» [13, с. 6]). Такой подход, пожалуй, усложняет поиск ответа на вопрос, где находилась славянская прародина, поскольку, исходя из информации исторических источников различного происхождения, трудно, а может быть, и невозможно определить место возникновения этнического самосознания первых славян. Сам же исследователь склонялся к мысли, что это самосознание уже существовало у них до выхода на границы Византии в VI веке.

Позицию, которую можно охарактеризовать в качестве гиперкритической по отношению к уже сложившейся славяноведческой традиции, занимает американский исследователь Ф. Курта [8]. Отвечая на методологический по своей сути вопрос о содержании термина «этничность», он выражает несогласие с советскими учеными, делавшими акцент на объективные характеристики этноса, такие, как язык (прежде всего), материальная культура и духовные традиции, в целом понимая этничность в смысле, раскрытом в нашей статье абзацем выше.

Свой же взгляд по проблеме происхождения славян американский ученый излагает следующим образом: «The name “Slavene” was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnies on the other side of the northern frontier of Empire» («Имя “склавины” было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную конфигурацию народов по ту сторону северной границы империи») [8, с. 118—119]. При таком подходе вопросу о славянской прародине фактически не остаётся места в традиционном, своего рода классическом для славистике дискурсе. В самом деле, о какой прародине можно говорить, если славяне — «византийский конструкт»? Впрочем Ф. Курта не совсем последователен, когда высказывает вот такое мнение: «It might be that “Slavene” was initially the self-designation of a particular ethnic group» («Быть может, изначально имя “склавины” было самоназванием отдельной этнической группы») [8, с. 119]. Значит, славяне всё же существовали до их «изобретения» византийцами? Тогда, выходит, что попытки найти их прародину могут быть плодотворными.

Труд американского слависта был с настороженностью, но и с интересом воспринят научным сообществом. Тот же С. А. Иванов, а также археолог П. В. Шувалов опубликовали статьи, в которых даётся в целом критическая оценка взглядам Ф. Курты на славянский этногенез [14; 21]. Скажем, С. А. Иванов резонно замечает, что византийцам не было нужды изобретать новую этничность [14, с. 8], поскольку «греко-римские авторы вообще никогда не выдумывали этнонимы», что Прокопий Кесарийский воспринимал склавинов как отдельный этнос, имеющий общее происхождение с антами, что «под стены Юстиниановых крепостей вышли люди, уже точно осознававшие, что они — славяне» [14, с. 11]. Главная же претензия П. В. Шувалова к Ф. Курте заключается в том, что последний никак не описал механизм распространения среди славян будто бы созданной в Константинополе этнической идентичности [21, с. 19—20].

Точка зрения Ф. Курты, фактически решительно, с вызовом и эпатажем, отрицающая в отношении славян само понятие «прародина», конечно же, экстравагантна, даже в какой-то степени вычурна. Однако совсем отрицать её методологическое значение, на наш взгляд, не следует. Американский исследователь, пусть далеко не всегда убедительно, обратил внимание на сложность этногенеза славян, на то, что распространение идентичности ни в коем случае нельзя сводить к миграциям из какого-то центра и к демографическому взрыву. Иное дело, что вместе с водой, он, похоже, выплеснул и ребёнка. Его гипотеза происхождения славян порождает много вопросов, а ответы при этом трудно верифицируются научными средствами.

Если позицию Ф. Курты можно охарактеризовать в качестве крайней, своеобразного антипода позициям Б. А. Рыбакова и О. Н. Трубочёва, то необходимо отметить, что в обозначенный период преобладание получили взгляды, для которых характерен отказ от крайностей в сочетании с пониманием нелинейности и противоречивости этногенетических процессов. На рубеже веков перевес получила тенденция, согласно которой происхождение славян понимается не как процесс неуклонного разрастания некоей архаической общности, издревле существовавшей в Европе, но и не как этническое конструирование каких-то могущественных сил, при котором славяне выступали бы в качестве только объекта. В то же время не отрицается влияние на этот процесс агроклиматических, демографических, геополитических и иных значимых факторов, которые усложняли этногенез, придавали ему ту самую нелинейность, о которой было упомянуто выше.

Что же касается термина «прародина», то, по нашему мнению, здесь наблюдается тенденция к некоторому «размыванию» данного понятия. В качестве прародины далеко не всегда выступает некоторая четко очерченная территория, на которой будто бы жили славяне и дожидались «часа икс», когда появилась возможность широко, в разных направлениях, расселиться на просторах Европы. Учитывается стадильность процесса, его неравномерность и дискретность, его континуальный характер как во времени, так и в пространстве.

Это, впрочем, не означает отказа от поисков прародины. Однако в её качестве могут выступать территории, на которых начался славянский этногенез, земли, где славяне оформились в относительно стабильное сообщество, ареал, соотносимый с известиями письменных источников (за очень редким исключением, в качестве такового принимается территория распространения Пражской археологической культуры), регион, который сами славяне считали своей прародиной, что было зафиксировано в письменных источниках и в фольклоре различных народов славянской языковой группы (это, как известно, Подунавье – о его значении в судьбах славянства наиболее убедительно, как мы считаем, сказано у российских исследователей В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского [27, с. 148—155]). Характерно, что выбор между этими «прародинами» зависит от методологических установок ученых не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем от интерпретации накопленного эмпирического материала. Бывает, что данный выбор схож или даже почти идентичен у разных исследователей, но его методологические основания при этом весьма отличаются.

В качестве примера можно сравнить позиции О. Н. Трубочёва, с одной стороны, и только что упомянутых В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского — с другой. Эти авторы отводят особую роль Дунаю в славянском этногенезе, но если для О. Н. Трубочёва Подунавье — это исконная территория обитания славян еще со времён бронзового века (в таком случае, экспансия ранне-средневековых славян на Дунай имеет характер Реконкисты) [7, с. 5], то В. Я. Петрухин и Д. С. Раевский особую роль Дуная видят в том, что на его берегах славяне «стали участниками всемирной истории» и «обрели своё имя» [27, с. 155], а утверждаемая О. Н. Трубочёвым будто бы имевшая место Реконкиста, выходит, здесь совершенно не причем (кстати говоря, мстительные намерения славян отвоевать земли, на которых они жили издревле, насколько нам известно, не подтверждаются ни письменными, ни фольклорными источниками).

Теперь приведём пример из области археологии. В последнее время всё большее распространение получает точка зрения, согласно которой предшественницей Пражской археологической культуры была Киевская археологическая культура. Однако авторы, с той или иной степенью убедительности отстаивающие подобный взгляд, а это С. Е. Рассадин [3, с. 232, 271—272, 277, 281—282], Р. В. Терпиловский [6, с. 94—95], Г. С. Лебедев [15, с. 198; 114], В. Л. Носевич [18; 19; 24, с. 37], М. Б. Щукин [22], излагают не всегда совпадающие аргументы.

Очень сложной и неоднозначной является проблема корреляции данных лингвистики, археологии и известий письменных источников. Преимущество языковедения вытекает из самого факта определения сущности славян. По большому счету, только языки являются тем, что объединяет славян в некоторую общность, и нет иного критерия, кроме языкового, который производил бы подобное объединение. Можно, конечно же, предположить, в духе построений

Ф. Курты, что когда-то славянами называли не только славофонов, но и людей, имевших четко выраженную славянскую идентичность, независимо от того, какой язык был средством их общения. Однако, исследуя происхождение славян, мы просто не имеем права игнорировать вопросы глоттогенеза, хотя и понимаем, что он — только одна из составляющих этногенеза. От того, какой нам представляется картина эволюции языка, ставшего основой исторических славянских языков, зависит наше представление об этногенезе славян в целом, в том числе и ответ на вопрос об их прародине.

В качестве доказательства последнего тезиса необходимо, к примеру, вспомнить о разнице во взглядах между знаменитыми языковедами-славистами: уже неоднократно упомянутым О. Н. Трубачёвым [7] и американцем Х. Бирнбаумом [9; 23]. Если первый довольно решительно отрицал особую изначальную балто-славянскую языковую общность, что во многом предопределило выбор им Подунавья в качестве прародины славян, то второй, наоборот был достаточно последовательным сторонником утверждения о некогда существовавшей подобной общности и видел истоки славянства на периферии балтского мира.

Иногда археологи постулируют тезис, согласно которому лингвистические и археологические исследования должны вестись независимо друг от друга и своеобразно пересекаться только на стадии подведения итогов и их сопоставления [5, с. 36; 22]. Однако, по нашим наблюдениям, археологи далеко не всегда придерживаются этого принципа, ориентируясь на уже сложившуюся компаративистскую традицию. Замечено, к примеру, что если археолог «удревняет» возраст славян, он ориентируется на традицию, отрицающую особое балто-славянское единство [12]. И наоборот, если признаётся факт довольно-таки позднего «отпочкования» славянского языка от балто-славянского или просто балтского [34], то славянский этнос мыслится как относительно молодой [3, с. 3—14, 232, 271, 272, 277, 281, 282], говорит о «рождении славян» [22].

Показательна в этой связи ситуация с Киевской культурой. По мнению В. В. Седова, она никак не могла быть славянской в своей этнической основе, поскольку в её ареале доминирует балтская гидронимия [5, с. 69—79, 140—141]. Белорусский археолог С. Е. Рассадин, однако, утверждал: «Итак, уже надо бы ставить вопрос о причинах и механизме выделения славян из единой балто-славянской общности, или, точнее, отделения от единого древнебалтийского массива той его части, из которой потом развилось славянство» [3, с. 232], — и, исходя из этого, полагал, что один из этапов формирования славянской общности вполне мог происходить на территории Киевской культуры, поскольку там славяне могли отделиться от балтов.

Противоречие между балтской гидронимией в ареале и постулированием важной роли данного ареала в «славяногенезе» в таком случае снимается в пользу допущения того, что некий балтский по происхождению язык преобразовался после того, как его носители покинули территорию распространения Киевской культуры, хотя это допущение довольно трудно обосновать надлежащим образом, опять же, из-за проблем сравнительно-исторической лингвистики с абсолютной хронологией языковых процессов и с их соотношением с данными письменных источников. Однако есть надежда, что некое промежуточное и связующее звено между Киевской и Пражской культурой будет обнаружено археологическими методами.

Заключение. Проблема происхождения славян чрезвычайно сложна для её убедительного решения средствами науки. Это как задача со многими неизвестными. Причем иногда складывается парадоксальное впечатление, что чем больше мы узнаём, тем меньше мы понимаем. Парадоксальность эта во многом объясняется взрывообразным характером славяногенеза.

Однако «дорогу осилит идущий», и славистика в конце XX — начале XXI века достигла немалых успехов на этом пути, в том числе и по вопросу определения славянской прародины во времени и пространстве. В условиях принципиальной недостаточности информации источников различного происхождения (вещественных, письменных, лингвистических, фольклорных), пожалуй еще большее значение, чем раньше, приобретают методологические подходы и установки исследователей.

Наблюдается постепенный отход от традиционных представлений о славянской прародине, на территории которой славяне обитали издревле. Вместе с тем такие представления не отбрасываются напрочь (хотя в редких случаях и такое происходит), а модернизируются и эволюционируют в направлении признания сложности и неоднозначности этногенетических процессов.

Термин «прародина» всё чаще в данный период понимается в стадильном смысле. Например, в таком смысле можно воспринимать в качестве прародины славян и территорию Киевской археологической культуры, и регион Пражской (Пражско-Корчакской) археологической культуры, и берега Дуная, на которых, по-видимому, произошло окончательное оформление славянской общности. В данном случае, опять же, многое зависит от методологических установок исследователя, разумеется, в сочетании с уровнем профессионализма.

Как и в предыдущие периоды, актуальной остаётся проблема обеспечения плодотворного взаимодействия представителей различных наук в рамках комплексного междисциплинарного подхода. В особенности важны отношения в рамках научного дискурса между археологами и языковедами-компаративистами. Спектр этих отношений в данный период существовал в диапазоне от взаимных пикировок до взаимного доверия к достигнутым научным результатам. Отмечается достаточно значительное влияние, прежде всего, теоретических построений лингвистов на взгляды археологов. По-прежнему локализация славянской прародины во многом зависит от позиций исследователей по балто-славянской проблеме.

Список цитируемых источников

1. Баран, В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. — Київ : Альтернативи, 1998. — 336 с.
2. Кобычев, В. П. В поисках прародины славян. / В. П. Кобычев. — М. : Наука, 1973. — 106 с.
3. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Белорус. экзархат, 2008. — 288 с.
4. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков — М. : Наука, 1982. — 591 с.
5. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — М. : Языки славян. культуры, 2002. — 624 с.
6. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. / Р. В. Терпиловский. — Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. — 232 s.
7. Трубочёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования / О. Н. Трубочёв. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
8. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. — С. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.
9. Бирнбаум, Х. Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев) [Электронный ресурс] / Х. Бирнбаум // *Вопр. языкознания*. — М., 1988. — № 5. — С. 35—49. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>. — Дата доступа: 28.08.2018.
10. Вернер, И. К происхождению и распространению антов и склавен / И. Вернер // *СА*. — 1972. — № 4. — С. 102—114.
11. Гавритухин, И. О. Понятие Пражской культуры / И. О. Гавритухин // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ*. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 7—25.
12. Загорюльский, Э. М. Проблема датирования начала славянского этногенеза [Электронный ресурс] / Э. М. Загорюльский // *Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]*. — Мінск : БДУ, 2006. — С. 153—158. — Режим доступа: <http://historicaldis.ru/blog/43085551324/Problema-datirovaniya-nachala-slavyanskogo-etnogenyzoza>. — Дата доступа: 28.08.2018.
13. Иванов, С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // *Советское славяноведение*. — 1991. — № 5. — С. 3—13.
14. Иванов, С. А. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности / С. А. Иванов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования*. — Санкт-Петербург, 2008. — № 2 (4). — С. 5—12.
15. Лебедев, Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза / Г. С. Лебедев // *Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев*. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 105—115.

16. *Мартынов, В. В.* Славянский, италийский, балтийский (глотногенез и его верификация) В. В. Мартынов // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 37—43.
17. *Мачинский, Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Тр. ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 460—538.
18. *Носевич, В.* Истоки славянства [Электронный ресурс] / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов. — 2010. — Режим доступа: <http://vln.by/node/176>. — Дата доступа: 26.02.2012.
19. *Носевич, В.* Славяне и субстрат [Электронный ресурс] / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов. — 2010. — Режим доступа: <http://vln.by/node/181>. — Дата доступа: 26.02.2012.
20. *Фурасьев, А. Г.* О роли миграций в этногенезе ранних славян [Электронный ресурс] / А. Г. Фурасьев // Истоки древнерусской государственности. — СПб., 2009. — Режим доступа: <http://www.archaeology.ru/p5/t1800/index.html>. — Дата доступа: 14.04.2014.
21. *Шувалов, П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) / П. В. Шувалов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. — 2008. — № 2 (4). — С. 13—20.
22. *Щукин, М.* Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска [Электронный ресурс] / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы. — 1997. — Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/25_sch/uk/in_1997.htm. — Дата доступа: 22.07.2012.
23. *Бирнбаум, Х.* Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч. Вс. Иванов, С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. Примечания к статье) / Х. Бирнбаум // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 2003. — № 5. — С. 6—29.
24. Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3 т. — Мінск : Белкартаграфія, 2009. — Т. 1 / пад рэд. В. Л. Насевіча. — 246 с.
25. *Вяргей, В. С.* Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай / В. С. Вяргей // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка [і інш.] ; пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. — Мінск : Беларус. навука, 1999. — 502 с.
26. *Егорейченко, А. А.* Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. — Минск : БГУ, 2006. — 207 с.
27. *Петрухин, В. Я.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Знак, 2004. — 416 с.
28. *Хабургаев, Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» / Г. А. Хабургаев — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979 — 232 с.
29. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I—VI вв.). — Изд. 2-е, испр. — М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.
30. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII—IX вв.). — М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 590 с.
31. *Гамкрелидзе, Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — 1330 с.
32. *Кузьменко, Ю. К.* Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика / отв. ред. Н. Н. Казанский / Ю. К. Кузьменко. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 266 с.
33. *Монгайт, А. Л.* Археологические культуры и этнические общности [Электронный ресурс] / А. Л. Монгайт // Археология Западной Европы. Каменный век. — 1973. — Режим доступа: <http://texts.news/stran-evgoruyi-istoriya/arheologicheskie-kulturyi-etnicheskie-54225.html>. — Дата доступа: 29.08.2018.
34. *Иванов, В. В.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 41 с.

Поступила в редакцию 30.08.2018

УДК 94(470.44).082

П. Ю. Мельников

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Министерство образования и науки Российской Федерации, ул. Вольская, 1, 410056 Саратов, Российская Федерация, 8 937 148 57 36, p_melnikov@list.ru

БЕССЕМЕЙНЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX ВЕКА ПО ДАННЫМ ПОУЕЗДНЫХ ЗЕМСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ

Одним из малораспространенных вариантов крестьянского домохозяйства в аграрном обществе были структуры, не содержащие семейных пар. Их количество в различных губерниях Российской империи XIX века могло колебаться от 1 до 8%. Материалы земских переписей Саратовской губернии конца XIX века фиксируют меньшую численность такого рода домохозяйств, однако в то же время позволяют оценить их демографическое и экономическое содержание. Большая часть структур “no family” относится к подгруппе 2a (по классификации П. Ласлетта). В возрастном плане это либо «молодые» домохозяйства (возраст главы колеблется от 14 до 20 лет), либо «старые» (возраст главы — от 50 и выше). Первые, как правило, возглавляются мужчинами и состоят из осиротевших детей; вторые — женские по составу (овдовевшие или незамужние сестры). Можно считать, что бессемейные домохозяйства были результатом экстраординарных обстоятельств, с непродолжительным сроком существования.

Ключевые слова: Российская империя; историческая демография; Саратовская губерния; XIX век; домохозяйство; семейная структура; возрастной состав.

Рис. 1. Библиогр.: 18 назв.

P. Yu. Melnikov

Saratov State Law Academy, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russian Federation, 8 937 148 57 36, p_melnikov@list.ru

NO-FAMILY HOUSEHOLDS IN SARATOV PROVINCE AT THE END OF THE XIX CENTURY: THE DATA OF ZEMSTVO CENSUS REGISTERS

One of the less common variants of a peasant household in an agrarian society was a structure that did not contain married couples. Their number in various provinces of the Russian Empire of the XIX century could range from 1 to 8%. Zemstvo's censuses materials of the Saratov province of the late XIX century fix a smaller number of such households. However, at the same time they allow to evaluate their demographic and economic content. Most of the “no family” structures belong to subgroup 2a (according to P. Laslett's classification). In terms of age, these are either “young” households (the age of the head ranges from 14 to 20 years), or “old” (age of the head is from 50 and above). The former, as a rule, are headed by men and consist of orphaned children; the latter are female (widowed or unmarried sisters). It can be considered that no-family households were the result of extraordinary circumstances, with a short lifetime.

Key words: Russian empire; historical demography; Saratov province; XIX century; household; family structure; age structure.

Fig. 1. Ref.: 18 titles.

Введение. Трансформация аграрного общества в индустриальное сопровождается изменением важнейших его институтов, к числу которых относится семья. В первую очередь, конечно, речь идет о преобразовании семьи крестьянства, самой многочисленной социальной группы. Это преобразование отмечается как количественными (падает число членов семьи), так и качественными показателями (наиболее характерной формой становится простая супружеская семья). При этом для лучшего понимания процесса важен учет малораспространенных вариантов семей, не попадающих под категорию супружеских. В данной статье предпринимается попытка анализа такого рода структур на территории Саратовской губернии конца XIX века.

Методология и методы исследования. Вопросы исследования семейной структуры, ее типологизации в отечественной литературе советского периода не имели единого решения, что приводило к невозможности сопоставить полученные результаты [1]. В постсоветское время в большинстве отечественных работ используется классификация Кембриджской группы П. Ласлетта. Этому способствуют ее распространенность в зарубежных работах, простота, очевидность и, вероятно, доступность на русском языке (первый перевод одной из глав был сделан еще в 1979 году, хотя для историков остался практически незамеченным). В соответствии с этой классификацией все семьи подразделялись на 6 вариантов: 1 — «одиночки», 2 — «бессемейные», 3 — «малые» (супружеская пара с детьми), 4 — «расширенные» (супружеская пара с отдельными родственниками), 5 — «составные» (несколько супружеских пар с разными вариантами соподчинения), 6 — «неопределенные» [2]. Методология этой работы использовалась при написании данной статьи. Также автором применялись общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. По сложившейся традиции в историко-демографической литературе термины «семья», «дом» и «домохозяйство» используются как взаимозаменяемые термины. Независимо от времени и региона, в абсолютном большинстве случаев речь идет о группе родственников минимум с одной супружеской парой («семья»), живущих под одной крышей («дом») и объединенных экономической деятельностью («домохозяйство»). Естественно, из этого единства были исключения. Например, большая семья при сохранении экономического единства могла занимать несколько жилищ; хрестоматийные примеры такого рода описаны еще в XIX веке [3]. Другой вариант — отсутствие единой хозяйственной деятельности при сохранении родства (от него никуда не денешься) и места проживания. Такого рода явления отмечались в Украине первой половины XIX века — из-за стремления местного крестьянства к разделам и сопротивления местных помещиков; в итоге получался один дом, в котором живут экономически совершенно самостоятельные (вплоть до отдельного стола и посуды), но в то же время родственные семьи [4]. Наконец, в одном доме и с экономическим единством могла жить группа родственников, которую формально нельзя назвать семьей. При отсутствии хотя бы одной семейной пары домохозяйство классифицировалось как “no family” — «бессемейное» (в работе Ласлетта оно предполагало 3 варианта: 2а — родственники, проживающие совместно (братья и сестры); 2б — сожители, связанные другим способом; 2в — индивиды без явных связей).

Очевидно, что такой вариант домохозяйства не был широко распространенным. Демографическая модель традиционного общества предполагала ранний и практически всеобщий брак — то, что в классической работе Дж. Хаджналла называется «восточной моделью брачности». Экономические требования государства, помещика и общины способствовали сохранению составных домохозяйств из нескольких семейных пар — как более устойчивых в нелегких жизненных условиях. Наконец, заключению брака способствовали моральные требования общества и православной церкви [5]. Тем не менее, такого рода структуры наблюдались в разные хронологические периоды и в различных регионах.

Российские материалы выглядят следующим образом. В Московской губернии (село Выхино) их количество достигало 1,7% в 1834 году и 2,4% в 1850-м; в исследовании есть даже отдельная сноска о том, что оценка средней численности бессемейных домохозяйств не приводится ввиду их крайне малого количества [6]. Пореформенный пример этой же губернии (села Дракино и Спас-Коркодино): 1,9% и 1,3% (1869) и 2,1% и 3,1% (1886) [7]. В селе Вошажниково (Ярославская губерния) — 6% (1816), 3% (1832), 5% (1834), 6% (1838), 3% (1850) и 8% (1858) [8].

В Тамбовской губернии (село Петровское), по подсчетам профессора С. Хока, бессемейные в интервале с 1813-го по 1856 год составляли от 0 до 3% домохозяйств [9]. Другое микроисследование по этой же губернии описывает категорию “no family” в таких цифрах: село Малые Пупки — 3% (1816), 1% (1850), село Байловка — 3% (1816), 2% (1850), село Калугино — 4% (1816) и 1% (1850), село Рассказово — 3% (1816) [10].

Наконец, первичные материалы переписи 1897 года по Тобольской губернии насчитывают 1,4% бессемейных [11].

Вариант западных губерний Российской империи (1740 год, имение Корень; после присоединения к Российской империи — в Борисовском уезде Минской губернии) обозначен в исследовании белорусского историка В. Н. Носевича: 1 домохозяйство (1,4% от общей численности), включавшее двух неженатых братьев (подвариант 2а) [12].

Зарубежные варианты бессемейных домохозяйств по разным регионам насчитывали 2% (Англия, Илинг, 1599 год), 6% (Франция, Лонгис, 1778), 2% (Сербия, Белград, 1733), 2% (Япония, Нишиномия, 1713), 0% (Колониальная Америка, Бристоль, 1679) [13].

В рамках данной статьи будет проведена оценка домохозяйств “no family” Саратовской губернии на базе первичных материалов поездных земских переписей 1880—90 годов [14]. Сами материалы хранятся в государственном архиве Саратовской области, в фонде Губернского статистического комитета. Общий объем материала охватывает 5 307 домохозяйств, расположенных в четырех уездах — Кузнецком, Хвалынском, Петровском и Камышинском [15]. Такой географический разброс данных выгоден, поскольку соответствует природно-климатическим особенностям губернии: представлены северная лесостепная зона с дерновыми и подзолистыми почвами (Кузнецкий, Хвалынский и Петровский уезды) и южная черноземная (Камышинский уезд); в них существенно различались и среднегодовая температура, и количество осадков, что не могло не сказаться на сельскохозяйственной специфике и связанными с ним крестьянскими домохозяйствами.

В анализируемых в статье материалах группа “no family” крайне незначительна: 18 домохозяйств из 5 307 (т. е. 0,04%). Бросается в глаза крайне малая величина этой группы по сравнению с остальными регионами Российской империи. Сопоставить эти цифры (хотя бы приблизительно) с результатами переписи 1897 года невозможно: в ней учитывались «лица, принадлежащие к составу семей» и «посторонние», что не стыкуется с критерием бессемейного домохозяйства по Ласлетту [16]. Можно предположить, что здесь идет речь о специфике периода и региона — без соответствующего аналога. Все приведенные выше отечественные цифры бессемейных домохозяйств относились, к дореформенному периоду, с принципиально иными факторами влияния на семью. Единственное сопоставимое по времени исследование Х. Колле базируется на данных Московской губернии, которая по социально-экономическим характеристикам очень существенно отличалась от Саратовской. В любом случае, обозначенная численность бессемейных домохозяйств вызывает вопросы и пока нуждается в уточнении.

Средняя численность такого домохозяйства — 2,5 человека. Мода — 2 человека (12 случаев), далее 3 человека (6 случаев), по одному варианту из 4 и 6 человек. При более мелкой градации доминирует вариант 2а (братья и сестры) — 14 домохозяйств, затем идет 2б (родственники, связанные иным образом) — 3 домохозяйства, 2в (без родственных связей) — 1 вариант (явная экзотика).

Распределение глав домохозяйств по полу очень необычно для аграрного общества: 60% мужчин, 40% — женщин; как можно заметить, доля женщин — глав семьи и в этой группе очень велика. Скорее всего, это объясняется нестандартной ситуацией, в результате которой такое домохозяйство возникает.

Распределение глав домохозяйств по полу и возрасту (рисунок 1) позволяет выделить несколько характерных деталей. Во-первых, очевидна «монополия» мужчин-домохозяев в возрастах до 30 лет. Это осиротевшие дети (братья и сестры), живущие совместно, т. е. тип 2а; такой вариант возможен, если нет ближайших родственников, способных временно возглавить хозяйство, а сыновья находятся в работоспособном возрасте. Во-вторых, наблюдается однозначное преобладание женщин-домохозяек в группах старше 70 лет; это тоже подтип 2а, но состоит из сестер в преклонном возрасте, либо овдовевших (скорее всего), либо по каким-то причинам не вышедших в свое время замуж (что в российских условиях встречалось крайне редко).

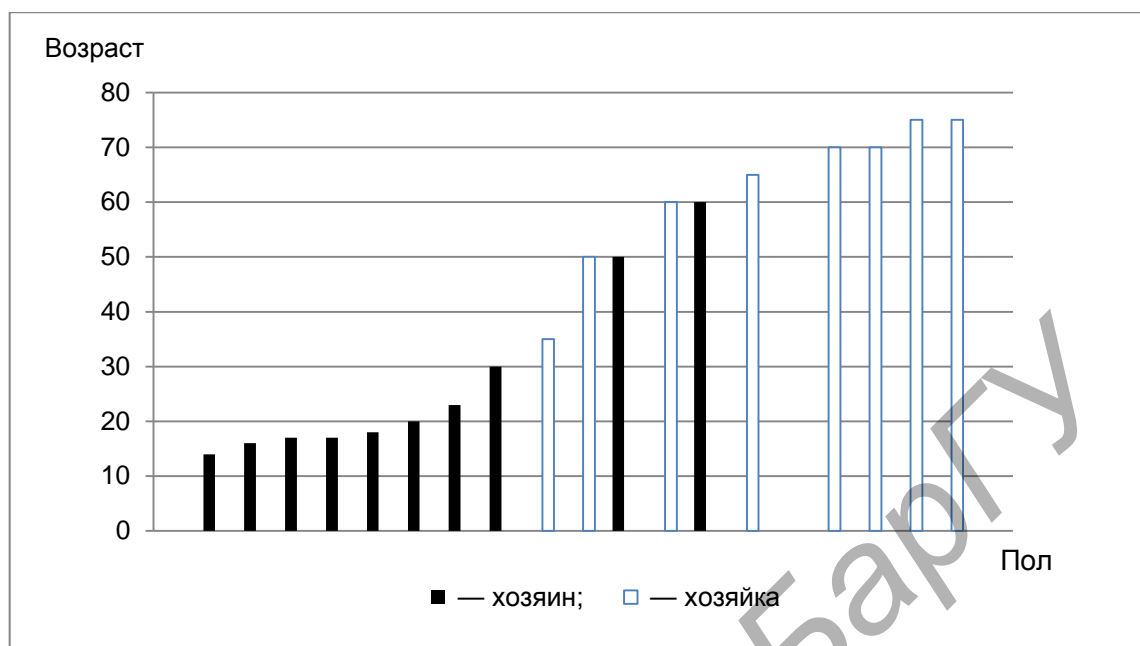

Рисунок 1. — Половозрастной состав глав бессемейных домохозяйств

В категории “no family” некоторая часть нетрудоспособна (2 человека), часть нищенствует (тоже 2 человека). В среднем же такие домохозяйства экономически выглядят явно несколько лучше одиночек. На 18 из них в совокупности приходится 8 лошадей, 8 коров, 14 свиней; в 12 домохозяйствах присутствует земельный надел и указываются нормы посева, т. е. он используется напрямую, а не сдается в аренду.

Заключение. Как уже говорилось выше, домохозяйства “no family” встречались весьма нечасто. Причины самого различного характера подталкивали жителей традиционного общества к заключению брака. При этом создаваемое домохозяйство не было статичным, а постоянно эволюционировало, как количественно, так и качественно. Жизнь не стояла на месте, и семья из одной супружеской пары увеличивалась за счет детей, затем — их браков и появления внуков (трансформация малой семьи в составную), или уменьшалась (вследствие смертности, рекрутской повинности, выдачи дочерей замуж или разделов) и снова начинала свой рост. В одной из работ этот процесс эволюции семьи — от малой до братской и снова к малой — предлагали назвать «пульсирующим» (название в литературе не прижилось) [17]. Однако бессемейные домохозяйства в этом процессе отсутствовали.

Количественно данный вариант выглядит крайне незначительно: 18 домохозяйств из 5 307 (т. е. 0,04%) и 45 человек, в них проживающих (от общей численности выборки в 30 985 человек это составляет, соответственно, 0,2%). Наиболее характерным вариантом бессемейного домохозяйства оказался тип 2а — братья и сестры, живущие совместно. Однако в нем есть свои подварианты — условно их можно обозначить, как «молодой» и «старый». Первый — осиротевшие дети, по каким-то причинам не взятые в дом старшего родственника; возраст домохозяина в таком случае колебался от 14 до 20 лет. Дальнейшая его эволюция предсказуема — взросление членов, брак, увеличение за счет детей — т. е. трансформация в домохозяйство расширенное; сроки трансформации можно привязать к возрасту вступления в брак (он в среднем во второй половине XIX века был 21,4 года для мужчин и 24,2 года для женщин) [18]. Вариант «старый» — в подавляющем большинстве женский. Состав его — незамужние или овдовевшие сестры, возраст главы превышал 60 лет. Экономически такое хозяйство могло быть жизнеспособным, но перспектив для развития уже не оставалось, кроме превращения через некоторое время в до-

мохозяйство одиночное. Тип 2б (редкий) реализовывался в виде «старики и внуки», тип 2в представлен в единичном варианте — «хозяин и «посторонняя» (скорее всего речь шла о фактическом сожителстве, которое в рамках традиционного общества считалось категорически неприемлемым).

Можно сказать, что в описанном выше цикле эволюции семьи бессемейные домохозяйства представляли собой некий нестандартный вариант, реализовывавшийся редко. Ни экономические, ни юридические, ни моральные нормы на его возникновение не работали, скорее даже — противоречили его существованию. Это был результат экстраординарных обстоятельств, затрагивавший крайне малую часть населения и существовавший весьма непродолжительное время.

Список цитируемых источников

1. Мельников, П. Ю. О структуре крестьянской семьи в России XVII—XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода / П. Ю. Мельников // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 163—166.
2. Ласлетт, П. Семья и домохозяйство: исторический подход : пер. с англ. / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого и И. С. Кона. — М. : Статистика, 1979. — С. 132—157.
3. Красноперов, И. Антошкина община / И. Красноперов // Отечеств. зап. — 1882. — № 6.
4. Тарновский, В. В. О делимости семей в Малороссии / В. В. Тарновский // Журнал Министерства внутренних дел. — 1854. — № 4. — С. 78—79.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов. — 3-е изд., испр., доп. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 1. — С. 161—162.
6. Avdeev, A. Social differences in household structures in the 19th century: Moscow and its outskirts / A. Avdeev, I. Troitskaya, G. Ulianova // Demographic review. English selection. — 2015. — P. 88—89.
7. Kolle, H. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen / H. Kolle— Bergen, 1995. — P. 52, 57.
8. Деннисон, Т. Крестьянские дворохозяйства в имении Вошажниково в 1836—1858 гг. / Т. Деннисон // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. История. — 2005. — Вып. 1. — С. 150.
9. Хок, С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии / С. Хок. — М. : Прогресс-Академия, 1993. — С. 78.
10. Канищев, В. В. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX — начало XX в. / В. В. Канищев, Р. Б. Кончаков, Ю. А. Мизис, Е. А. Морозова // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. : материалы междунар. конф. (май 2002 г.). — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. — С. 90—95.
11. Зверев, В. А. Семейно-дворовый строй в селениях Западной Сибири конца XIX в.: демографический аспект. Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. / В. А. Зверев ; Ин-т истории Сиб. отд-ния РАН. — Новосибирск, 2010. — С. 88.
12. Носевич, В. Н. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе [Электронный ресурс] / В. Н. Носевич // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича. — Минск : Тэхналогія, 2004. — Режим доступа: <http://vln.by/node/215>. — Дата доступа: 31.08.2018.
13. Laslett, P. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / (eds.) P. Laslett, R. Wall. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1972. — P. 84.
14. Левин, С. В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье / С. В. Левин. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
15. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). — Ф. 421. Оп. 1. Д. 439—441, 452—457, 7295—7304, 7342—7356.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб., 1904. — Т. XXXVIII. Саратовская губерния. — С. 6.
17. Столяров, А. А. К вопросу изучения русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI — начале XX в. / А. А. Столяров // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. — С. 120.
18. Тольц, М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. / М. С. Тольц // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого. — М. : Статистика, 1977. — С. 139.

Поступила в редакцию 18.09.2018

УДК 94(438)

В. Э. Пискун¹, С. М. Горбач²

Учреждение образование «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, ¹+ 375 (29) 221 46 57, wika_k@mail.ru, ²+ 375 (29) 521 55 51, svetlanagorbach@yandex.by

РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И ГДР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х — НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ

В статье рассмотрены основные аспекты договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подписанного между Польской Народной Республикой (далее — ПНР) и Германской Демократической Республикой (далее — ГДР) в 1977 году, который являлся одним из важных документов, формирующих взаимоотношения между странами. Также автором представлены направления сотрудничества двух государств, как в политической сфере, так и в области экономики и общественных отношений.

Ключевые слова: внешняя политика; дипломатия; договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи; международная ситуация.

Библиогр.: 16 назв.

V. E. Piskun, S. M. Gorbach

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, ¹+ 375 (29) 221 46 57, wika_k@mail.ru, ²+ 375 (29) 521 55 51, svetlanagorbach@yandex.by

DEVELOPMENT OF RELATIONSHIPS BETWEEN POLAND AND GDR IN THE LATE 1970'S — EARLY 1980'S

The article discusses the main aspects of the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance signed by the Polish People's Republic and the GDR in 1977, which was one of the most important documents forming the relations between the two countries. The author also presents the areas of cooperation between these states, both in politics and in the field of economics and public relations.

Key words: foreign policy; diplomacy; agreement on friendship, cooperation and mutual assistance; international situation.

Ref.: 16 titles.

Введение. Взаимоотношения между Польшей и ГДР в конце 1970-х — начале 1980-х годов были достаточно непростыми, однако богатыми на разнообразные события и политического, и экономического, общественного характера. Одним из таковых является подписание в 1977 году Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи [1, с. 328]. Данная тема является актуальной, так как рассматриваемое историческое направление в отечественной историографии требует более подробного изучения и на современном этапе находится в процессе рассмотрения.

Методология и методы исследования. Источники по данной теме представлены непосредственно документами Архива МИД Польши, а также сборниками документов, обработанных известными польскими учеными. Среди них необходимо выделить труд М. Томали «Polityka i dyplomacja polska wobec Niemiec. Tom II 1971—1990» [2], в котором содержится более 70 документов по истории ГДР. Также список источников представлен научными работами польских авторов. В трудах «Dyplomatyczne dzieje PRL w latach 1956—1989» А. Скшыпка [3],

«Dyplomacja polska wobec problemu niemieckiego 1945—1990» М. Томали [4], «Polska polityka zagraniczna w XX i XXI wieku: główne kierunki — fakty — ludzie — wydarzenia» Р. Гродзкого [5] представлены направления дипломатических отношений между государствами, проблемные моменты в работе дипломатических миссий. В работе М. Вилиньского «Stosunki polsko-niemieckie w latach 1982—1991» [6] рассмотрены основные аспекты взаимоотношений между Польшей и ГДР, охарактеризованы экономические и общественные стороны жизни государств. В труде «Przyjaźń, której nie było. Ministerstwo Bezpieczeństwa Państwowego NRD wobec MSW 1974—1990» [7] Т. Яскуловский рассмотрел деятельность специальных служб ГДР в отношении Польши, а также определил влияние данного направления на взаимоотношения между государствами. Одним из важных источников является коллективная монография польских и немецких ученых «Stosunki polsko-niemieckie w latach 1970—1995. Próba bilansu i perspektywę rozwoju», в которой такие авторы как Е. Фишер [8], Э. Круль [9], А. Тшетелиньска-Полюс [10] рассмотрели различные аспекты взаимоотношений между ПНР и ГДР. Все вышеперечисленные труды основаны как на польских и немецких документах различной направленности, так и на работах авторов — представителей данных государств, периодических изданиях 1970-х — 1980-х годов, воспоминаниях известных политиков, дипломатов, общественных деятелей. Также автор ссылается на собственную статью «Основные аспекты взаимоотношений между ПНР и ГДР в 1971—1990 годах» [11], в которой рассмотрены важные направления взаимодействия между ПНР и ГДР в обозначенный период.

В процессе исследования были использованы метод исторических параллелей, логический, анализ и синтез.

Результаты исследования и их обсуждение. Отношения между Польской Народной Республикой и ГДР в 1970-е годы складывались непросто, в некоторой степени даже напряженно. Отмена визового режима и открытие границы между странами, вопросы экономического и общественного характера наложили свой отпечаток на взаимоотношения между данными государствами.

Очень важным в отношениях между ПНР и ГДР был 1977 год — между государствами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи [12]. Переговоры между странами проходили в сложной обстановке, однако представителям ПНР и ГДР удалось договориться по данному вопросу [3, с. 248].

Подписание документа состоялось во время визита польской партийно-правительственной делегации в Берлин 28—29 мая. Данная встреча в верхах широко освещалась в прессе. Событие активно использовала польская пропаганда. Министерство иностранных дел Польши охарактеризовало документ следующим образом: «Договор, с одной стороны, представлял существующий высокий уровень взаимоотношений, с другой — указывал направления развития отношений в будущем. Договор в оптимальной степени обеспечивает интересы Польши. В то же время он движется навстречу стремлениям к дальнейшему интегрированию ГДР с социалистическим сообществом» [4, с. 105]. Исходя из документа, деятельность государств направлялась на усиление идеологических и политических связей, а также совершенствование политического сотрудничества, Польша обязалась помочь ГДР в случае нападения, а атака на восточногерманского соседа должна была восприниматься, как покушение на собственную страну. Подобное обязательство со стороны ГДР было бы неактуальным, ведь нападению на Польшу должно было предшествовать нападение на ГДР. По сравнению с подобным документом, подписанным в 1967 году (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 15 марта 1967 года), Польша приняла далеко идущие обязательства по отношению к немецкому соседу. Польской дипломатией отмечалось, что в договоре от 1977 года не шло речи об образовании в будущем объединённого, мирного и демократического немецкого государства, так как планы объединения немецкого государства воспринимались как угроза для Польши [11, с. 58].

В вышеуказанном договоре Польша видела рост собственного авторитета и позиции в мире. Польские власти также надеялись, что возрастет интерес к их государству со стороны зарубежных партнёров. Однако не уточнялось, каким образом это должно произойти [11, с. 58].

Во время пребывания в Берлине Э. Герек передал немецкой стороне найденные в Польше рукописи произведений Бетховена, Моцарта, Баха. Данный факт говорил о том, что собрания Прусской библиотеки находятся на территории ПНР. Во время встречи обе стороны старались маскировать трудности, которые имели место как в Польше, так и в ГДР. В это же время в ПНР появляются оппозиционные политические образования. События внутри польского государства показали слабость партии и правительства.

Уже в августе 1977 года немецкая сторона представила польским партнёрам позицию ЦК ЕСП ГДР по вопросу согласования действий, направленных против явления нелегальной торговли. Польской стороне поступило предложение, заключающееся в том, чтобы против спекулянтов и контрабандистов заводились дела и рассматривались в польском суде, но вести такие дела имела право полиция и ПНР, и ГДР.

После встречи в верхах летом 1977 года особых изменений во взаимоотношениях между Польшей и ГДР не произошло, кроме увеличения количества соглашений между государствами [13]. Э. Герек, на встрече с Э. Хонеккером в 1978 году охарактеризовал совместные действия Польши и ГДР в области международных отношений следующим образом: «Фундаментальное значение для реализации внешней политики государств Варшавского блока имеет единство наших партий с КПСС, негибкий союз и братское взаимодействие наших государств с Советским Союзом» [4, с. 104]. Каждый из политиков старался представить ситуацию в своей стране как можно более презентабельно, когда на самом деле дела выглядели совершенно иначе. В таком же тоне отчитывалось и Посольство ПНР в ГДР [14].

В феврале 1979 года состоялась очередная встреча первых секретарей ЦК ПОРП и ЦК ЕСП в Польше. Каждая из сторон старалась в наилучшем свете выставить общественные и международные отношения, что позднее было отмечено в документах [15]. Э. Герек вспомнил о небольших проблемах с оппозиционным движением в стране, однако отметил, что партия и общество дают антисоциалистической силе значительный отпор. Также, в соответствии с ритуалом, были анонсированы празднования годовщин важных событий.

В апреле 1979 года Гюнтер Зибер, посол ГДР в Польше, попросил о личной встрече Э. Герек. Немецкий дипломат сообщил главе польского государства о трудном положении экономики ГДР. Поддержка линии партии со стороны немецкого общества сменилась критическим настроением по отношению к властям. Также посол говорил о возвращении польской стороной культурного наследия немецкого народа, хранящегося в Кракове, которое, по словам посла, должен был вернуть Э. Герек ещё в 1977 году. Данный вопрос нередко повторялся и в последующие годы [16, с. 153].

Последняя встреча Эдварда Герек с Эрихом Хонеккером в качестве главы государства состоялась 4 марта 1980 года. Были названы минусы в сотрудничестве между ПНР и ГДР. Среди них можно отметить, что не использовались возможности развития в общественной, социальной и культурной сфере, а также в области контактов между молодёжью двух стран. Не принесло желаемых результатов экономическое сотрудничество. Также польская сторона выразила мнение о необходимости расширения сотрудничества в научно-технической сфере. Несмотря на отмеченные проблемы, были выделены и позитивные моменты. Так, только за последнюю декаду было подписано множество соглашений, касающихся экономической деятельности [1, с. 328—329]. Рапорты Посольства Польской Народной Республики в Берлине представляли взаимоотношения между Польшей и ГДР как превосходные. Отмечалось, что отношения вошли в новый этап, наступило расширение экономической интеграции в рамках социалистического сотрудничества. Можно предположить, что персонал посольства не до конца ориентировался в ситуации взаимоотношений между двумя государствами [4, с. 27].

Декада управления ПНР Э. Герекком отмечалась подписанием значительного количества соглашений (особенно экономических). Рапорт Посольства Польши в ГДР в марте 1980 года содержал названия более 60 правительственных и партийных соглашений, так, в экономической и научно-технической сфере было подписано 26 правительственных договоров, 36 международных соглашений. Также было подписано 140 соглашений о специализации продукции и кооперации, 120 двусторонних соглашений [16, с. 140].

Особые отношения установились между двумя государствами во время зарождения на территории ПНР общественного движения «Солидарность». После легализации движения «Солидарность» изменились и отношения с ГДР. Оказалось, что немцев пугала не только нелегальная торговля, но и лозунги, которые провозглашало это популярное среди поляков общественное движение. К тому же «Солидарность» признавала право немецкого народа на самоопределение своей дальнейшей судьбы, что вызывало особенное беспокойство со стороны властей ГДР [7, с. 50—51]. Государственное руководство было крайне обеспокоено деятельностью данной организации, так как на территории восточногерманского государства пребывало несколько тысяч польских рабочих, а также обучались студенты и аспиранты. Одной из причин, по которой обмен между молодёжью двух государств не приобрел широкого размаха, была боязнь властей ГДР, что молодые немцы проникнутся нежелательными идеями. Польская молодёжь, пребывающая в ГДР, не имела возможности свободно контактировать со своими немецкими ровесниками. Новой организации симпатизировали и многочисленные польские рабочие, занятые на строительных площадках ГДР, а следовательно, они могли представлять идеологическую угрозу для немецкой стороны [11, с. 59]. В то время как власти ГДР не запрещали своим гражданам выезд в ФРГ, граница между Польшей и Восточной Германией была закрыта (без официального предупреждения, в одностороннем порядке 30 октября 1980 года было упразднено соглашение от 25 ноября 1971 года о взаимных передвижениях между двумя государствами). Так власти ГДР пытались бороться с «инфекцией контрреволюции», хотя в официальной версии подавалась информация о проблемах в торговле. Несмотря на утверждения польской стороны о нецелесообразности данного шага, немецкий партнёр не отменил ранее принятого решения, касающегося закрытия границы. В то же время Э. Хонеккер заверял польские власти, что «дружба и сотрудничество между двумя государствами в дальнейшем будет только крепнуть» [9, с. 113—114].

Польские власти не могли похвастаться «успехами», только должны были объясняться по поводу ситуации в стране. Немилость в отношении «Солидарности» сказывалась и на отношении немцев к польскому народу. Член ЦК ЕСП Г. Аксен, ответственный за международные отношения, писал, что «поляки могут только молиться и митинговать, а польская экономика — это мешок без дна» [4, с. 107].

Нужно отметить, что позицию восточногерманских коллег поддержало советское правительство. Массовые выступления поляков против государственной политической системы вызывали у властей СССР раздражение. Советской стороне казалось, что Варшава слабо реагирует на выступления подобного рода. Так, Л. Брежнев раскритиковал бездействие ЦК ПОРП. Из соцстран поступали предложения о военной интервенции в Польшу. На территории ГДР шла подготовка к возможной интервенции в ПНР. Эрих Хонеккер заявлял: «Социалистическая военная коалиция в состоянии достойно защитить социализм» [4, с. 108]. Под натиском СССР 22 октября 1980 года генерал В. Ярузельский выдал распоряжение Генеральному Штабу ПА в сотрудничестве с МИД разработать план введения военного положения в ПНР [6, с. 63].

В 1980 году Польша стала объектом особой заинтересованности спецслужб СССР и ГДР. В 1981 году в одном из польских документов появилась информация о том, что в случае негативно развивающейся ситуации в ПНР мог войти контингент союзников [6, с. 63—64].

В феврале 1981 года состоялась встреча Первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани с Э. Хонеккером. Польский политик вынужден был объяснять ситуацию, которая имела место в Польше, и оправдываться за деятельность рабочего движения. Также С. Кани для спокойствия немецкой

стороны познакомил коллегу с планами польских партийных властей в области усиления роли партии в борьбе с оппозиционным движением. Однако данные постулаты не удалось укрепить в сознании польского общества — движение «Солидарность» набирало мощь, а роль партии значительно ослабла. В это же время на территории ГДР также проходили организованные демонстрации, проводимые представителями немецкой молодёжи и сопровождающиеся слоганами «Поляки — домой», «польские свиньи» и др. Фразы К. Бартиковского, руководителя делегации ПОРП на X Съезде ЕСПГ, о «социалистической дружбе и всестороннем сотрудничестве» звучали нереально [4, с. 109].

Также важным моментом во взаимоотношениях между ПНР и ГДР стали экономические проблемы. В начале 1980-х годов упал экспорт польских товаров в ГДР, отмечалось определенное нежелание сотрудничества немецких экономических субъектов с польскими партнерами [10, с. 159—160]. Руководитель отдела по связям с ГДР в МИД Польши Э. Куча отмечал, что ГДР намеренно ограничивает взаимоотношения между ПНР и восточногерманским государством, и не может быть и речи о правдивости слов немецких политиков, говорящих о помощи польскому государству.

В марте 1981 года состоялся визит в Польшу министра иностранных дел ГДР О. Фишера. При встрече глава польского МИДа подчёркивал «историческое значение достигнутых взаимоотношений», его немецкий коллега уверенно требовал возвращения культурного достояния немцев (Прусской библиотеки), а также отметки новой границы на Щетинском (Поморском) заливе [2, с. 130—131].

Во время многочисленных встреч политиков Польши и ГДР соблюдался один и тот же ритуал. На уровне первого секретаря обсуждалась информация о том, как выглядит ситуация в стране, в дискуссиях с премьер-министром затрагивались вопросы экономического взаимодействия, но самые трудные и спорные вопросы оставались министрам иностранных дел [11, с. 59]. Один из вопросов, который удалось решить в дальнейшем, — разграничение территориальных вод в Щетинском (Поморском) заливе (22 мая 1989 года во время визита президента Польши В. Ярузельского в Берлин было подписано соответствующее соглашение). Однако вопрос о возвращении Прусской библиотеки польская сторона считала закрытым, возвращать культурное богатство немцев на родину поляки не собирались [2, с. 162—163].

13 декабря 1981 года в Польской Народной Республике было введено военное положение. Этот факт был принят немецкой стороной с удовлетворением, общество ГДР предприняло шаги помощи польскому населению. Несмотря на ограниченные возможности, жители ГДР высылали посылки полякам. Нужно отметить, что размах данной акции был преувеличен пропагандой ГДР, власти которой считали, что настал положительный момент в налаживании взаимоотношений между двумя странами, но сложная ситуация в Польше так и не решила вопрос сближения двух государств [8, с. 23].

В августе 1983 года с официальным визитом Польшу посетила делегация из ГДР. Немецкая сторона стала инициатором новой волны молодёжного обмена. Благодаря данной акции ГДР посетило более 100 тыс. молодых людей из Польши. Однако немецкое правительство пресекало всяческие контакты поляков с восточногерманской молодёжью. Во время данного визита немецкой делегации польская сторона предложила возобновить переговоры, касающиеся границы территориального моря в Поморском заливе и разграничения пространства для рыболовецких судов ГДР и ПНР. Однако этот проблемный во взаимоотношениях между государствами вопрос первой половины 1980-х годов так и не был решён [5, с. 58].

С течением времени международная тематика занимала в политических планах властей ПНР всё меньше места, так как на повестке дня стояли важные проблемы внутри страны. А если и поднимались вопросы, касающиеся немецкой тематики, то предметом дискуссии становились, скорее, взаимоотношения с ФРГ.

Заключение. Взаимоотношения между Польшей и ГДР во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов были обозначены прежде всего подписанием важного документа — Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Несмотря на попытки решения спорных вопросов, росла напряжённость и недоверие друг к другу. Особенно трудным для развития взаимоотношений оказались 1980—1983 годы. Легализация в ПНР общественного движения «Солидарность» негативно повлияла на отношения между государствами. В глазах немецких политиков и немецкого общества польская сторона выглядела дискредитирующей. Немецкая сторона закрыла свою границу для польских граждан. Критике подвергалось большинство решений польских властей, касающихся внутренней политики государства.

Военное положение в ПНР было воспринято властями ГДР как возможность поправки в Польше политической ситуации. После отмены военного положения в стране политики с обеих сторон пытались наладить взаимоотношения между государствами, однако самые наболевшие вопросы, например о принадлежности Поморского залива, так и остались нерешёнными.

Список цитируемых источников

1. *Stosunki dyplomatyczne Polski. Informator. Tom 1. Europa 1918—2006.* Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Archiwum / pod red. K. Szczepaniaka, A. Herman-Lukasik, B. Janickiej. — Warszawa : Wyd-wo ASKON, 2007. — S. 584.
2. *Tomala, M.* Polityka i dyplomacja polska wobec Niemiec. Tom II. 1971—1990 / M. Tomala. — Warszawa : Dom Wydawniczy Elipsa, 2006. — 719 c.
3. *Skrzypek, A.* Dyplomatyczne dzieje PRL w latach 1956—1989 / A. Skrzypek. — Pultusk-Warszawa : Oficyna wydawnicza ASPRA-JR, 2010. — 434 c.
4. *Tomala, M.* Dyplomacja polska wobec problem niemieckiego 1945—1990 / M. Tomala. — Gdynia : Wyższa Szkoła Międzynarodowych Stosunków Gospodarczych i Politycznych, 2007. — 123 c.
5. *Grodzki, R.* Polska polityka zagraniczna w XX i XXI wieku: główne kierunki — fakty — ludzie — wydarzenia / R. Grodzki. — Zakrzewo, 2009. — 332 c.
6. *Wiliński, M.* Stosunki polsko-niemieckie w latach 1982—1991 / M. Wiliński. — Katowice : Wyd-wo Naukowe „Śląsk”, 2007. — 213 c.
7. *Jaskułowski, T.* Przyjaźń, której nie było. Ministerstwo Bezpieczeństwa Państwowego NRD wobec MSW 1974—1990 / T. Jaskułowski. — Warszawa : Wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. — S. 478.
8. *Fiszera, J.* Stosunki polsko-niemieckie w latach 1970—1989 — uwarunkowania i bilans / J. Fiszera // *Stosunki polsko-niemieckie w latach 1970—1995. Próba bilansu i perspektywy rozwoju* ; pod red. J. Holzera, J. Fiszera. — Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 1998. — S. 11—26.
9. *Król, E. C.* Polacy i Niemcy po II wojnie światowej. 50 lat heterostereotypów narodowych / E. C. Król // *Stosunki polsko-niemieckie w latach 1970—1995. Próba bilansu i perspektywy rozwoju* ; pod red. J. Holzera, J. Fiszera. — Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 1998. — C. 97—122.
10. *Trzecielińska-Polus, A.* Stosunki polsko-niemieckie w aspekcie procesu integracji Polski z Unią Europejską / A. Trzecielińska-Polus // *Stosunki polsko-niemieckie w latach 1970—1995. Próba bilansu i perspektywy rozwoju* ; pod red. J. Holzera, J. Fiszera. — Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 1998. — S. 157 — 170.
11. *Пискун, В. Э.* Основные аспекты взаимоотношений между Польшей и ГДР в 1971—1990 годах / В. Э. Пискун // *Вести БГПУ*. — 2013/4. — С. 56—60.
12. *Павлов, Н. В.* Внешняя политика ГДР (1949—1990) [Электронный ресурс] / Н. В. Павлов // MGIMO.ru. — М., 2012. — Режим доступа: www.mgimo.ru/study/faculty/mo/keuroam/docs/210929. — Дата доступа: 14.09.2018.
13. Informacja o niektórych negatywnych zjawiskach występujących na marginesie kontaktów osobowych między Polską a Niemiecką Republiką Demokratyczną // *Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych*. — Zał.-DI-NRD-0-30-2-78. — C. 1—17.
14. Raport polityczny Ambasady PRL w Niemieckiej Republice Demokratycznej za 1978 r. // *Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych*. — DI-NRD-242-1-78. — C. 1—11.
15. Sytuacja społeczno-polityczna i gospodarcza oraz polityka zagraniczna NRD // *Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych*. — Zał.-DI-NRD-0-22-2-79. — C. 1—16.
15. *Tomala, M.* Niemcy w polityce gospodarczej Polski w latach 1970—1989 / M. Tomala // *Stosunki polsko-niemieckie w latach 1970—1995. Próba bilansu i perspektywy rozwoju* ; pod red. J. Holzera, J. Fiszera. — Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 1998. — C. 137—155.

Поступила в редакцию 18.09.2018

УДК 930.2:27

К. В. Сыцько

Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»,
вул. Акадэмічная 1, 220072 Мінск, Рэспубліка Беларусь, +375 (017) 284 18 70, kirylawolny@gmail.com

МАТЭРЫЯЛЫ ПЕРАПІСКІ РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ ПАРАФІЙ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVII — ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

С помощью служебной переписки приходские костёлы в XVII — начале XX века поддерживали организационную связь с деканатами и консисториями. В статье выделяются основные группы корреспонденции обнаруженной автором в приходских учреждениях Римско-католического костёла. Анализируются наиболее частые вопросы, которые решались с помощью переписки. Основными проблемами, затрагиваемыми в письмах, являются функционирование системы учёта и регистрации населения, постройка и ремонт зданий, нарушение священниками правил и норм. Поднимались также имущественные вопросы, давалась оценка эпидемиям болезней, с помощью писем в приходские костёлы проводился розыск пропавших без вести и т. д. Проанализированные в статье источники раскрывают микроисторический аспект функционирования культа и являются ценным материалом в изучении деятельности приходов.

Ключевые слова: конфессиональное источниковедение; приход; деканат; консистория; служебная переписка.
Библиогр.: 13 назв.

K. W. Sytsko

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademicheskaya str.,
220072 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (017) 284 18 70, kirylawolny@gmail.com

MATERIALS OF THE CORRESPONDENCE OF THE ROMAN CATHOLIC PARISHES OF BELARUS AT THE END OF XVII — EARLY XX CENTURY AS A HISTORICAL SOURCE

The article deals with the formal correspondence which the priests made with the deans and consistory. The main groups of correspondence, that were found by the author in the parish institutions of the Roman Catholic church, have been singled out. The most frequent issues that were solved through correspondence have been analyzed. The most frequent issues that were mentioned in the correspondence include the functioning of the accounting system and registration of the population, construction and repair of buildings, violation of rules and norms by priests. The sources analyzed in the article reveal the microhistorical aspect of the functioning of the cult and are valuable material to study the parishes activities.

Key words: confessional source study; parishes; deanery; consistory; service correspondence.
Ref.: 13 titles.

Уводзіны. Гістарычна парафіі з'яўляліся (і з'яўляюцца на дадзены момант) дробнымі арганізацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі Рымска-каталіцкага Касцёла, якія мелі свайго пасярэдніка (ксяндза-пробашча) паміж вернікамі і больш буйнымі арганізацыйнымі структурамі — дэканатам і дыяцэзіяй. У гэтай іерархічнай структуры прысутнічала моцная арганізацыйная сувязь, якая дазваляла ажыццяўляць дзейнасць культавай інстытуцыі на пэўных тэрыторыях. Падобная сувязь падтрымлівалася з дапамогай службовага ліставання. У дадзеным артыкуле разглядаюцца матэрыялы перапіскі канца XVII — пачатку XX стагоддзя, якія захаваліся на сённяшні момант у парафіяльных касцёлах.

Метадалогія і метады даследавання. У артыкуле ставіцца мэта паказаць крыніцазнаўчы патэнцыял карэспандэнцыі парафіяльных устаноў. Для яе вырашэння выкарыстоўваліся традыцыйныя спецыяльна-гістарычныя метады (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны,

гісторыка-тыпалагічны, гісторыка-сістэмны). Асноўны нетрадыцыйны метада, прыменены ў межах даследавання, — палявы маршрутны метада, які заключаецца ў выяўленні і зборы гістарычных крыніц на месцах. Шырока ўжываўся тэкставы аналіз.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Аўтарам у межах археаграфічных экспедыцый выяўлена вялікая колькасць уваходнай карэспандэнцыі, якая храналагічна ахоплівае XVII—XX стагоддзі ў парафіях Жырмуны, Ваўкавыск, Валкалата, Шчучын, Селіванаўцы, Слуцк, Поразава, Ліда, Ішкалдзь, Гродна, Белагруды, Нясвіж, Ішчална і шмат інш. Матэрыялы перапіскі, якія захаваліся ў парафіяльных касцёлах, можна падзяліць на некалькі груп: дзённікі сыходзячай і ўваходнай карэспандэнцыі (да сярэдзіны XIX стагоддзя ў іх упісваўся змест ліста цалкам, пазней — толькі назва); уваходныя лісты ад біскупстваў і кансісторый; уваходныя лісты ад дэканаў; уваходныя лісты ад пробашчаў іншых парафій. Копіі сыходзячых лістоў у парафіях-адресантах, як правіла, не рабіліся.

Як паказвае аналіз выяўленых гістарычных крыніц, біскупствы (пазней — духоўная кансісторыя) напрамую ліставаліся з пэўнай парафіяй толькі па найбольш тэрміновых пытаннях. Выяўленыя лісты, разасланыя ад імя біскупаў, складаюць невялікую колькасць. Найбольш буйны комплекс матэрыялаў быў выяўлены ў Нясвіжы і складае 22 адзінкі. Змест дадзеных лістоў датычыцца пытанняў надання ксяндзам годнасці каноніка, індульгенцый, індультаў на пабудову капліц і заснаванне брацтваў і г. д. Найбольш раннія ўваходныя лісты біскупаў, выяўленыя аўтарам у парафіяльных установах, адносяцца да другой паловы XVII стагоддзя — гэта разасланыя ад імя Канстанцыя Бжастоўскага ў 1693 годзе заклікі маліцца за перамогу хрысціян над мусульманамі напярэдадні Венскай бітвы, выяўленыя ў архіве Ішкалдскага касцёла [1, арк. 137—137 адв].

Распаўсюджаным варыянтам камунікацыі з'яўлялася адпраўка цыркуляраў, курсорый, прадпісанняў урадавых і духоўных органаў дэканам, якія абавязваліся перадаваць інфармацыю ў выглядзе лістоў ад свайго імя пробашчам. У ліставанні дэканата з парафіяй узімаліся самыя разнастайныя арганізацыйныя праблемы, сярод якіх можна выдзеліць пытанні метрыкацыі насельніцтва, росшуку зніклых без звестак, кубкавыя зборы, дабрачыннасць, страхаванне касцёлаў, маёмасныя спрэчкі, выкананне прадпісанняў цывільнай улады і шмат інш.

Пераважная большасць матэрыялаў перапіскі звязана з пытаннямі ўліку і рэгістрацыі вернікаў. Так, тэчка з адказамі святароў на лісты Слуцкага дэкана толькі за 1904 год складае 230 лістоў, з якіх 226 звязаны з пытаннямі метрыкацыі. У Ішчалне за 1836 год дадзеныя пытанні адлюстроўваліся ў 10 з 10 лістоў, за 1837 год — 10 з 11, у 1857 годзе — 20 з 23 і г. д. Падобная сітуацыя назіраецца ва ўсіх выяўленых справах у розных парафіях. Як паказвае змест лістоў, падробка метрычных выпісаў і даведак з'яўлялася дастаткова распаўсюджанай з'явай ва ўсіх парафіях Віленскага і Мінска-Магілёўскага біскупстваў. У гэтай сувязі раз на некалькі год, пачынаючы з 1828 года, праводзілася абавязковая праверка метрык на прадмет цэласнасці пячатак і пераплёту. Адною з прычын падробкі называліся шлюбы паміж сваякамі. Аб дадзеным сведчаць, у прыватнасці, лісты, выяўленыя ў Ішкалдскай парафіі за 1827—1834 гады [2, арк. 52а—52б адв.]. У 1904 годзе Слуцкі дэкан патрабаваў ад усіх парафіяльных ксяндзоў выявіць усе метрыкі з пашкоджанай шнуроўкай і сарванымі пячаткамі і перадаць у дэканат, які абавязваўся даставіць дадзеныя матэрыялы ў кансісторыю [3, арк. 14]. Важнай часткай перапіскі паміж дэканатам і парафіяй з'яўляюцца лісты, у якіх спраўджваецца сапраўднасць метрычных дакументаў. З дапамогай дадзеных крыніц можна ўстанавіць парадак унясення запісаў у метрычныя кнігі, а таксама тыя метады і метадыкі, якімі кіраваліся святары для выяўлення падробак. Так, у 1904 годзе ксёндз Копыльскай парафіі Віктар Зянкевіч у адпаведнасці з уваходным лістом ад Нясвіжскага дэкана правёў крыніцзнаўчы аналіз запісу аб шлюбе 1871 года В. і І. Станкевічаў і зрабіў вывад, што запіс зроблены «...в свойственном месте приводимой метрической книги одинаковым почерком и чернилами...», як вынік, запіс прапаноўвалася лічыць сапраўдным [3, арк. 43]. У некаторых выпадках ліставанне датычылася

карэкціроўкі метрычных запісаў. Так, бацькі жыхаркі Клецка Ванды Саламеі Іванавай Яржыковіч 1894 года нараджэння звярнуліся да дэкана з просьбай у метрычны запіс аб хрышчэнні дзяўчынкі дадаць імя бацькі, атрыманае ім падчас бежмавання. Канчатковы запіс выглядаў наступным чынам: «Ванда Саламея Іванава Фаміна Яржыковіч» [3, арк. 134].

Нярэдкай прычынай ліставання дэкана і парафіяльных святароў з'яўляюцца пытанні, звязаныя з верыфікацыяй метрычных запісаў. Так, у 1909 годзе ксяндзам Лідскага дэканата быў разасланы ліст, у якім адзначалася, што частка святароў запісвае ў метрычныя кнігі парафій даведкі, выдадзеныя вернікам, якія працавалі ў ЗША, што з'яўляецца парушэннем нормаў Кананічнага права. Даведкі прапаноўвалася правяраць і захоўваць асобна ад метрык, прызнаючы іх сакраментальную моц [4, арк. 2]. Вялікая колькасць лістоў другой паловы XIX стагоддзя датычылася пытанняў міжканфесійных пераходаў вернікаў пэўных парафій. У большасці выпадкаў пробашч даведваўся па факце ад дэкана, што вернік яго парафіі змяніў канфесію на праваслаўную. Ксёндз мусіў выкрасліць асобу з дакументаў парафіяльнага ўліку. У прыватнасці, гэтаму прысвечана вялікая колькасць лістоў за 1860 — 1890-я гады, выяўленых у Валкалацкай, Поразаўскай, Ішчальнскай і іншых парафіях. Да пытанняў метрыкацыі адносяцца таксама перапіска аб запісе польскіх варыянтаў імёнаў у рускай транскрыпцыі, неабходнасці выкарыстоўваць друкаваныя фармуляры метрычных кніг [4, арк. 10] і шмат інш.

Ролю парафіяльных устаноў і іх уплыў на мясцовае насельніцтва адлюстроўвае той факт, што сістэму ўліку і рэгістрацыі касцёлаў, а таксама камунікатыўныя сувязі пробашча і паствы выкарыстоўвалі ў мэтах пошука зніклых без звестак асоб. Так, Ваўкавыскі дэкан разаслаў ў 1874 годзе ліст аб росшуку сялянкі Церашкоўскай (імя не пазначана) з в. Адамавічы, якая сышла ад мужа, і месцазнаходжанне яе было невядома [5, арк. 45 адв.]. У красавіку 1904 года Магілёўская Рымска-каталіцкая кансісторыя разаслала ўсім дэканам з мэтай распаўсюджвання сярод парафіяльных ксяндзоў указ аб росшуку сярод парафіян у кнігах шлюбаў і пахаванняў жывой ці мёртвай Марыі Кунцэвіч, якая сышла з дома некалькі год таму. Дадаткова даваліся прыкметы М. Кунцэвіч — на выгляд 24 гады, валасы і бровы чорныя, нос умераны, твар круглы, рост сярэдні. Апрача прагляду метрычных кніг рэкамендавалася зрабіць трохразовую прамову з амвона аб вышуку дадзенай асобы [3, арк. 157].

Частка лістоў, выяўленых у парафіях, змяшчаюць у сабе інфармацыю аб працоўных правінах мясцовых святароў і рэакцыі на правіны з боку касцельных уладаў. Дадзеныя дакументы дазваляюць аналізаваць найбольш распаўсюджаныя парушэнні касцельных правіл, якія здзяйснялі пробашчы. Самымі частымі з іх былі п'янства і непрыстойныя паводзіны, самавольны сыход з парафіі, адмова ад душпастырства ў парафіі ў сувязі з дрэннымі ўмовамі жыцця. Так, у 1904 годзе Уздзенскі пробашч Вікенці Кушалеўскі быў пазбаўлены права службы за непрыстойныя паводзіны і сасланы ў Аглонскі дамініканскі кляштар [3, арк. 67], падобны лёс напаткаў Стоклішкага кс. Валянцінаса (імя не пазначана) у 1909 годзе [6, арк. 37]. За самавольнае астаўленне Тамбоўскай парафіі ў 1910 годзе быў пазбаўлены правоў на святадзейства кс. Юліан Матусевіч. Сандамірскі пробашч Яўген Вайцэхойскі за падобныя дзеянні быў наогул пазбаўлены святарскай годнасці [4, арк. 58]. Шэраг правінаў мясцовых святароў не караўся пазбаўленнем правоў. Сярод іх — пытанні прысвойвання ахвяраванняў, выстаўленне ўласных коштаў за Сакраменты, маёмасныя спрэчкі з іншымі ксяндзамі. Так, Лідскі дэкан Гіпаліт Баярунец неаднаразова ліставаў пробашчам з мэтай вызначыць адзіны кошт адпявання па прычыне таго, што некаторыя ксяндзы выстаўлялі свае расцэнкі [7, арк. 2—2 адв.]. У 1903 годзе кс. Юргевіч (імя не пазначана), які быў на той час ужо вызвалены з пасады Капыльскага пробашча, спрабаваў вывезці азімя, сена і салому з амбара касцёла ў Капылі, на што не меў права. Аб дадзеным выпадку дзеючы святар паведаміў дэкану, у выніку кс. Юргевічу вынесена папярэджанне [3, арк. 81].

Увага ў службовай перапісцы паміж дэканам і парафіяльнымі святарамі надавалася пытанням нерухомай маёмасці. Пасля падаўлення паўстання 1863—1864 гадоў пашырыліся

выпадкі адчужэння зямель каталіцкіх парафій на карысць прываслаўных прыходаў. Дэканы адпраўлялі ксяндзам лісты, у якіх папярэдзвалі аб неабходнасці правядзення землямерных прац, чарчэння дакладных парафіяльных схем і завярэння дадзеных схем у паўнамоцных органах. Так, у Ішчальнскай парафії ў 1880 годзе адбылася спрэчка са святаром Дзікушкага прыхода за урочышча Готараўшчызна памерам 1 дзесяціну 1 660 сажняў. У парафії не аказалася схемы зямельных надзелаў, зямля была перададзена прываслаўным, а схема складзена пазней, у 1888 годзе [8, арк. 1—12 адв.]. Шэраг падобных выпадкаў меў месца ў парафіях Сноў, Поразава і інш. Дадзеныя лісты дазваляюць дакладна ўстанавіць межы парафіяльных тэрыторый, а таксама вызначыць з большай верагоднасцю, якія вёскі, фальваркі, урочышчы ўваходзілі ў кожную асобную парафію.

Матэрыялы перапіскі дазваляюць устанавіць уласную маёмасць, якая належала асобнаму парафіяльнаму святару. У большасці выпадкаў ксёндз меў невялікую колькасць рэчаў, набытых ім ва ўласнасць. Напрыклад, кс. Брасевіч з парафії Вязынка завяшчаў усю набытую ім маёмасць пасля смерці ахвяраваць тым святарам, якія маюць патрэбу ў пакінутых прадметах. У выніку па завяшчанні былі раздадзены працэсійны крыж, два белыя арнаты, два белыя дальматыкі, два кандэлябры на пяць свечак, абраз Св. Антонія [3, арк. 97].

Аналіз захаванай уваходнай ад дэканаў карэспандэнцыі дазваляе выявіць эпідэміі хваробаў, якія распаўсюджваліся на тэрыторыях Беларусі ў пачатку XIX — пачатку XX стагоддзя. Так, лісты да Белагрудскага пробашча, датаваныя лістападам 1830 года, сведчаць аб эпідэміі халеры на Лідчыне. У перапіскі дэкан даваў падрабязныя інструкцыі аб тым, як выявіць захворванне, а таксама прасіў маліцца, каб эпідэмія сыйшла [9, арк. 3]. У 1914—1917 гадах па Шчучыншчыне распаўсюджвалася «іспанка», з-за якой памерла вялікая колькасць асоб (аб дакладнай колькасці ў лісце не паведамляецца) [10, арк. 5 адв.].

Частка перапіскі, выяўленай у парафіяльных касцёлах, прысвечана пытанням набыцця літургічных кніг, уступленню на пасаду новых дэканаў, парадку набажэнстваў і суплікацый у пэўныя дні, збору ахвяраванняў на Чырвоны Крыж і вайсковыя патрэбы, рамонту парафіяльных будынкаў і шмат інш.

Адным з узроўняў службовай перапіскі парафій з'яўляецца ліставанне святароў аднаго рангу. Вялікая колькасць уваходных лістоў, якія захаваліся ў парафіяльных касцёлах — гэта лісты пробашчаў іншых парафій: пасведчанні аб канфесійнай прыналежнасці, звесткі аб змене месца жыхарства вернікаў, выпіскі з метрычных кніг, метрычныя пасведчанні аб шлюбе, пахаванні, смерці. Значную колькасць матэрыяла ў дадзеным выпадку складаюць пасведчанні аб канфесійнай прыналежнасці ці даведкі аб яе вызначэнні. У шэрагу выпадкаў пасведчанні запыталі не толькі ў ксяндзоў-пробашчаў, але і ў прываслаўных святароў. Дадзеныя дакументы высылаліся, калі вернік пераязжаў з адной парафії ў іншую, і ксяндзу-пробашчу былі неабходны гарантыі, што асоба не мае ніякіх перашкод для правядзення над ёй Сакрамэнтаў. Так, у 1834 годзе поразаўскім ксяндзом быў зроблены запыт на вызначэнне канфесіі селяніна в. Церашковічы (Гарнастаевіцкі прываслаўны прыход) Мірона Шаботніка, у адказ на што Гарнастаевіцкі настояцель Іосіф Васінскі напісаў, што М. Шаботнік за апошнія два гады не быў заўважаны на споведзі, адпаведна, яго веравызнанне невядомае і запісана як «прываслаўнае» быць не можа [11, арк. 13—14 адв.]. У 1911 годзе пробашча парафії Белаграда звярнуўся да ксяндза Лідскай Фары Юзэфа Шкопа на прадмет наяўнасці кананічных перашкод да шлюбу паміж жыхаром Ліды В. Букаткам і жыхаркаю Белагруды С. Гурначовай, на што быў дадзены адказ аб тым, што жаніх ахрышчаны, наведвае споведзі, таму перашкод для шлюбу не маецца. У сваю чаргу настояцель Жалудоцкага касцёла бачыў кананічную перашкоду ў шлюбе паміж С. Сушко і А. Гольцавай па той прычыне, што жаніх не быў на прычашчэнні [12, арк. 1—1 адв.]. У выпадку, калі вернік паміраў далёка ад месца хрышчэння, яго маглі адпець і пахаваць па месцы смерці, даслаўшы ў касцёл ліст з прылажэннем да яго выпіскі з метрычнай кнігі. Напрыклад, 10 сакавіка 1864 года ў Калузе памёр рыма-каталік Анджэй Лось з вёскі Макашаў

Паланэчскай парафіі. А. Лось быў адпеты праваслаўным святаром і пахаваны, аб чым да ксяндза быў дасланы адпаведны ліст [13, арк. 148а]. Дзякуючы памянёным лістам, становіцца магчымым аналізаваць геаграфічную мабільнасць у мікралакацыях.

Заклучэнне. Выяўленыя ў парафіяльных касцёлах матэрыялы перапіскі з'яўляюцца каштоўнай крыніцай па гісторыі арганізацыйных зносін і кіравання парафіямі ў Рымска-каталіцкай інстытуцыі. Ліставанне дапамагае аналізаваць мікрагістарычны аспект, які заключаецца ў наяўнасці ў крыніцах вялікай колькасці інфармацыі аб дзейнасці парафій, у тым ліку аб пытаннях верыфікацыі запісаў метрычных кніг і фальсіфікацыі метрык; парушэннях нормаў і правілаў органаў духоўнай улады канкрэтнымі пробашчамі; пазбаўленні ксяндзоў права святадзейства; геаграфічнай мабільнасці парафіян; эпідэміях хвароб; рэлігійным і цывільным жыцці.

Спіс цытаваных крыніц

1. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей — ЦНА НАН Беларусі). — Ф. 3. С. Воп. 18. Спр. 1.
2. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 18. Спр. 5.
3. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 28. Спр. 2.
4. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 2. Спр. 39.
5. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 21. Спр. 1.
6. Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы (далей — ДГАЛ). — Ф. 604. Воп. 1. Спр. 7507.
7. ДГАЛ. — Ф. 694. Воп. 3. Спр. 234.
8. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 2. Спр. 42.
9. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 4.
10. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 2. Спр. 54.
11. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 10. Спр. 10.
12. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 2. Спр. 53.
13. ЦНА НАН Беларусі. — Ф. 3С. Воп. 18. Спр. 9.

Паступіў у рэдакцыю 31.08.2018

УДК 94(476) (19)

А. В. Хованский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (33) 654 43 10, howa@list.ru

ОРГАНЫ МЕСТНОГО ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1802—1863 ГОДАХ

В статье рассматривается и анализируется деятельность структур Военного министерства Российской империи по организации функционирования органов местного военного управления в Гродненской губернии в 1802—1863 годах. Актуальность исследования заключается в отсутствии в белорусской историографии работ, посвященных созданию и деятельности органов военного управления в Гродненской губернии, роли и значении местного военного управления в системе обороноспособности Российской империи. В статье определены цели и задачи, решаемые при создании местных органов военного управления на присоединенных белорусских землях, показаны процессы формирования, законодательного оформления этих структур в системе военного управления империи. Характеризуется и анализируется штатно-должностная структура, порядок комплектования, функциональные обязанности должностных лиц местных органов военного управления Гродненской губернии. Определены функции, присущие органам местного военного управления на территории губернии, выполняемые полевыми органами 1-й армии. Выявлены общие черты с внутрисоссийскими губерниями и особенности формирования и деятельности органов местного военного управления на территории губернии в 1802—1863 годах. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории Беларуси и военной истории.

Ключевые слова: органы местного военного управления; военный губернатор; генерал-губернатор; провиантская комиссия; комиссариатская комиссия; Корпус жандармов, корпус внутренней стражи, гарнизон.

Библиогр.: 18 назв.

A. V. Khavanski

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
22 Ozheshko str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (33) 654 43 10, howa@list.ru

LOCAL MILITARY AUTHORITIES IN THE GRODNO PROVINCE IN 1802—1863

The article describes and analyses the activities of the military ministry of the Russian Empire on the organization of the functioning of local military authorities in the Grodno province in 1802—1863. The relevance of research is determined by lack of works in the Belarusian historiography which are devoted to the creation and activities of military authorities in the Grodno province, the significance of local military administration in the defense system of the Russian Empire. The article defines the goals and objectives to be solved when creating local military authorities in the annexed Belarusian lands, shows the processes of formation, legislative registration of these structures in the system of military control of the empire. The staffing structure, recruitment procedure, functional responsibilities of officials of the local military administration of the Grodno province are characterized and analyzed. The functions inherent in the local military authorities, which were carried out in the province by the 1st Army field bodies, are determined. The author has revealed the common and specific features of the formation and activities of local military authorities in the province in comparison with internal Russian provinces in 1802—1863. The research results can be used in training courses on the history of Belarus and military history.

Key words: local military authorities; military governor; governor general; food commission; commissariat commission; Gendarmes corps; internal guard corps; garrison.

Ref.: 18 titles.

Введение. Главным фактором, влияющим на способность воинских подразделений выполнять задачи по своему предназначению, является умелое и эффективное управление ими. Вот почему деятельность местных органов военного управления не может не интересовать специалистов по военной истории. В системе военного управления Российской империи значимую роль играли органы

местного военного управления, являвшиеся опорой российской императорской власти на местах. После третьего раздела Речи Посполитой западные белорусские земли были включены в состав Российской империи. Здесь вводилось российское административно-территориальное устройство, были распространены общие принципы российского военного управления. На территории Гродненской губернии была сформирована и действовала система местного военного управления по российскому образцу, но с некоторой спецификой. Цель данной статьи — выявить особенности функционирования органов местного военного управления в Гродненской губернии в 1802—1863 годах.

Материал и методы исследования. Проблемы формирования и деятельности местных органов военного управления в Гродненской губернии в исторической науке не получили специального освещения. В работах, посвященных истории Гродненского региона и военной истории Российской империи, сведения о деятельности органов военного управления на Гродненщине весьма кратки и, как правило, приводятся в контексте рассмотрения других вопросов. Так, обобщенные данные об органах управления Гродненской губернии, а также персональные данные о ее руководителях содержатся в коллективной работе Т. Ю. Афанасьевой, Р. Ф. Горячевой, В. В. Шведа [1]. Важными источниками по данной теме являются законодательные акты Российской империи [2], «Военно-статистическое обозрение Российской империи» [3], а также «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» [4]. Богатый материал по деятельности местных органов управления содержится в архивных делах, хранящихся в Национальном историческом архиве в г. Гродно.

Автор статьи при её написании использовал основные принципы исторической науки — историзма, объективности и ценностного подхода, а также общенаучные и специально-исторические методы: анализ, синтез, сравнение, историко-генетический метод, историко-типологический метод, историко-системный метод и др.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с указом Екатерины II от 14 декабря 1795 года была образована Слонимская губерния в состав которой вошел г. Гродно, как центр уезда. 6 февраля 1797 года Павел I своим решением объединил Слонимскую и Виленскую губернии в Литовскую губернию. 9 сентября 1801 года согласно указу Александра I Литовская губерния была разделена на Виленскую и Литовско-Гродненскую губернии (так она называлась до 1840 года). Гродненская губерния изначально состояла из восьми уездов: Гродненского, Брестского, Волковысского, Кобринского, Лидского, Новогрудского, Пружанского и Слонимского. Согласно указу от 18 декабря 1842 года в состав губернии включались Белостокский, Бельский (объединенный с Дрогичинским) и Сокольский уезды из ликвидированной Белостокской области, Лидский уезд был передан в Виленскую губернию, Новогрудский — в Минскую. Таким административно-территориальное деление губернии оставалось до 1921 года [1, с. 11].

Высшим органом местного военного управления, распространявшим свою власть на территорию Гродненской губернии, с 1801 по 1830 год являлся Литовский военный губернатор. Так, 9 сентября 1801 года император Александр I подписал указ «О восстановлении пяти губерний и подчинении пограничных территорий военным губернаторам» [2, с. 779]. В соответствии с указом управление Гродненской губернией поручалось Литовскому военному губернатору генерал-лейтенанту А. Л. Беннигсену. Связь военного губернатора с должностными лицами и учреждениями вверенных ему губерний осуществлялась через канцелярию.

В своей деятельности военный губернатор должен был руководствоваться «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года в соответствии с должностными обязанностями главнокомандующего. Литовскому военному губернатору кроме местной администрации и полиции, были подчинены воинские части, дислоцировавшиеся на вверенной ему территории. На него возлагалась задача проведения на местах государственной политики и общего надзора за деятельностью местной администрации, осуществления надзора

за судебной, полицейской и хозяйственной деятельностью вверенных губерний [4, с. 236—237]. Все ведомственные учреждения Гродненской губернии, должностные лица и в целом все население губернии подчинялись именно ему.

Литовский военный губернатор с 1832 года в одном лице совмещал и титул генерал-губернатора. Так, после начала национально-освободительного восстания 1830—1831 годов Гродненская, Виленская, Подольская, Волынская губернии и Белостокская область были объявлены на военном положении. Литовское военное губернаторство было преобразовано в «Виленское и Гродненское временное военное губернаторство», которое еще называли «Виленское временное военное губернаторство», или «Виленское военное губернаторство». В 1832 году оно было реорганизовано в «Виленское военное генерал-губернаторство» в составе Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области. Из-за того, что генерал-губернатор имел еще звание военного губернатора одной из подчиненных губерний (Виленской), административно-территориальная единица получила полное название «Виленское военное губернаторство, Гродненское и Белостокское генерал-губернаторство», а его руководитель — «Виленский военный губернатор, Гродненский и Белостокский генерал-губернатор».

В 1834 году в состав Виленского военного генерал-губернаторства вошла еще и Минская губерния. Административно-территориальная единица стала называться «Виленское военное губернаторство, Гродненское, Минское и Белостокское генерал-губернаторство», а генерал-губернатор — «Виленский военный, Гродненский, Минский и Белостокский генерал-губернатор». В связи с созданием Ковенской губернии и включением Белостокской области в состав Гродненской губернии с 1842 года административно-территориальная единица стала называться «Виленское военное губернаторство, Ковенское, Гродненское и Минское генерал-губернаторство». 17 февраля 1856 года Минская губерния была выделена из состава Виленского военного генерал-губернаторства и перестала входить в состав других генерал-губернаторств. Само Виленское генерал-губернаторство стало называться «Виленское военное губернаторство, Ковенское и Гродненское генерал-губернаторство».

В связи с ростом антиправительственных выступлений на белорусских землях, в соответствии с указом от 16 августа 1862 года Минская губерния снова вошла в состав Виленского военного генерал-губернаторства, которое стало называться «Виленское военное губернаторство, Ковенское, Гродненское и Минское генерал-губернаторство».

В соответствии с указом Сената от 30 октября 1863 года Могилевская и Витебская губернии были переподчинены Виленскому военному губернатору. Официальным названием новой административно-территориальной единицы стало с 30 апреля 1863 года необычное название для генерал-губернаторств Российской империи: «Виленское военное губернаторство, Ковенское, Гродненское, Минское генерал-губернаторство с подчинением Витебской и Могилевской губерний». Официально виленский военный генерал-губернатор М. Н. Муравьев в 1863—1864 годах назывался «Виленский военный губернатор, Ковенский, Гродненский, Минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилевской губерний». С 1863 года Виленский военный генерал-губернатор в официальных документах стал параллельно называться «главный начальник северо-западного края», или «главный начальник края».

28 августа 1802 года были утверждены штаты учреждений Гродненской губернии. Высшую служебную должность начальника губернии занимал Гродненский гражданский губернатор, наделенный административной, судебной, военной, финансовой и политической властью. Он являлся непосредственным главой местного военного управления на территории губернии. Свою деятельность гражданский губернатор осуществлял через канцелярию [1, с. 13].

Прежде всего, гражданский губернатор должен был заботиться о поддержании общественного порядка, спокойствия в губернии и «... в особенностях на соединяющих оныя дорогах и водяных путях сообщения», и принимать все необходимые меры к наведению порядка [5, с. 374]. В случае появления разбойнических групп, воров, дезертиров или иных преступников,

губернатор мог использовать все имеющиеся в губернии военные подразделения: «Для сего они могут требовать от командира губернской внутренней стражи и от других ближайших войск достаточной команды и отрядить оную на место, где произошли неурядицы» [5, с. 375]. Особенно следует отметить формулировку «могут требовать», т. е. в соответствии с законодательством все военные команды, дислоцировавшиеся в губернии, должны были подчиняться приказу гражданского губернатора и действовать по его законным распоряжениям.

Так как Гродненская губерния являлась приграничной, губернатор должен был контролировать всех иностранцев, появлявшихся на территории губернии. Для понимания всей сложности выполнения данной задачи отметим, что только в период с 1854-го по 1857 год в губернии постоянно находилось порядка 3 320 иностранцев [4, с. 786]. Также губернатор должен был бороться с контрабандой, бдительно следить, чтобы военные дезертиры, преступники, подозрительные лица из других государств не пересекали государственную границу Российской империи, а местные жители не укрывали их. Так, в этом особенно проявили себя гродненские гражданские губернаторы К. К. Лешерн (1813—1816), М. Т. Бобятинский (1824—1831), Ф. И. Васьков (1844—1848) [1, с. 14].

Заботы о комплектовании и, отчасти, о некоторых видах довольствия армии входили в число прямых обязанностей гражданских губернаторов. Наказ губернаторам 1837 года прямо говорил, что «гражданские губернаторы обращают особенное внимание на отправление рекрутской повинности, как одной из важнейших в государстве. На основании рекрутского устава они не участвуют непосредственно в приеме рекрут, но, во все продолжение набора, постоянным надзором и содействием охраняют исполнение всех предписанных сим уставом правил» [5, с. 393].

Следует отметить, что перед началом рекрутского набора под председательством гражданского губернатора формировался комитет, который устанавливает порядок производства набора. На попечение губернатора возлагалась организация рекрутских присутствий в установленных для приема рекрут местах, из назначенных должностных лиц. В целом на него возлагалась забота о том, чтобы при наборе рекрут интересы государства или чьи-либо права не были нарушены. Кроме того, губернатор следил, чтобы рекруты во время и в местах набора были размещены со всеми необходимыми удобствами, а также получали все установленные для них виды довольствия. Контролировали они и своевременную оплату должностными лицами военного ведомства за полученный от местного населения провиант [5, с. 393].

На территории Гродненской губернии с момента ее образования в 1802 году было сформировано Гродненское губернское рекрутское присутствие. Оно собиралось только на период рекрутского набора. Состояло в ведении министерства финансов, а на местах подчинялось Гродненскому гражданскому губернатору. Возглавлялось гражданским губернатором (вице-губернатором). В состав присутствия входили уездный предводитель дворянства, советник ревизского отделения казенной палаты, военный приемщик и врач врачебной управы [6, л. 3].

Гродненская губерния делилась на три участка, на каждом из которых в одном из уездных городов учреждалось уездное рекрутское присутствие. Первый возглавлял губернский предводитель дворянства. В его состав входили предводитель дворянства того уезда, в котором учреждалось присутствие, городничий, военный чиновник и врач. Членами второго и третьего являлись предводитель дворянства ближайшего приписного уезда, городничий, военный чиновник и врач. В отдельные годы количество уездных рекрутских присутствий могло увеличиваться, а с 1862 года уездные рекрутские присутствия создавались в каждом уезде. Так, на территории Гродненской губернии существовали Белостокское, Бельское, Брестское, Волковысское, Гродненское, Кобринское, Новогрудское, Пружанское, Слонимское уездные рекрутские присутствия [6, л. 2]. Отметим, что в период с 1802-го по 1857 год на территории Гродненской губернии было проведено 49 наборов рекрут, в ходе которых отобрано порядка 84 604 человек [4, с. 801].

Кроме того, на гражданского губернатора возлагалась обязанность заботиться о квартирном довольствии воинских и рекрутских команд, проходящих через Гродненскую губернию, а также оказание содействия военному начальству в случае следующих требований: 1) воинский

постой; 2) выделение лагерных мест; 3) снабжение войск во время квартирования или лагерного расположения всеми потребностями; 4) отвод пастбищ для лошадей, принадлежавших военному ведомству; 5) поставка подвод и проводников; 6) снабжение часовых тулупами и деньгами за счет городских доходов; 7) построение и содержание в исправности жандармских конюшен, будок, гауптвахт и других воинских сооружений. Хотя на самого гражданского губернатора не возлагалось обязанностей по поставке провианта, но ему приказывалось всячески содействовать в этом [5, с. 396]. Следует отметить, что помогал гражданскому губернатору в управлении и фактически отвечал за всю практическую работу вице-губернатор.

Гродненскими губернаторами и исполняющими их обязанности на протяжении существования губернии являлись 36 человек. Большинство из них были уроженцами внутренних российских губерний. Несколько человек — местного происхождения: из Гродненской губернии — С. Ф. Урсын-Немцевич, М. Т. Бутовт-Андржейкович, Минской — К. Ф. Друцкий-Любецкий, Витебской — Ф. А. Зейн, М. Т. Бобятинский [1, с. 15]. То обстоятельство, что небольшое число губернаторов имело местное происхождение, объясняется недоверием российского руководства к местной элите. В целом для истории местных органов военно-гражданского управления в первой половине XIX века характерны усиление власти гражданских губернаторов, рост их влияния на все стороны жизни, в том числе и контроль военного компонента вверенных им губерний.

Губернатору были приданы воинские части, дислоцировавшиеся на вверенной ему территории. Поскольку Гродненская губерния имела важное геополитическое и стратегическое значение в системе обороноспособности Российской империи, здесь размещался внушительный воинский контингент, требовавший системного, организованного управления и снабжения. Всех дислоцировавшихся в Гродненской губернии и состоявших на действительной службе военнослужащих можно разделить на две категории: действующие, или временно-квартирующие, и гарнизонные, или местные войска. К первой категории относились все вообще действующие войска, которые располагались в регионе и подлежали более или менее частой передислокации. Гарнизонные войска, напротив, находились на постоянных местах и служили для удовлетворения местных потребностей губернии по охране общественного порядка.

В Гродненской губернии одновременно на квартирах могли размещаться порядка 25 тысяч военнослужащих. Так, в период с 1843-го по 1847 год в губернии квартировало 14 610 военнослужащих всех родов войск (пехоты, артиллерии, кавалерии), с 1848 по 1852 год — 24 468 человек. Наибольшее число военнослужащих российской армии в Гродненской губернии дислоцировалось в 1848 году — 36 126 человек (в 1847-м — 7 071). В среднем в Гродненской губернии в первой половине XIX века располагалось около 18 тысяч действующих войск [4, с. 787].

Важное место в системе местного военного управления занимали гарнизоны и ордонанс-гаузы (с 1863 года — комендантские управления) при них. Гарнизон представлял собой совокупность всех родов войск (войсковых частей, команд, отдельных воинских чинов), расквартированных, в том числе и временно, в населённом пункте (городе, крепости, местечке) и вокруг него. Объединение в гарнизоны совместно дислоцированных войск имело целью обеспечение воинского порядка и дисциплины, устранение конфликтных ситуаций между воинскими частями по вопросам расквартирования, пользования общими плацами, стрельбищами, а главное — организацию и координацию осуществления гарнизонной службы [7, с. 188].

Гарнизонная служба заключалась в обслуживании войсками гарнизона местных, государственных и военных нужд в районе своего размещения. Гарнизонная служба являлась общей для всех войск гарнизона. Она неслась войсковыми частями по определенной очереди, по наряду от местного коменданта, причем чины, части и команды на время выполнения обязанностей гарнизонной службы исключались из подчинения своего строевого начальства и поступали в полное распоряжение коменданта и начальника гарнизона, которые находились в подчинении губернатора [7, с. 187]. Следует отметить, что комендант нередко одновременно исполнял и обязанности начальника гарнизона.

Ордонансгаузы — местные военные учреждения во главе с комендантами. Получили распространение на основании указа «О построении ордонансгаузов во всех крепостях и городах, где положено быть комендантам» от 30 декабря 1799 года. В соответствии с именованным указом от 27 июня 1817 года «О разделении ордонансгаузов на три класса» 1-й класс был присвоен ордонансгаузам в столичных городах, 2-й — ордонансгаузам в городах, расположенных на больших военных дорогах, 3-й — ордонансгаузам в городах, через которые проходило наименьшее количество войск [8, с. 434].

На основании высочайше утвержденного указа «Расписания ордонансгаузов 2-го и 3-го классов» от 9 мая 1819 года в Гродненской губернии в г. Гродно был учрежден ордонансгауз 2-го класса. Находился в ведении гражданского губернатора. 29 ноября 1832 года в губернии, в крепости Брест-Литовск был учрежден еще один ордонансгауз 2-го класса [9, с. 185; 10, с. 865]. В штат Гродненского и Брест-Литовского ордонансгаузов входили комендант (генерал-майор или полковник), плац-майор (штаб-офицер), 3 плац-адъютанта (обер-офицер), аудитор, старший и младший писари, 4 унтер-офицера и 20 инвалидов (всего 32 человека). При ордонансгаузе действовал военный суд (комиссия военного суда), куда из полков откомандировывались презусы (судьи) и ассессоры [8, с. 79].

Руководство ордонансгауза должно было содержать арестантов, направлять присланных рекрут в назначенные полки, снаряжать караулы в общественные места, производить суд над арестантами не из местного гарнизона и над рекрутами, не определенными в полки, осуществлять контроль казенных строений, организовывать ремонт караульных помещений, заведовать квартирами и казармами гарнизона. Кроме того, согласно «Положению для образования крепостных арестантов и арестантские роты» от 26 сентября 1826 года, эти роты находились в ведении коменданта крепости. В соответствии с «Уставом о непременных военных госпиталях» от 21 марта 1828 года коменданты должны были осуществлять контроль за военными госпиталями гарнизона. Также в соответствии с указом от 14 февраля 1846 года ордонансгаузы осуществляли надзор за офицерами, находившимися в продолжительном или бессрочном отпуске. Именной указ военному министру «Об упразднении в некоторых городах комендантских управлений и ордонансгаузов» от 7 декабря 1841 года был распространен на г. Гродно, и находящийся там ордонансгауз прекратил свою деятельность [11, с. 105].

За халатное исполнение служебных обязанностей коменданты нередко несли дисциплинарную ответственность. Так, 18 августа 1832 года в приказе военного министра «О подтверждении комендантом, чтобы они старались об устройстве всех частей, им подведомственных» указывалось на упущения и недостатки в организации служебной деятельности гродненского коменданта. Они были выявлены в ходе инспекции гродненского госпиталя полковником Лачиновым и связаны с определением степени пригодности военнослужащих к дальнейшему несению службы, ведением соответствующей служебной документации. Инспектор, осмотрев военнослужащих, направленных из госпиталя в подвижную инвалидную роту, обнаружил, что из 81 человека 33 были полностью здоровы и пригодны к продолжению строевой службы, а 28 человек способны к гарнизонной службе. Из 41 военнослужащего, отправленного в отставку, — 2 человека пригодных к строевой службе, 10 человек могли поступить в госпитальные или комиссариатские служители. В соответствии с выявленными нарушениями военный министр объявил коменданту подполковнику по кавалерии Фон Бергу строгий выговор [10, с. 562].

В Гродненской губернии постоянно находились гарнизонные войска в составе: корпуса внутренней стражи и корпуса жандармов. К числу этих войск следует отнести и все полицейские команды, комплектуемые военнослужащими внутренней стражи. Кроме того, в г. Брест-Литовске размещались военно-рабочие и арестантские роты.

В первой половине XIX века вследствие постоянной нужды в пополнении действующей армии в организационно-штатной структуре войск, преимущественно предназначенных для несения внутренней службы, произошел ряд изменений. В 1811 году в Российской империи

из 52 гарнизонных батальонов было взято по 3 роты на формирование новых пехотных полков, а четвертые роты вместе с губернскими ротами образовали внутренние двухротные полубатальоны, в дальнейшем постепенно переформированные в трехротные полубатальоны с переименованием их во внутренние губернские батальоны. Все они были объединены во внутреннюю стражу.

Так, 17 января 1811 года из одной роты, оставшейся от расформированного Кюменегородского гарнизонного батальона (три роты поступили в состав 49-го Егерского полка) и присоединенной к ней штатной губернской роты Гродненской губернии в г. Гродно сформирован Гродненский внутренний губернский полубатальон в составе двух рот, из которых в каждой положено было иметь: 4 обер-офицеров, 165 нижних чинов. 27 марта 1811 года к двум ротам, составлявшим полубатальон, добавлена третья с переименованием в «Гродненский внутренний губернский батальон» (с 1816 года — «Гродненский внутренний гарнизонный батальон») [12, с. 305].

3 июля 1811 года император Александр I утвердил «Положение для внутренней стражи», согласно которому подразделения внутренней стражи были разделены на округа, управлявшиеся окружными начальниками (окружными генералами). Округа внутренней стражи разделялись на бригады. Бригадный командир являлся непосредственным начальником батальонов и всех уездных и других инвалидных команд, состоящих в его ведомстве. В округ входило 2-3 бригады, каждая из которых состояла из 2-3 батальонов. В свою очередь, в состав губернских батальонов входили команды служащих инвалидов в уездных городах и этапные команды. Все находившиеся в уезде инвалиды состояли в подчинении начальника уездной инвалидной команды [13, с. 784].

Гродненская губерния состояла в 9-м округе Корпуса внутренней стражи и подчинялась окружному генералу в г. Вильно. Гродненский батальон внутренней стражи дислоцировался в г. Гродно. В подчинении командира батальона находились уездные инвалидные (Гродненская, Слонимская, Волковысская, Пружанская, Белостокская, Бельская, Сокольская) и этапные команды (Гродненская, Ружанская, Белостокская, Каменская). Кроме того, в Гродненской губернии дислоцировалась Брест-Литовская инвалидная команда, которая 26 мая 1834 году была переименована в Брест-Литовский внутренний гарнизонный батальон и переподчинена 10-му округу внутренней стражи. Во всех командах внутренней стражи Гродненской губернии насчитывалось порядка 2 439 военнослужащих. Также командиру Гродненского батальона внутренней стражи подчинялись подвижные инвалидные роты губернии № 56 при Гродненском и Белостокском военных госпиталях, № 63 при Брест-Литовском и Житомирском военных госпиталях [3, с. 134].

На внутреннюю стражу возлагались военные функции, связанные с обеспечением воинского порядка и дисциплины, осуществление гарнизонной службы. Ведение боевых действий преимущественно не входило в круг обязанностей внутренней стражи, при этом 16 июня 1812 года солдаты и офицеры Гродненского внутреннего гарнизонного батальона под руководством гродненского полицмейстера Высочина приняли активное участие в оборонительных сражениях против наполеоновских войск. В ходе боев погиб прапорщик внутренней стражи Н. И. Ившин [14, л. 41].

Кроме военных функций, на внутреннюю стражу возлагались обязанности в отношении к губернскому начальству: 1) силовое обеспечение деятельности судов; 2) борьба с преступностью; 3) подавление массовых беспорядков; 4) розыск и поимка беглых преступников и дезертиров; 5) выявление и изъятие запрещенных и контрабандных товаров; 6) содействие в сборе налогов; 7) обеспечение охраны общественного порядка; 8) отправка в распоряжение воинских частей военнослужащих, просрочивших отпуска; 9) содействие в ликвидации пожаров, последствий стихийных бедствий; 10) охрана тюрем; 11) обеспечение безопасности объектов государственной важности. Кроме того, важной особенностью подразделений Гродненского батальона внутренней стражи являлось выполнение обязанностей по усилению пограничных и таможенных застав. Например, в 1817 году Брестская инвалидная команда несла караульную службу на брестской пограничной заставе [15, л. 2].

Командир губернского батальона, используемого губернским начальством, нес ответственность только за действия подразделения в строгом соответствии с Положением. За все последствия,

связанные с применением личного состава внутренней стражи, кроме действий, связанных с нарушением воинской дисциплины, юридически отвечало губернское начальство, которое инициировало применение подразделения. Отказать в помощи губернскому руководству, в случаях отсутствия явных нарушений законности в их требовании, командир батальона внутренней стражи не мог [13, с.789].

В ведении внутренней стражи в Гродненской губернии было 93 поста, в том числе 5 постов занимались квартирующими войсками, на 88 постов ежедневно заступало в наряд 5 офицеров, 19 унтер-офицеров, 2 музыканта, 33 ефрейтора и 306 рядовых, — всего 365 воинских чинов. Караульную обязанность несли ежедневно около 17% личного состава [4, с. 138].

Значимым событием в истории местных органов военного управления было создание в составе внутренней стражи жандармских подразделений. В утвержденном 1 февраля 1817 года «Положении для жандармов внутренней стражи» отмечалась необходимость создания подразделений, способных повысить мобильность корпуса и усилить интенсивность действий его военнослужащих [8, с. 50]. Следует отметить, что функции жандармов внутренней стражи находились вне сферы политического сыска и заключались, главным образом, в усилении подразделений внутренней стражи мобильными конными отрядами для более эффективного поддержания правопорядка на подведомственной территории.

Указом от 28 апреля 1827 года подразделения жандармерии были выведены из структуры внутренней стражи и объединены в самостоятельный корпус жандармов (с 1836 года — Отдельный корпус жандармов). Во главе корпуса стоял шеф жандармов, при котором состоял штаб корпуса. Территория Российской империи была поделена на жандармские округа. Гродненская губерния входила в состав IV (Виленского) округа. Окружное управление осуществлялось начальником округа, который размещался в г. Вильно, а губернское — Гродненским жандармским штаб-офицером при котором состояли особые губернские управления. Губернским жандармским штаб-офицерам присваивалась власть полкового командира. В Гродненской губернии управлению Гродненского жандармского штаб-офицера подчинялись жандармские команды в городах Гродно, Брест-Литовске, Белостоке, Бельске и Соколке. При этом жандармская команда в Брест-Литовске по наружной, распорядительной части находилась в непосредственном ведении и местного коменданта. В жандармских командах и в управлении штаб-офицера губернии состояло 82 человека, в том числе: в управлении Гродненского штаб-офицера — 3, Гродненской команде — 29, Брест-Литовской — 29, Белостокской, Сокольской, Бельской — по 6 человек в каждой [4, с. 137].

Положением определялось, что «по всем предметам, на которые дозволяется употреблять жандармов, имеют право требовать таковых в столицах, обер-полицмейстеры, а в прочих городах гражданские губернаторы, коменданты и градоначальники» [16, с. 776]. Кроме того, губернаторы под свою ответственность могли инициировать использование жандармских подразделений в непредвиденных чрезвычайных ситуациях.

В первой половине XIX века в связи с активным строительством крепостей, на белорусских землях складывается местная система крепостного управления. Крепости Российской империи были разделены на 3 класса в зависимости от их военно-стратегического значения. В Гродненской губернии в г. Брест-Литовске находилась важная в стратегическом отношении крепость 1-го класса, которая служила надежным складским местом и оплотом армии, действующей на пространстве между Бугом и Вислой. Воздвигнутая при слиянии рек Муховца с Бугом и лежащая на прямом пути, ведущем от Варшавы в Москву, она прикрывает кроме переправы через названные реки, также важнейшие дороги, ведущие отсюда: 1) через Гродно в Вильно; 2) через Слоним в Минск и в Москву; 3) дорогу в Киев.

В крепости действовал постоянный крепостной штаб, возглавляемый комендантом. В состав штаба также входили плац-майор, плац-адъютант и майор от ворот. В случае осады или чрезвычайных обстоятельств военное руководство крепостью могло быть вверено военному

губернатору. В соответствии с высочайше утвержденным докладом военного министра «О подчинении полиции в пограничных крепостях, во время отсутствия военных губернаторов, комендантам» от 27 января 1811 года следовало, что «пограничные крепости, особенно у нас на западной границе, должны быть всегда в военном состоянии, во время коего коменданты управляют гражданской полицией...» [13, с. 544]. Таким образом, в системе местного военного управления Гродненской губернии имелись особенности, связанные с более широкими полномочиями коменданта Брест-Литовской крепости по сравнению с другими крепостями империи.

Всего, по отчетам губернатора, в Гродненской губернии находилось гарнизонных войск: 2 674 военнослужащих внутренней стражи, 1 894 человека нижних чинов, состоящих в ведении командира батальона внутренней стражи, 86 жандармов, всего 4 655 человек. К тому же в полиции проходили службу до 300 воинских чинов. Таким образом, общее число войск, постоянно дислоцировавшихся в Гродненской губернии, было около 4 800 человек, а с учетом военнослужащих комиссариатской комиссии, военно-рабочих рот и инженерной команды Брест-Литовска — около 6 тысяч человек [4, с. 789].

В соответствии с утвержденным положением «О провиантском управлении» от 23 марта 1816 года органы провиантского управления Российской империи разделялись на полевые и внутренние. Полевые провиантские управления в виде комиссий находилась при армиях и отдельных корпусах, состояли в непосредственном ведении главнокомандующих и руководствовались их распоряжениями: в армиях — через генерал-интендантов армии, в отдельных корпусах — через обер-провиантмейстера [17, с. 563]. Внутреннее управление находилось в непосредственном ведении провиантского департамента военного министерства, заведовало вопросами снабжения продовольствием войсковых подразделений, территориально не входивших в состав армий и отдельных корпусов, и действовало по его распоряжению через генерал-провиантмейстера.

Гродненская губерния выпадала из ведения провиантского управления военного министерства и входила в продовольственный округ Действующей армии, а потому войска, расположенные в губернии, получали продовольствие по указанию генерал-интенданта, распоряжением которого были учреждены магазины для склада провианта в следующих местах: Гродно, Белостоке, Соколке, Бельске, Брянске, Брест-Литовске, Кобрине, Пружанах, Волковысске, Слониме. К этим магазинам, сверх того, имелись небольшие припасные магазины, откуда войска по мере необходимости получали провиант прямо от подрядчика. Они находились в следующих местах: Каменец-Подольске, Берестовице, Семятичах, Волочиске, Высоко-Литовске, Молчади, Руманах [3, с. 139].

Следует отметить, если во внутренних российских губерниях цены на фураж утверждались губернатором, то Гродненская губерния в этом отношении, имела свои особенности. Так, в соответствии с «Циркуляром министерства полиции о возложении обязанностей на военных начальников, военных и гражданских губернаторов устанавливать цены на фураж для войск и жандармских команд» от 3 апреля 1819 года, фуражное довольствие лошадей воинских частей и подразделений (в том числе и гарнизонных войск) здесь находилось на попечении местных воинских командиров, для которых, главнокомандующим армией утверждались постоянные цены: «...установление сих цен для войск, к армиям и отдельным корпусам принадлежащих, где бы они и в каком бы количестве расположены ни были, относиться непосредственно к Главнокомандующим армиями и к начальникам отдельных корпусов, равным образом до них же принадлежать должно утверждение цены на фураж и для жандармских команд и прочих войск, кои находятся в кругу расположения армий и отдельных корпусов, хотя бы войска сии и не входили в состав оных» [18, л. 2].

Организацией снабжения войск предметами комиссариатского довольствия в Российской империи на местах занимались комиссариатские комиссии и состоящие при них управления. К предметам комиссариатского довольствия следует отнести: 1) прием, хранение и отпуск вещевого и денежного довольствия войскам; 2) содержание лазаретов; 3) выдача денег на канцелярские расходы, ремонт, строительство; 4) покупка лошадей, вещевого имущества, 5) заготовка

материалов для пошива обмундирования и снаряжения. По предметам комиссариатского довольствия войска, расквартированные в Гродненской губернии, снабжались Брест-Литовской комиссариатской комиссией и получали положенные им вещи по распоряжению комиссариатского департамента военного министерства [3, с. 141].

Органами местного артиллерийского управления были артиллерийские округа. Территория каждого округа, во главе которого стояло окружное артиллерийское управление, включала по несколько губерний. В состав округа входили артиллерийские гарнизоны, гарнизонные артиллерийские роты, сведенные в бригады, лабораторные роты и арсеналы. Число артиллерийских округов не было постоянным. В 1832 году в Польше был учрежден Западный артиллерийский округ, в управлении которого находились воинские подразделения Гродненской губернии, а штаб начальника округа размещался в г. Брест-Литовске. В состав округа губернии входили артиллерийские роты № 7, 8, 9 и лабораторная рота № 2, сведенные в 7-ю гарнизонную артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся в крепости Брест-Литовск. Кроме того, в крепости находились 6 местных парков на 6 пехотных, 2 кавалерийских дивизий и на 6 артиллерийских бригад [3, с. 134].

Местными органами инженерного управления являлись инженерные округа, ведавшие производством строительных работ в крепостях и имевшие в подчинении у себя нестроевые инженерные команды. Брест-Литовская крепость входила в состав Западного инженерного округа и имела по штату: командира (полковник или подполковник), 4 обер-офицера, 5 юнкеров, кондукторов и инженерную команду в составе цейхвартера, унтер-цейхвартера, 5 писарей, 2 вахтеров, 2 цейхдинеров [3, с. 135].

В целом на территории Гродненской губернии в начале XIX в. сложилась и действовала система местного военного управления включавшая: 1) управление 1-й («Действующей») армией и отдельный корпус, исполнявшие некоторые обязанности по местному военному управлению в районе своего расположения; 2) управления Литовского военного губернатора, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора и Гродненского гражданского губернатора; 3) гарнизонные (крепостные) управления; 4) управление корпуса жандармов; 5) управление корпуса внутренней стражи; 6) управления артиллерийского и инженерного округов; 7) комиссариатскую комиссию.

Заключение. Местная система управления войсками, сложившаяся в Гродненской губернии, наряду с общероссийскими чертами отличалась рядом особенностей. Во-первых, территория Гродненской губернии, войдя в состав Российской империи, имела важное геополитическое и стратегическое значение в системе обороноспособности Российской империи, здесь размещался внушительный воинский контингент, требовавший системного, организованного управления и снабжения; во-вторых, полномочия местных органов военного управления были значительно шире по сравнению с внутренними губерниями Российской империи; в-третьих, в связи с недоверием к местной военно-политической элите большинство должностных лиц военного управления Гродненской губернии являлись уроженцами коренных российских губерний. В-четвертых, с одной стороны, воинские части и подразделения, дислоцировавшиеся в Гродненской губернии, подчинялись командующему 1-й армии и соответствующим профильным структурам военного министерства и действовали по их указаниям в соответствии с их должностными инструкциями и документами, однако, с другой — военнотружущие были в значительной мере зависимы от губернатора и через начальников гарнизонов и комендантов действовали с сохранением всех законодательных формальностей по его указанию и требованиям. В мирное время именно губернатор нес всю полноту ответственности за поддержание правопорядка в губернии.

Список цитируемых источников

1. *Афанасьева, Т. Ю.* Гродненские губернаторы (1801—1917 гг.) : документально-биограф. очерк. / Т. Ю. Афанасьева, Р. Ф. Горячева, В. В. Швед. — Гродно : Гродн. тип., 2007. — 168 с.
2. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Собрание Первое. Том XXVI. 1800 — 1801 гг. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 880 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 17 т. — СПб. : Тип. Деп. Ген. Штаба, 1849. — Т. 9 : Западные губернии : Ч. 1. — 160 с.
4. *Бобровский, П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Часть 1 / П. О. Бобровский. — СПб. : Тип. департамента генерального штаба, 1863. — 906 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XII. Отделение 1. 1837 г. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. — 823 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в г. Гродно). — Ф. 64. Оп. 1. Д. 11.
7. Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. — СПб. : Тов-во И. Д. Сытина, 1912. — Т. 7 : Воинская честь—Гимнастика. — 385 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXIV. 1817 г. / под редакцией М. М. Сперанского. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 959 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXVI. 1819 г. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 734 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Том VII. 1832 г. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. — 1414 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVI. Отделение 2. 1841 г. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. — 332 с.
12. *Висковатов, А. В.* Хроника Российской Императорской армии в семи частях. Часть VII / А. В. Висковатов. — СПб. : Воен. тип., 1852. — 340 с.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXI. 1810—1811 гг. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 941 с.
14. НИАБ в г. Гродно. — Ф. 1. Оп. 19. Д. 1141.
15. НИАБ в г. Гродно. — Ф. 1. Оп. 1. Д. 989.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том II. 1827 г. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1561 с.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXIII. 1815—1816 гг. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1167 с.
18. НИАБ в г. Гродно. — Ф. 1. Оп. 1. Д. 1563.

Поступила в редакцию 16.01.2018

УДК 331.1

В. В. Климук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (163) 48 78 75, klimuk-vv@yandex.ru

**МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ, ПРОМЫШЛЕННОГО БИЗНЕСА**

В работе поднята проблема реального взаимодействия организаций образования, науки, бизнеса, представлен ряд существующих «узких мест» в коррекции данного вектора социально-экономической модернизации. Предложен комплекс законодательных актов по регулированию сотрудничества образования, науки, бизнеса, созданию благоприятных условий для развития данного сотрудничества. Представлена авторская графическая модель взаимодействия организаций образования, науки, бизнеса с учетом интересов органов государственной власти. Предложен комплекс дополнительных показателей оценки эффективности функционирования инновационной инфраструктуры в стране (регионе).

Ключевые слова: инновационная инфраструктура; взаимодействие образования, науки, бизнеса; синергетический эффект; показатели оценки эффективности взаимодействия.

Рис. 2. Табл. 2. Библиогр.: 12 назв.

V. V. Klimuk

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 712 03 00, klimuk-vv@yandex.ru

**MODEL OF INTERACTION OF EDUCATIONAL,
SCIENCE AND INDUSTRIAL BUSINESS INSTITUTIONS**

The paper raises the problem of the real interaction of organizations of education, science and business; a number of “weak points” in the correction of this vector of socio-economic modernization are presented. A set of legislative acts to regulate the cooperation of education, science, business, and to create favorable conditions for the development of this cooperation has been proposed. The author’s graphical model of interaction of organizations of education, science, business, taking into account the interests of public authorities, has been presented. A number of additional indicators for evaluating the effectiveness of the functioning of the innovation infrastructure in the country (region) have been proposed.

Key words: innovation infrastructure; interaction of education, science, business; synergistic effect; indicators for evaluating the effectiveness of interaction.

Fig. 2. Table 2. Ref.: 12 titles.

Введение. Подготовка конкурентоспособных специалистов состоит в обучении на основе актуальной, полезной, «новой» информации. В этом случае выпускник обладает навыками владения современными средствами, последними тенденциями в соответствующей профессиональной области, повышая уровень кадровой привлекательности. В процессе подготовки специалистов особое внимание следует уделять обязательному участию представителей реального сектора экономики, органов государственной власти в форме совместной корректировки и составления учебных программ, учебных планов. Данный процесс возможен в формате работы комиссии по регулированию региональных запросов, которая включает представителей образования, науки,

бизнеса и органов власти [1; 2]. Её цель состоит в актуализации базы реальных запросов организаций региона в необходимых специальностях, выработке системы профессиональных компетенций соответствующих специальностей. В этой же комиссии формируется и база актуальных потребностей в регионе в научных, технических, инновационных разработках, создавая комплекс конкретных заданий для организаций образования, науки на основе финансируемых заказов. Систематическая организация заседаний комиссии позволит оперативно адаптироваться к изменяющимся условиям социально-экономической системы, растущим запросам общества.

Динамичность качества данных запросов относительно желаемого товара, а также модель цифровизации экономики формируют мотивирующий комплекс действий для обеспечения конкурентоспособности организаций, регионов и страны. Обществу необходимы новые продукты, работы, услуги, которые позволят сократить трудоемкость процесса реализации, количество трудовых ресурсов, повысить уровень функционального назначения, уменьшить габаритные параметры разработки, минимизировав тем самым финансовые расходы по ее созданию (выполнению). Генерирование новых идей, их апробация и внедрение в практику функционирующих организаций — одна из важнейших задач общества.

Инновации выступают доминантой социально-экономического роста страны, создавая платформу акселерации технико-технологической модернизации, социо-эколого-экономической безопасности общества.

Целеполагающим вектором в системном развитии страны является синергетический механизм взаимодействия образовательного, научного и бизнес-компонентов, что дает возможность создания нового продукта с улучшенными характеристиками, создания условий для развития инновационных инициатив у разработчиков, возможностей коммерциализации полученных результатов интеллектуальной деятельности. Это и создает основу для устойчивого развития, внедрения инновационных решений в структурные элементы социально-экономической системы. Образовательная среда, выступая площадкой для подготовки будущих специалистов, должна мгновенно адаптироваться под динамику трендов в различных профессиональных областях. Университет должен выступать практико-ориентированной компонентой, обеспечивающей реализацию практических навыков обучающихся в реальных условиях. Кроме того, большое значение имеет наличие мощной материально-технической базы, которая выступает «наглядным» инструментом визуализации изучаемых понятий, процессов.

Методология и методы исследования. Актуальные вопросы необходимости кооперации образования, науки, бизнеса актуализированы фундаментальными и прикладными исследованиями отечественных и зарубежных авторов. М. С. Каллас представила переход на новый уровень развития — инновационную экономику — через формирование сети инновационных университетов, предусматривающих взаимодействие университетов, научных организаций, бизнес-сообщества [3]. Е. Г. Гришанина определяет основные формы взаимодействия образования, науки, бизнеса: информационно-коммуникационная, консультационная и экспертная — которые выражены через механизмы формирования коммуникативных площадок (очных, заочных); определены направления взаимодействия: совместное формирование научно-технической политики, создание научно-технологического кластера [4]. В работах зарубежных авторов одним из механизмов эффективного взаимодействия образования, науки, бизнеса является формирование научно-производственных альянсов, бизнес-инкубаторов [5; 6].

В качестве методов исследования применяются метод синергии результатов, сценариев развития, прогнозов, факторно-аналитический, компаративный, компонентный.

Результаты исследования и их обсуждение. Как заявил Глава государства Александр Григорьевич Лукашенко на II Съезде ученых Беларуси, «считаю необходимым акцентировать ваше внимание на некоторых направлениях совершенствования и дальнейшего развития белорусской науки. Первое и важнейшее из них — более эффективно соединить науку и производство» [7].

В настоящее время учреждения образования переходят на новую модель своего развития — взаимодействие образовательного, научного и реального сектора экономики с целью последовательного логического прохождения каждого из этапов интеллектуальной деятельности: обучение, закрепление на практике, научные исследования, инновационная разработка, реализация на рынок на коммерческой основе. Во-первых, происходит становление экономики знаний, во-вторых, результаты интеллектуальной деятельности находят отражение в практике работы производственных предприятий, организаций сферы услуг, представителей малого и среднего бизнеса, органов государственного управления с акцентом на внедрении инновационных средств (рисунок 1).

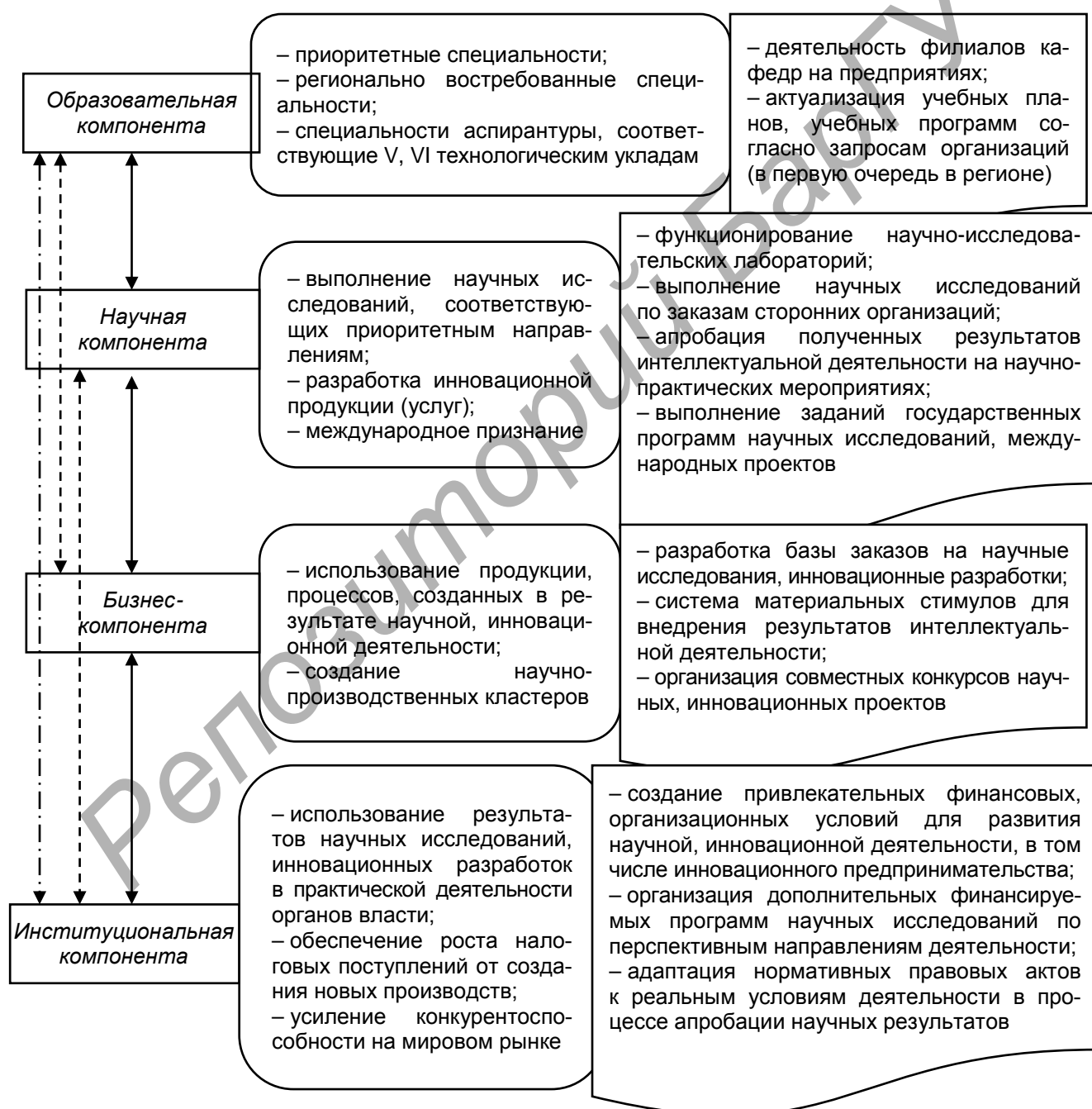

Рисунок 1. — Модель взаимодействия организаций образования, науки, бизнеса

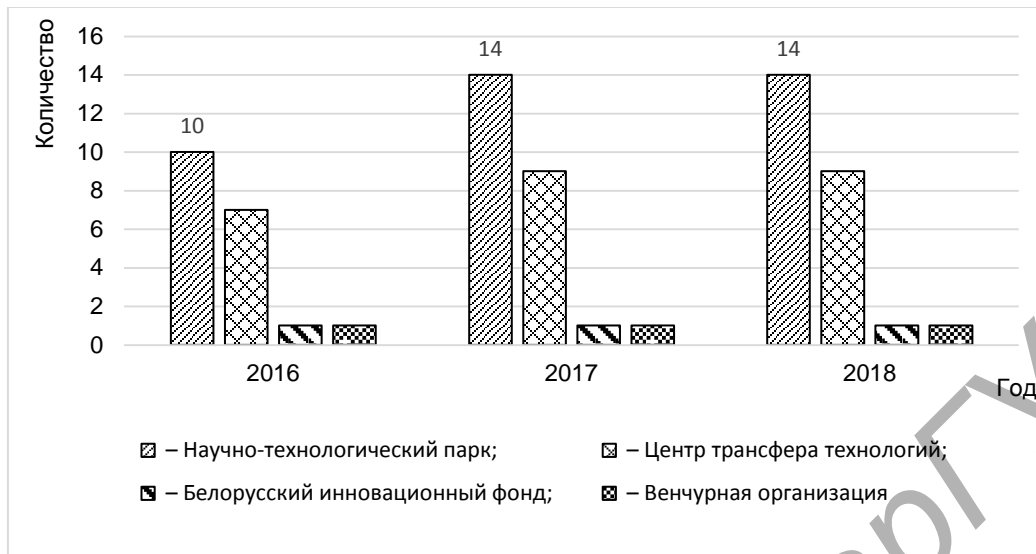

Рисунок 2. — Динамика субъектов инновационной инфраструктуры Республики Беларусь, количество

В целях инновационной активности организаций страны в направлении создания новых товаров и их внедрения в реальный сектор экономики формируется инновационная инфраструктура. В Республике Беларусь инновационная инфраструктура представлена следующими функциональными элементами: Беларусский инновационный фонд, научно-технологический парк; центр трансфера технологий; венчурная организация (рисунок 2).

Однако создать инновацию — это первый этап функционирования эффективной модели взаимодействия образования, науки и бизнеса. Одним из сложных этапов выступает внедрение и реализация инновационной продукции, возможность ее коммерциализации.

«Одним из главных рычагов коммерциализации научно-технических достижений и развития малого и среднего инновационного предпринимательства стала инновационная инфраструктура», — отметил председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь А. Г. Шумилин [8]. И данная тенденция по увеличению субъектов инновационной инфраструктуры в стране будет сохраняться с целью развития инновационного предпринимательства, активизации создания предприятиями продукции V, VI технологических укладов.

В Республике Беларусь совершенствуется институциональная платформа по созданию условий, способствующих эффективному развитию инновационного предпринимательства (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Основные нормативные правовые акты, регулирующие направление эффективной инновационной деятельности в Республике Беларусь

Название документа	Содержание
Указ Президента Республики Беларусь № 1 от 03.01.2007 «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры» [9]	Представлен категориальный аппарат. Сформирован алгоритм действий по регистрации юридических лиц в качестве субъектов инновационной инфраструктуры. Определена процедура приобретения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями статуса резидента технопарка
Указ Президента Республики Беларусь № 31 от 31.01.2017 «О Государственной программе инновационного	Направлен на достижение приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы в области эффективных инвестиций и ускоренного

Окончание таблицы 1

Название документа	Содержание
развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы» [10]	развития инновационных секторов экономики и является основным документом, обеспечивающим реализацию важнейших направлений государственной инновационной политики
Указ Президента Республики Беларусь № 357 от 07.08.2012 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов» [11]	Определены условия выделения денежных средств на реализацию инновационных проектов. Представлен порядок формирования, использования средств инновационных фондов. Выделены критерии финансирования инновационных проектов: уровень добавленной стоимости; экспортоориентированность; новизна продукции
Постановление Совета Министров Республики Беларусь 23.06.2012 № 574 «Перечень высокотехнологичных товаров Республики Беларусь» [12]	Представлен перечень высокотехнологичных товаров Республики Беларусь в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза

Основными проблемами в развитии инновационной инфраструктуры выступают:

1) организационные (дефицит свободных площадей для размещения резидентов — субъектов инновационной инфраструктуры, существенные издержки на закупку оборудования); 2) финансовые (существенные денежные затраты на функционирование технопарков, центров трансфера технологий); 3) трудовые (дефицит в исследователях, разработчиках, научном потенциале).

Основная роль в реализации концепции развития инновационного предпринимательства в стране отводится учреждениям образования, научным организациям, являющимся научно-исследовательской, материально-технической базой по созданию и внедрению инноваций в практику деятельности организаций. На базе университетов в Республике Беларусь создаются центры трансфера технологий, научно-технологические парки, отражающие эффективное взаимодействие между сферами образования, науки, бизнеса.

В текущем году в учреждении образования «Барановичский государственный университет» успешно стартовал практико-ориентированный проект «Проектный менеджмент», позволяющий учащимся школ готовить собственные и командные проекты под руководством преподавателей университета, тем самым определяя для себя приоритетные специальности для продолжения обучения в университете.

В университете работает «Бизнес-школа», «Академия молодого ученого», что позволяет учащимся школ целенаправленно готовиться к поступлению в университет по выбранной специальности, участвовать в научных мероприятиях, также успешно функционирует дошкольный образовательный центр «Университет для детей», который с раннего возраста (дети 3—6 лет) прививает детям понимание учебы в университете, выработать у родителей концепцию востребованности университетского образования, его качества.

В БарГУ реализуется проект «Синергия» по подготовке совместных научно-исследовательских проектов учащимися школ, студентами под руководством опытных преподавателей, что еще раз подтверждает целевую установку на осознанный выбор школьниками востребованной специальности.

Реализацию данных проектов координирует студенческий Бизнес-инкубатор, целью которого является развитие молодежных инновационных идей.

В целях оценки эффективности функционирования инновационной инфраструктуры в стране предлагается система индикаторов, основанных на расчете темпов изменения:

1. Темп изменения количества субъектов инновационной инфраструктуры (С).
2. Темп изменения количества резидентов инновационной инфраструктуры (Р).

3. Темп изменения объема произведенной продукции субъектами инновационной инфраструктуры (П).

Темпы изменения рассчитываются относительно значений исследуемых показателей в предыдущем периоде.

Исходя из сопоставления полученных значений показателей в процессе расчетов и единицы, определяется вектор динамики инновационной инфраструктуры: $C, P, П > 1$ — прогрессивный; $C, P, П = 1$ — стабильный; $C, P, П < 1$ — регрессивный.

Представим результаты расчетов (на основе данных официальной статистики) по системе предложенных показателей (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Результаты расчетов показателей вектора динамики инновационной инфраструктуры в Республике Беларусь за 2016—2018 годы

Показатель	2016	2017	2018 (январь— сентябрь)
Темп изменения количества субъектов инновационной инфраструктуры (С)	1,11	1,20	1,35
Темп изменения количества резидентов инновационной инфраструктуры (Р)	1,10	1,17	1,22
Темп изменения объема произведенной продукции субъектами инновационной инфраструктуры (П)	1,03	1,05	1,10

Заключение. Положительная динамика представленных показателей характеризует продуктивную работу в направлении развития инновационной инфраструктуры в стране, создания благоприятных условий для улучшения вектора динамики инновационного предпринимательства, роста инновационной, конкурентоспособной продукции.

Предложенная графическая модель взаимодействия организаций образования, науки, бизнеса с учетом интересов, условий со стороны системы органов государственной власти представляет логический механизм сотрудничества на основе извлечения взаимных выгод каждой функциональной компонентой синергетической цепи. Представленная система дополнительных показателей позволяет проводить оперативный мониторинг состояния и развития инновационной инфраструктуры в регионе, стране с возможностью принятия решений по реализации адаптационных механизмов по усилению исследуемых позиций.

Список цитируемых источников

1. Климук, В. В. Модернизационные концепты развития промышленности / В. В. Климук // Соціально-економічні проблеми і держава. — 2016. — № 2. — С. 51—58.
2. Чернова, О. А. Факторы и детерминанты инновационного развития национальной экономики в императивах индустриализации / О. А. Чернова, В. В. Климук // Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития : материалы III Междунар. политэкон. конгр. и VI Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону, 26—28 мая 2016 г. — Ростов н/Д, 2016. — Т. 1. — С. 169—177.
3. Каллас, М. С. Взаимодействие науки, образование и бизнеса как основа формирования инновационной среды в России / М. С. Каллас // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2011. — № 4 (16). — С. 185—191.
4. Гришанина, Е. Г. Проблемы координации взаимодействия образования, науки и бизнеса [Электронный ресурс] / Е. Г. Гришанина // Сайт Ин-та экономики Рос. акад. наук. — Режим доступа: https://inecon.org/docs/Grishakina_paper_20150203.pdf. — Дата доступа: 10.10.2018.

5. Alvarez, C. Gem research: achievements and challenges / C. Álvarez, D. Urbano, J. E. Amoros // *Small Business Economics*. — 2014. — №. 42. — Pp. 445—465.
6. *Andruseac, G.* Economic security — new approaches in the context of globalization / G. Andruseac // *CES Working Papers*. — Vol. VII, Issue 2. — 2015. — P. 232—240.
7. Лукашенко считает необходимым более эффективно соединить науку и производство [Электронный ресурс] // Сайт БелТА. — Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-schitaet-neobhodimym-bolee-effektivno-soedinit-nauku-i-proizvodstvo-280244-2017>. — Дата доступа: 11.10.2018.
8. «Шумилин о развитии технопарков в Беларуси, инновационных проектах и высокотехнологичных товарах» [Электронный ресурс] // Сайт БелТА. — Режим доступа: <http://www.belta.by/interview/view/shumilin-o-razvitiitehnoparkov-v-belarusi-innovatsionnyh-proektah-i-vysokotehnologichnyh-tovarah-5998>. — Дата доступа: 11.10.2018.
9. Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 янв. 2007 г. № 1 : с изм. и доп. от 12 марта 2018 г. № 105 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 13.03.2018. — 1/17592.
10. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 31 янв. 2017 г. № 31 : с изм. и доп. от 13 июня 2018 г. № 236 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 15.06.2018. — 1/17756.
11. О порядке формирования и использования средств инновационных фондов : Указ Президента Респ. Беларусь от 7 авг. 2012 г. № 357 : с изм. и доп. от 18 июня 2018 г. № 240 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 20.06.2018. — 1/17760.
12. Об утверждении перечня высокотехнологичных товаров Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 июня 2012 г. № 574 : с изм. и доп. от 10 нояб. 2017 г. № 839 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 14.11.2017. — 5/44394.

Поступила в редакцию 16.11.2018

УДК 330.1

В. В. Климук¹, Г. Я. Житкевич², В. Н. Познякевич³,

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, ¹+375 (163) 66 53 64, klimuk-vv@yandex.ru, ²+375 (29) 719 51 50, acnt.barsu@mail.ru, ³+375 (29) 792 42 86, victory2310@mail.ru

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Исследуются проблемные вопросы в практике волонтерского движения. На примере деятельности поисково-спасательного отряда «Ангел» сделана попытка дать оценку ее социального эффекта на региональном уровне. Обосновывается необходимость комплексного изучения волонтерского движения с точки зрения как социального эффекта, так и экономической эффективности.

Ключевые слова: волонтерство; развитие волонтерского движения; социальный эффект.

Табл. 1. Библиогр.: 10 назв.

V. V. Klimuk¹, G. Ya. Zhitkevich², V. N. Poznyakevich³

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, ¹+375 (163) 66 53 64, klimuk-vv@yandex.ru, ²+375 (29) 719 51 50, acnt.barsu@mail.ru, ³+375 (29) 792 42 86, victory2310@mail.ru

VOLUNTEERING: FROM THEORY TO PRACTICE (REGIONAL ASPECT)

The problematic issues in the practice of volunteer movement are investigated.

Using the example of the activities of the search and rescue squad “Angel”, an attempt to evaluate its social effect at the regional level was made. The necessity of a comprehensive study of the volunteer movement, both from the point of view of its social effect and economic efficiency, is substantiated.

Key words: volunteering; development of the volunteer movement; social effect.

Table. 1. Ref.: 10 titles.

Введение. В процессе исследования волонтерской деятельности, к сожалению, следует констатировать, что в Республике Беларусь отсутствует статистическая информация о волонтерском движении на сайте Национального статистического комитета. Исследователи в Беларуси отмечают, что численность волонтеров определяют в основном по членству в общественных объединениях волонтеров или по числу участников волонтерских проектов [1, с. 5]. При этом ставится задача формирования централизованной системы статистического учета. Вместе с тем Модельный закон «О добровольчестве (волонтерстве)», принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16.04.2015 № 42-15 (далее — Модельный закон «О добровольчестве (волонтерстве)») предусматривает внедрение системы бухгалтерского учета [2].

В связи с этим ранее авторы в своих публикациях по данной проблематике делали ряд предложений по совершенствованию процесса сбора информации о волонтерстве и предлагали, прежде всего, ввести статистический учет волонтерской деятельности [3—6], что позволило бы давать ей оценку с точки зрения как социального эффекта, так и экономической эффективности.

Методология и методы исследования. В статье ставится цель рассмотреть развитие волонтерского движения на региональном уровне с точки зрения социальной значимости, возможности определения социального эффекта.

Поскольку отсутствуют статистические данные о волонтерской деятельности в Республике Беларусь, авторы изучали на примере деятельности поисково-спасательного отряда «Ангел» данные социальной сети «ВКонтакте», материалы СМИ [7], официального сайта добровольного движения [8], научные и методические публикации по данной проблематике [1; 9; 10].

Организация исследования. Развитие волонтерского движения привлекает внимание общественности и органов государственной власти. Это зачастую становится известно из СМИ и социальных сетей. Так, опубликованная в Барановичской объединенной газете «Наш край» (учредители: Барановичские городской и районный исполкомы, городской и районный Совет депутатов) 1 августа 2018 года (№ 56) статья «Надежду дарит “Ангел”» [7] позволила нам, исследователям волонтерского движения, в рамках выполнения международного научного проекта совместно с Российской Федерацией («Феномен всплеска волонтерского движения как социальная инновация и фактор модернизации экономических отношений», БРФФИ-РГНФ-2017, № 17Р-072) задуматься над таким аспектом исследования, как параметры для оценки не только экономического, но и социального эффекта деятельности волонтеров. В процессе работы над проектом нами были рассмотрены следующие проблемные вопросы в деятельности волонтеров: нормативное правовое регулирование волонтерского движения; экономический эффект от волонтерской деятельности, отсутствие системного статистического учета; отсутствие координации этого движения в масштабах нашей страны; недостаточное ресурсное обеспечение волонтерской деятельности и др. [3—6]. Ознакомление с содержанием статьи «Надежду дарит “Ангел”» позволило убедиться в том, что обозначенные нами в ходе исследования проблемы характерны не только для макроуровня, но и для микроуровня.

Результаты исследования и их обсуждение. Позволим себе процитировать материалы публикации для подтверждения наших теоретических выводов. В статье «Надежду дарит “Ангел”» [7] речь шла о волонтерском поисково-спасательном отряде «Ангел», который занимается оказанием помощи в поиске пропавших людей [8]. «Движение зародилось в июне 2012 года в Минске по инициативе Сергея Ковгана. Изначально отряд создавался для поиска заблудившихся в лесу людей, а теперь волонтеры этого отряда занимаются поиском людей и в черте городов [7]. Давая характеристику Сергею Ковгану, корреспондент ограничился двумя качествами этого человека, — «редкий энтузиаст и альтруист с большой буквы». Сергей Ковган — инициатор первого в Республике Беларусь добровольного движения по оказанию помощи в поиске пропавших людей. Для объединения единомышленников «Ангел» создал в социальных сетях свою группу. В ней около 70 тысяч человек, которые потенциально готовы оказать отряду реальную помощь: от распространения информации в Интернете, расклеивания объявлений, распечатки ориентировок до розыска пропавших на местности. Сегодня «Ангел» объединяет около 150 волонтеров по всей стране. В отряде есть свой кинолог, водолаз, психолог, собственный офис, поисковый микроавтобус, укомплектованный всем необходимым оборудованием. Для постоянных волонтеров отряда не реже одного раза в год проводятся республиканские учения. Иногда в поисках пропавшего человека участвуют до 2 тысяч волонтеров. За 6 лет работы волонтеры «Ангела» разыскали уже около 600 человек. По инициативе Сергея Ковгана в крупных населенных пунктах Беларуси создаются филиалы «Ангела». В г. Барановичи также образовался филиал «Ангела», который возглавляет старший локомотивный диспетчер отдела перевозок Барановичского отделения Белорусской железной дороги Алексей Михайлович Жданович. Барановичский филиал «Ангела» также имеет свою группу в социальных сетях, насчитывающую 2 800 подписчиков. В списке дел барановичских «ангелов» за короткий период их деятельности около 20 поисково-спасательных операций в регионе. Обозначенные нами ранее в ходе исследования проблемы в развитии волонтерского движения в Беларуси могут быть экстраполированы на деятельность отдельно взятых волонтерских отрядов или инициатив. Мы это утверждаем на основе эмпирического подхода к исследованию волонтерского движения в регионе. Так, во время интервью координатор Барановичского регионального поисково-

спасательного отряда «Ангел» Алексей Жданович четко обозначил имеющиеся проблемы в их деятельности: 1) недостаток ресурсного обеспечения для поисковых работ (приборов ночного видения, дронов, квадрокоптеров и др.); 2) необходимость обучения волонтеров и поддержки волонтеров со стороны органов государственной власти и др. [7].

Детальная проработка материалов публикации и предметное рассмотрение разрабатываемой концепции изучения волонтерского движения позволили полностью убедиться в правильности сделанных нами теоретических выводов, которые сформулированы ранее в наших публикациях [3-6].

Научная проработанность, систематизация аспектов данной проблематики показывает, что задачи сбора, хранения и обработки данных остаются актуальными и должны решаться, если рассматривать потенциал волонтерства как ресурс, который надлежит использовать в полной мере в предстоящие годы. Задача заключается в сборе данных о размере, охвате и масштабе различных видов волонтерства в количественном выражении. Требуется совершенствовать процесс сбора данных, в том числе качественных, что позволяет выявить, каким образом волонтерство проявляется и реализуется на практике, тем более что наблюдается феномен всплеска волонтерской деятельности, появляются ее новые виды. Так, в Минске по инициативе Анастасии Новицкой в социальных сетях зарегистрирована волонтерская инициатива «Женщины вместе» для оказания помощи женщинам, имеющим новорожденных детей. Инициатива нашла свое распространение в областных городах, а зародилась она на основе народной традиции навещать женщин, родивших детей, т. е. «ходить в отведки». У молодых мам в больших городах иногда нет возможности оставить ребенка на короткий период для решения бытовых вопросов (посещение аптеки, магазина, поликлиники, др.).

В современных условиях, когда быстрыми темпами развиваются смарт и цифровые технологии, возникает уникальная возможность использования современных интернет-технологий и формирования различных массивов информации и видов отчетности на основе принципов функционирования современных «социальных сетей», официальных сайтов и порталов, публикаций в СМИ о волонтерских организациях.

В научных и методических публикациях по проблемам волонтерского движения нами были изучены параметры, по которым может быть оценен социальный эффект от деятельности волонтерских отрядов и отдельных волонтерских инициатив. Так, в частности, в публикации авторов Е. Н. Никитиной и А. В. Жильцова «Как оценить эффективность работы добровольческих объединений и добровольческих центров» изложены параметры для оценки социального эффекта деятельности добровольческих центров [9, с. 10]. Однако приведенные параметры вполне могут быть использованы для оценки деятельности волонтерских отрядов и отдельных волонтерских инициатив (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Оценка деятельности поисково-спасательного волонтерского отряда «Ангел» на основе параметров, разработанных Е. Н. Никитиной и А. В. Жильцовым [7; 8; 9]

Наименование параметра для оценки социального эффекта деятельности волонтерского отряда	Фактические данные о работе поисково-спасательного отряда «Ангел»	Источник информации
Количество добровольцев и получателей услуг, вовлечённых в работу организации	– Численность волонтеров отряда в Республике Беларусь — 150 человек; – численность группы в социальных сетях — 70 тысяч человек; получатели услуг — 600 человек	– Социальные сети; – официальный сайт добровольного движения; – публикации в СМИ;
Количество и качество создаваемых организацией социальных продуктов (например, методических материалов, залов для занятий, пайков для бездомных и т. д.), с указанием новизны и уникальности продукта, если таковые присутствуют	– Изначально — поиск заблудившихся в лесу людей; – в настоящее время — поиск пропавших людей	– научные и методические публикации

Окончание таблицы 1

Наименование параметра для оценки социального эффекта деятельности волонтерского отряда	Фактические данные о работе поисково-спасательного отряда «Ангел»	Источник информации
Перечень и количество услуг, производимых волонтерами	– Поиск заблудившихся в лесу людей; поиск пропавших людей; – разыскано около 600 человек	
Снижение остроты социальных проблем, над решением которых работает организация	Преодоление пассивного отношения к гражданским процессам среди населения	
Характер выпускаемых СМИ статей, публикаций, эфиров и т. д., имеющих отношение к деятельности организации	– Публикации в местных СМИ; – трансляция фильма о деятельности отряда «Ангел» («Дай мне знак», режиссёр Кирилл Власенко)	
Количество трансляций опыта организации другими организациями и инициативными группами («подхватывают» ли другие деятельность, ведущуюся организацией, обращаются ли к опыту организации)	Отделения в областных и крупных городах (г. Барановичи, отряд — 15 человек, подхватывают движение 70 тысяч человек; зарегистрированы в социальных сетях, в том числе в г. Барановичи и регионе, — 2 800 человек)	
Система и характер взаимодействия организации с другими институтами (органами власти, бизнесом, муниципальными и государственными учреждениями, СМИ)	– Позиционирование деятельности отряда «Ангел» в исполкомах; – сотрудничество с отделами внутренних дел исполкомов	

Нам импонирует выбор методов оценки социального эффекта деятельности организации, предложенных авторами Е. Н. Никитиной и А. В. Жильцовым: наблюдение; интервью и опросы; фокус-группы; метод экспертных оценок; анализ открытых источников и др. [9, с. 30—33]. Так, например, метод «анализ открытых источников» основан на сборе и последующем качественном анализе публикаций, эфиров и трансляций в СМИ, где упоминается организация, ее деятельность или сфера деятельности. При использовании данного метода обращается внимание не на то, как много пишут СМИ, а на то, что именно они пишут, — как отражают публикации суть деятельности, ее задачи и достижения, какие послания доносятся целевой аудитории СМИ.

По нашему мнению, средства массовой информации должны преследовать цель — создать позитивный образ белорусского волонтерского движения на национальном и региональном уровнях, сделать его узнаваемым, интересным, понятным для общества, а также предостеречь от «псевдоволонтерства». Весьма уместным и важным является создание творческих продуктов — брошюр, фильмов, научных публикаций, проектов и др.

Современные технологии технически позволяют переносить данные в информационное пространство Интернета, что может стать базой для развития принципиально нового вида учета, «где обмен данными, предназначенными для внешних пользователей, будет происходить таким же образом, каким сегодня осуществляется коммуникация между частными лицами во Всемирной паутине» [10].

Заключение. Детальная проработка социальных аспектов волонтерского движения позволит в будущем более обосновано выработать подходы к измерению его экономического эффекта. Оценка социального эффекта волонтерской деятельности на основе конкретных параметров (например, предложенных Е. Н. Никитиной и А. В. Жильцовым [9]) позволяет в дальнейшем перейти к показателям экономической эффективности данного вида деятельности. Именно поэтому важно вопросы оценки эффективности деятельности волонтерских движений, организаций, инициатив как на микроуровне, так и макроуровне рассматривать в комплексе, во взаимосвязке социального и экономического аспектов данной проблематики.

Возможности учета на основе данных социальных сетей, официальных сайтов волонтерских движений, публикаций в СМИ могут быть активно использованы для сбора данных, формирования сетевой отчетности о волонтерской деятельности по различным массивам данных, что позволит осуществлять статистический анализ и давать оценку ее эффективности.

Принятие соответствующего закона в Республике Беларусь на основе Модельного закона «О добровольчестве (волонтерстве)» [2] позволит решить многие проблемные вопросы волонтерской деятельности теоретического и практического характера.

Список цитируемых источников

1. Пахомова, А. А. Волонтерская деятельность молодежи в Республике Беларусь (социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01 / А. А. Пахомова ; БГУ. — Минск, 2014. — 23 с.
2. Модельный закон «О добровольчестве (волонтерстве)» : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16.04.2015 № 42-15 [Электронный ресурс] // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи СНГ. — № 63. — Режим доступа: http://iacis.ru/upload/iblock/5be/inf63_i_ii.pdf. — Дата доступа: 31.08.2018.
3. Житкевич, Г. Я. Волонтерская деятельность как новый объект учета и анализа / Г. Я. Житкевич, В. Н. Познякевич // Бух. учет и анализ. — 2018. — № 7 (259). — С. 43—49.
4. Биглова, Г. Ф. Феномен волонтерства как социальная инновация и его экономический эффект / Г. Ф. Биглова, Г. Я. Житкевич, В. Н. Познякевич // Вестник БарГУ. Сер. «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2017. — № 5. — С. 60—64.
5. Житкевич, Г. Я. Совершенствование учета волонтерской деятельности и ее экономический эффект / Г. Я. Житкевич, В. Н. Познякевич // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17 мая 2018 г.). — Минск : БГЭУ, 2018. — С. 162—163.
6. Житкевич, Г. Я. Волонтерское движение: учет и правовое регулирование / Г. Я. Житкевич, В. Н. Познякевич // Бухгалтерський облік, оподаткування, аналіз і аудит: сучасний стан, проблеми та перспективи розвитку : III Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Чернігів, 27 листоп. 2017 р.) : тези доповідей. — Чернігів : ЧНТУ. — 2017. — С. 58 — 60.
7. Ракитный, Н. Волонтерское движение. Надежу дарит «Ангел» / Н. Ракитный // Наш край. — 2018. — № 56. — С. 21.
8. Поисково-спасательный отряд «Ангел» (Search and Rescue squad “Angel”) [Электронный ресурс] // Официальный сайт добровольного движения по оказанию помощи в поиске без вести пропавших людей. ПСО «Ангел». — Режим доступа: <http://angel-search.by/node/41>. — Дата доступа: 31.08.2018.
9. Никитина, Е. Н. Как оценить эффективность работы добровольческих объединений и добровольческих центров. Практическая библиотечка координатора добровольцев : сб. метод. и практ. рекомендаций. Вып. 1 : в 25 ч. / Е. Н. Никитина, А. В. Жильцов ; под общ. ред. В. А. Лукьянова и С. Р. Михайлова. — СПб. : МультиПроджектСистемСервис, 2012. — Ч. 20. — 40 с.
10. Пятов, М. Л. Интернет-технологическая основа бухгалтерского учета и отчетности будущего / М. Л. Пятов // Бух. учет. — 2016. — № 5. — С. 48—52.

Работа была выполнена в рамках гранта БРФФИ—РФФИ № Г17Р-072 «Феномен всплеска волонтерского движения как социальная инновация и фактор модернизации экономических отношений».

Поступила в редакцию 29.10.2018

УДК 336.221

Н. Г. Кот

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Московская, 267, 225017 Брест,
Республика Беларусь, +375 (29) 728 26 45, kotofeika1981@mail.ru

ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье обосновано наличие связи между финансовым потенциалом предприятия и его платежеспособностью, что является актуальным явлением в современных условиях в экономике. Целью написания статьи выступает обоснование возможности применения анализа финансового потенциала субъекта хозяйствования посредством расчета интегрально-регулирующего показателя развития предприятия для определения его финансовых возможностей и перспектив. Методология проведения исследования состоит из определения уровня финансового потенциала предприятия, который служит основой для расчета интегрально-регулирующего показателя развития, определяющего вектор дальнейшего функционирования предприятия, который, с учетом законов научной диалектики может быть направлен как в сторону роста, так и в сторону снижения. Двухнаправленность интегрально-регулирующего показателя показывает, что для успешного функционирования предприятия не всегда необходимо наращивать показатели производственно-хозяйственной деятельности, как это принято в устойчивом развитии.

Ключевые слова: финансовый потенциал; интегрально-регулирующий показатель развития предприятия; корреляционно-регрессионный анализ; зона управляемости.

Рис. 2. Табл. 3. Библиогр.: 14 назв.

N. G. Kot

Brest State Technical University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 267 Moskovskaya str.,
224017 Brest, the Republic of Belarus, +375 (29) 728 26 45, kotofeika1981@mail.ru

FINANCIAL POTENTIAL AS AN INTEGRAL INDICATOR OF THE FUTURE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE

The article substantiates the existence of a link between the financial potential of the enterprise and its solvency, which is relevant in today's conditions in the economy. The purpose of this article is to substantiate the possibility of using the analysis of the financial potential of the business entity by calculating the integrated regulatory indicator of the enterprise development in order to determine its financial capabilities and prospects. The methodology of the study consists of determining of the level of the enterprise's financial potential, which serves as the basis for the calculation of the integrated regulatory development indicator. It determines the vector of further operation of the enterprise, which, taking into account the laws of scientific dialectics, can be directed both towards growth and decline. Bi-directional integrated regulatory indicator shows that for successful operation of the enterprise, it is not always necessary to increase indicators of production and economic activity, as it is customary in sustainable development.

Key words: financial potential; integral regulatory indicator of enterprise development; correlation and regression analysis; zone of control.

Table 3. Fig. 2. Ref.: 14 titles.

Введение. В современном мире интеграционных преобразований актуальной проблемой остается вопрос установления деловых отношений между хозяйствующими субъектами различных стран. Заключение бизнес-контрактов сопряжено с возникновением различного рода рисков, в том числе и рисков неплатежей. Для уменьшения данного вида риска, по мнению автора, в рамках интеграционных процессов стоит уделить внимание анализу и расчету финансового потенциала предприятия.

Методология и методы исследования. Целью настоящего исследования выступает диагностика финансового потенциала предприятия как динамически развивающегося субъекта рыночной экономики на основе корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ существующих подходов к определению «финансовый потенциал» выявил, что большинство авторов отождествляют данную категорию с финансовыми ресурсами, с возможностью финансовой системы к эффективному распределению финансовых ресурсов. Так, И. Г. Бритченко считает, что «финансовый потенциал — это объем собственных, заемных и привлеченных финансовых ресурсов предприятия, которыми оно может распоряжаться для осуществления текущих и перспективных затрат» [1]. Ученые-экономисты Ф. И. Евдокимов, О. В. Мизина отождествляют финансовый потенциал с возможностями финансовой системы к эффективному распределению финансовых ресурсов [2]. Финансовый и экономический потенциал, как отмечают В. Г. Быков, Ю. М. Ряснянский, находятся на одной иерархической ступени: «финансово-экономический потенциал — это функционально взаимосвязанная совокупность экономического и финансового потенциалов, которая обеспечивает максимально эффективную реализацию целей и направлений развития предприятия» [3; 4].

При этом экономический потенциал рассматривается как синтез ресурсного и производственного потенциалов. В свою очередь, в состав ресурсного потенциала включены трудовые, материальные и технико-технологические ресурсы.

Финансовый потенциал рассматривается как совокупность финансовых ресурсов, которые принимают участие в производственно-хозяйственной деятельности (собственный капитал, различного рода резервы, стоимость основного капитала, краткосрочных активов, устойчивые пассивы, амортизационные отчисления, величина краткосрочных и долгосрочных займов и кредитов, нераспределенная прибыль).

Следует отметить, что производственно-экономический потенциал представляет собой категорию, имеющую низкий показатель мобильности (высокий уровень закрепления), в отличие от него финансовый потенциал характеризуется высокой мобильностью.

Исследователь В. О. Кунцевич предлагает такое понятие, как «финансовый потенциал развития предприятия». — совокупность имеющихся финансовых ресурсов, возможностей системы по их привлечению и эффективному управлению для достижения тактических и стратегической цели предприятия [5].

В своих работах В. И. Плаксин и А. С. Полещук отмечают, что финансово-экономический потенциал предприятия нельзя рассматривать как простую сумму компонентов его составляющих, ибо в любой производственной системе «происходит» сложное взаимодействие составляющих потенциала системы. Кроме того, финансово-экономический потенциал предприятия ставится в зависимость не только от располагаемых ресурсов, но и от организации системы и влияния среды [6].

Для каждого предприятия важную роль играет его финансовый потенциал, который позволяет оценить эффективность использования имеющихся у него ресурсов и возможностей, способствует его росту и развитию. Финансовый потенциал, по мнению представленных выше авторов, является ресурсом, который может обеспечить развитие компании, гарантируя сохранение и упрочнение его рыночных позиций. Основываясь на данном подходе, финансовый потенциал предприятия рассматривается как ресурс развития и роста, имеющийся на конкретный момент времени. Финансовый потенциал включает собственные финансовые ресурсы, заемный капитал и интеллектуальный ресурс.

По мнению И. В. Барсеговой, финансовый потенциал можно подразделить на объективный и субъективный [7]. К объективному относятся ресурсы, которые участвуют в производственном процессе или могут быть реально вовлечены в него. Данная категория легко поддается измерению. Предприятия, имея в своем распоряжении какое-либо количество материальных, трудовых или иных ресурсов, не могут их использовать без финансового обеспечения. Финансовый потенциал позволяет извлечь максимально возможную эффективность от использования име-

ющихся ресурсов путем определения показателей рентабельности, материало- и фондоотдачи, оборачиваемости. К субъективному потенциалу относятся способность рядовых работников эффективно использовать имеющиеся ресурсы, а финансового персонала — эффективно выполнять свою работу и оптимально распределять существующие средства.

При этом в своей статье И. В. Барсегова акцентирует внимание на том, что основной составляющей финансового потенциала является совокупность собственных и привлеченных финансовых ресурсов, т. е. денежных средств, которые находятся в его распоряжении [7]. Оценив имеющиеся финансовые ресурсы, можно оценить финансовый потенциал предприятия.

В своей работе «Конкурентный потенциал предприятия: сущность, структура, методика оценки» Я. Ю. Салихова в состав финансового потенциала включает финансовые ресурсы и инвестиционные возможности [8]. Финансовые ресурсы представляют денежные доходы и поступления, находящиеся в распоряжении предприятия и предназначенные для выполнения финансовых обязательств перед государством, кредитной системой, поставщиками, страховыми органами, другими предприятиями и физическими лицами, работниками предприятия, и осуществления затрат на развитие хозяйственной деятельности. Финансовые ресурсы направляются также на содержание и развитие объектов непромышленной сферы, потребление, накопление, в специальные резервные фонды и др.

Финансовый потенциал промышленного предприятия П. А. Фомин рассматривает как отношения, возникающие на предприятии по поводу достижения максимально возможного финансового результата при условии: а) наличия собственного капитала, достаточного для выполнения условий ликвидности и финансовой устойчивости; б) возможности привлечения капитала, в объеме необходимом для реализации эффективных инвестиционных проектов; в) рентабельности вложенного капитала; г) наличия эффективной системы управления финансами, обеспечивающей прозрачность текущего и будущего финансового состояния [9].

Рассмотрим совокупность подходов к определению категории «финансовый потенциал» (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Совокупность подходов к определению «Финансовый потенциал»

Автор	Содержание определения
И. Г. Бритченко [1]	Объем собственных, заемных и привлеченных финансовых ресурсов предприятия, которыми оно может распоряжаться для осуществления текущих и перспективных затрат
Ф. И. Евдокимов, О. В. Мизина [2]	Возможности финансовой системы к эффективному распределению финансовых ресурсов
В. Г. Быкова [3], Ю. М. Ряснянский [3; 4]	Финансово-экономический потенциал — это функционально взаимосвязанная совокупность экономического и финансового потенциалов, которая обеспечивает максимально эффективную реализацию целей и направлений развития предприятия
В. О. Кунцевич [5]	Совокупность имеющихся финансовых ресурсов, возможностей системы по их привлечению и эффективному управлению для достижения тактических и стратегической цели предприятия
В. И. Плаксин, А. С. Полещук [6]	Ресурс развития и роста, имеющийся на конкретный момент времени
И. В. Барсегова [7]	Финансовый потенциал подразделяется на объективный и субъективный. Основа финансового потенциала — совокупность собственных и привлеченных финансовых ресурсов, т. е. денежных средств, которые находятся в его распоряжении
Я. Ю. Салихова [8]	Финансовые ресурсы и инвестиционные возможности
П. А. Фомин [9]	Отношения, возникающие на предприятии по поводу достижения максимально возможного финансового результата

По нашему мнению, трактовка термина «финансовый потенциал», данная П. А. Фоминым, дает более полное представление о сущности исследуемого понятия. Поскольку мы считаем, что финансовый потенциал представляет собой не только необходимую движущую силу, которая приводит в динамическое состояние предприятие (имеется в виду наличие источников финансирования), а также максимальные, но, в то же время, реальные возможности, которыми располагает хозяйствующий субъект в определенный момент времени при наиболее полном и наилучшем использовании имеющихся у него всех ресурсов и средств. Следовательно, финансовый потенциал является «фундаментом», на котором строится деятельность предприятия. Финансовый потенциал опосредует все этапы функционирования субъекта хозяйствования, начиная от момента создания (формирование уставного капитала) и заканчивая достижением цели деятельности организации (получение прибыли). Поэтому, мы считаем, что финансовый потенциал не может выступать в качестве составляющей экономического потенциала предприятия, его следует рассматривать как выражение последнего, имеющее оценку (величину).

С одной стороны, финансовый потенциал предприятия характеризует достигнутый уровень накопления или использования ресурсов, с другой — достигнутый уровень выступает возможностью перспективной деятельности.

Для осуществления предпринимательской идеи предприниматель должен организовать производство скрытым от конкурентов и других пользователей образом, для осуществления созидательного разрушения действующей части производства и замены его новыми предпринимательскими возможностями. Уровень скрытой возможности при реализации предпринимательской идеи возможно определить с помощью показателя финансового потенциала.

Большинство авторов, исследующих финансовый потенциал на уровне предприятий, считают, что это комплексное явление и его следует оценивать через характеристики финансового состояния.

Оценка финансового потенциала может быть представлена в виде обособленного элемента, зависящего от дальнейшего функционирования предприятия и определяющего направления его развития. Финансовый потенциал должен представлять только предпринимателю, но не другим лицам, сложные взаимосвязи на предприятии в доступном виде, обеспечивать прозрачность всех происходящих процессов для поддержания финансовой стабильности. Кроме этого, финансовый потенциал включает цепочку взаимосвязей и взаимозависимостей между денежными потоками, ресурсами, производством, как составляющими компонентами экономического потенциала, и скрытыми возможностями или угрозами дальнейшего функционирования.

Финансовый потенциал выполняет своего рода системную функцию, которая заключается в агрегировании как доступной для всех информации, так и скрытой, известной только одному предпринимателю. При этом посредством финансового потенциала происходит определение скрытой предпринимательской возможности на основании общедоступной информации, представленной в отчетности. Финансовый потенциал позволяет рассмотреть предприятие как целостную систему: используемый в расчетах уровень экономического потенциала подчиняется законам максимизации экономического роста, а уровень финансового потенциала — системе предельных величин. Именно финансовый потенциал позволяет определить максимально допустимый, предельный уровень скрытой предпринимательской возможности предприятия на основе временных функций прошлого, настоящего и будущего состояния хозяйствующего субъекта.

Финансовый потенциал служит платформой, на которой вырастает последовательность скрытых управленческих действий и решений, и тем самым создается динамический потенциал кругооборота в целом. Часть компонентов экономического потенциала отображается в составе финансового потенциала в виде скрытых возможностей, которые при определенном уровне накопления, совершив кругооборот, увеличат экономический потенциал.

В отличие от экономического потенциала, при расчете финансового потенциала в абсолютном измерении возникает проблема прозрачности, которую нельзя свести к административным

требованиям правильной и честной отчетности бизнеса, она является системным свойством предприятия. В силу этого финансовый потенциал выступает относительным показателем, уровень которого задается каждым предыдущим потенциалом в системе экономического потенциала.

Экономический потенциал определяет величину фактических возможностей предприятия в динамическом развитии и вычисляется по формуле

$$EP = \Delta\alpha \cdot \Sigma\alpha + \Delta\beta \cdot \Sigma\beta + \Delta\gamma \cdot \Sigma\gamma,$$

где EP — уровень экономического потенциала предприятия;

$\Delta\alpha$ — цепной темп изменения параметра α ;

α — параметр, определяющий соотношение между производительностью труда и средним уровнем заработной платы;

$\Delta\beta$ — цепной темп изменения параметра β ;

β — фондоотдача основных средств;

$\Delta\gamma$ — цепной темп изменения параметра δ ;

γ — затратноотдача.

Для того чтобы оценить критерий эффективности рассчитанного экономического потенциала, его необходимо сопоставить с финансовым потенциалом. Посредством расчета показателя финансового потенциала определяется наличие финансовых возможностей предприятия в используемом на предприятии экономическом потенциале:

$$FP = \frac{EP}{(EP - \Sigma\alpha) + (EP - \Sigma\beta) + (EP - \Sigma\gamma)}, \quad (1)$$

где FP — финансовый потенциал.

Рассчитанный по формуле (1) показатель финансового потенциала определяет уровень использования финансовых возможностей предприятия за рассчитанный диапазон. Таким образом, финансовый потенциал является относительным выражением сложившегося уровня экономического потенциала на предприятии как динамически развивающейся системы. Финансовый потенциал характеризует величину финансовых возможностей предприятия, которые, совершив кругооборот, способствуют увеличению величины экономического потенциала хозяйствующего субъекта.

Для того чтобы оценить эффективность использования экономического потенциала на предприятии на основании рассчитанного показателя финансового потенциала, его необходимо сопоставить с зонами управляемости (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Классификация зон управляемости (по [10])

Критерий зоны управляемости	Наименование зоны управляемости	
80—100%	Зона естественных отклонений	Зона устойчивого развития
60—80%	Зона стабилизации	Зона устойчивости
40—60%	Зона санации	
20—40%	Зона реструктуризации	Зона неустойчивости
0—20%	Зона банкротства	

Значение показателя финансового потенциала, соответствующее той или иной зоне управляемости, позволяет определить стартовую точку для достижения максимально эффективного состояния в процессах управления экономическим потенциалом. Поскольку максимально эффективным состоянием для каждого предприятия выступает его устойчивое развитие,

тогда и показатель, определяющий финансовый потенциал, должен соответствовать заданному направлению, в силу чего мы считаем уместным назвать данный показатель как интегрально-регулирующий показатель развития предприятия.

Для определения уровня и направления дальнейшего развития деятельности предприятия предлагается определить интегрально-регулирующий показатель развития предприятия I_{sd} посредством уравнения регрессии, отражающего зависимость финансового потенциала от производительности труда, среднегодового уровня заработной платы, фондоотдачи и затратоотдачи. Интегрально-регулирующий показатель развития предприятия определяется индивидуально для каждого предприятия.

Для выведения формулы, на основании которой будет рассчитан интегрально-регулирующий показатель развития предприятия, изначально необходимо провести вспомогательный расчет (таблица 3).

Т а б л и ц а 3. — Вспомогательный расчет для определения уравнения регрессии

Период	FP	$EP - \alpha$	$EP - \beta$	$EP - \gamma$	$\Sigma (EP - \alpha) + (EP - \beta) + (EP - \gamma)$
1	$\frac{EP}{\Sigma 1} \cdot 100$	$EP - \alpha 1$	$EP - \beta 1$	$EP - \gamma 1$	$\Sigma 1$
2	$\frac{EP}{\Sigma 2} \cdot 100$	$EP - \alpha 2$	$EP - \beta 2$	$EP - \gamma 2$	$\Sigma 2$
3	$\frac{EP}{\Sigma 3} \cdot 100$	$EP - \alpha 3$	$EP - \beta 3$	$EP - \gamma 3$	$\Sigma 3$
4	$\frac{EP}{\Sigma 4} \cdot 100$	$EP - \alpha 4$	$EP - \beta 4$	$EP - \gamma 4$	$\Sigma 4$
5	$\frac{EP}{\Sigma 5} \cdot 100$	$EP - \alpha 5$	$EP - \beta 5$	$EP - \gamma 5$	$\Sigma 5$

Формула регрессионной зависимости возвращает параметры линейного приближения по методу наименьших квадратов [11—14]. Уравнение регрессии зависимости финансового потенциала от 4 накопительных параметров (производительность труда, средний уровень заработной платы, фондоотдача и затратоотдача) представлено в следующем виде:

$$I_{sd} = X \pm Y \cdot \alpha \pm Z \cdot \beta \pm W \cdot \gamma,$$

где X, Y, Z, W — цифровые значения, рассчитанные с помощью функции линейного приближения.

Подставив показатели α, β, γ на конкретную дату в формулу регрессионной зависимости, определим интегрально-регулирующий показатель устойчивого развития предприятия.

Таким образом, построенная нами регрессионная модель, а также фактические значения накопительных параметров позволяют спрогнозировать возможность и направления дальнейшего использования финансового потенциала предприятия на конкретную дату, своего рода предельное приращение накопительных показателей предприятия при проведении эффективной политики управления. Предельное приращение финансового потенциала, т. е. направление дальнейшего развития, которое с учетом научной диалектики может быть как положительное (в сторону роста), так и отрицательное (в сторону сворачивания деятельности), определяется по формуле

$$\Delta FP = I_{sd} - FP,$$

где ΔFP — направление дальнейшего развития, финансовых возможностей.

В случае получения положительной величины на предприятии имеется потенциал развития, в противоположном случае — руководству предприятия следует предпринять серьезные меры

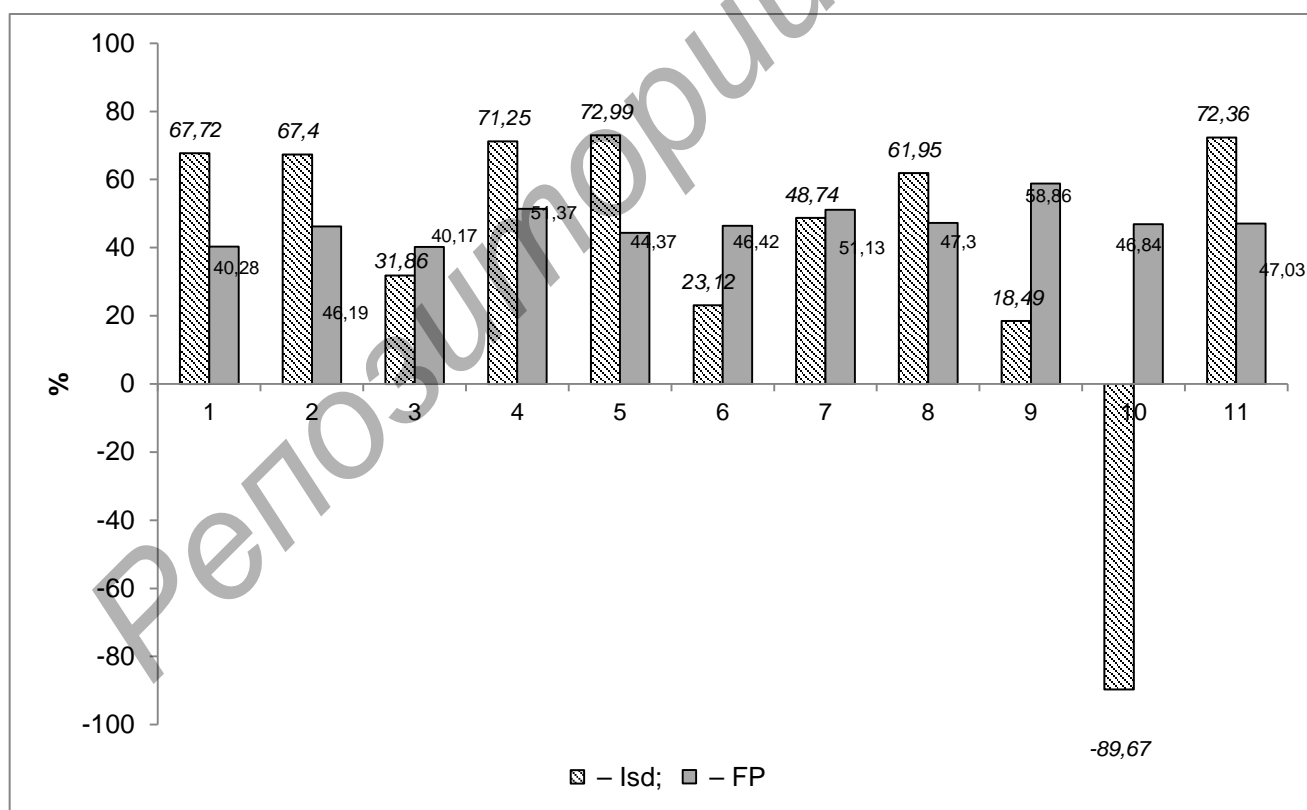
к экономическим переменам без трансформации или диверсификации деятельности существующего субъекта хозяйствования.

Апробация разработанной методики по оценке экономического потенциала предприятия и вектора дальнейшего развития субъекта хозяйствования посредством интегрально регулирующего показателя устойчивого развития предприятия осуществлена на предприятиях малого и среднего бизнеса Брестской области.

Проведенный анализ показал, что предприятия малого и среднего бизнеса Брестской области используют имеющийся экономический потенциал на уровне 40—50% (рисунок 1).

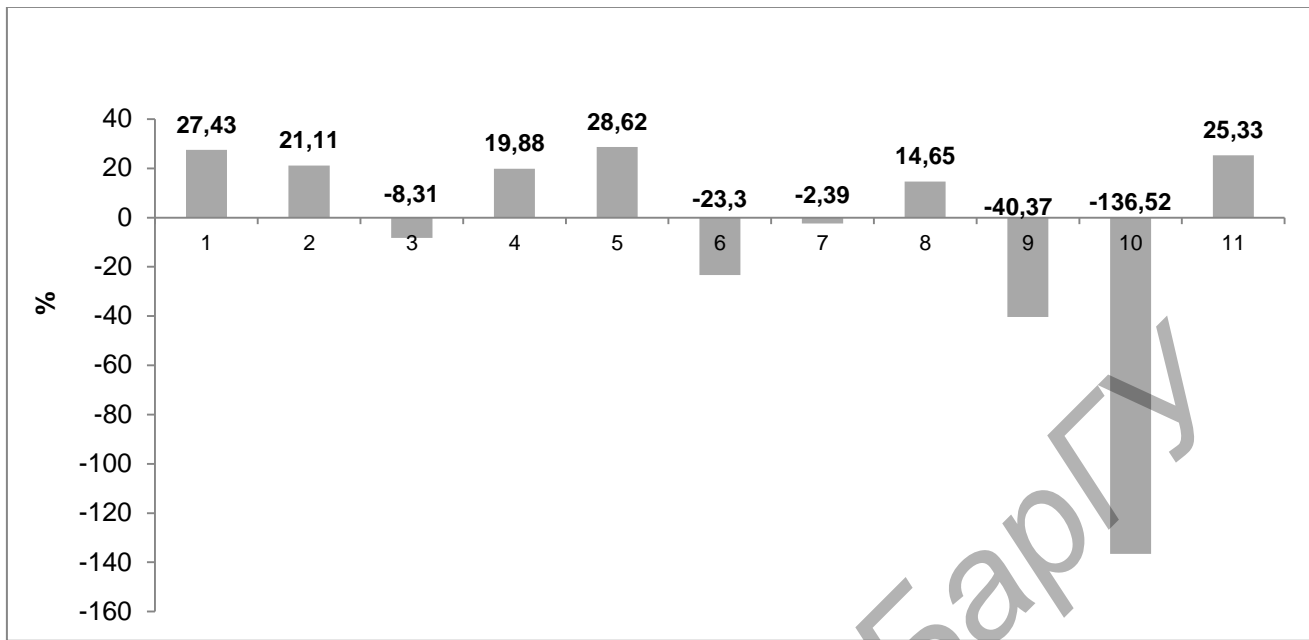
Рассчитанный интегрально-регулирующий показатель устойчивого развития для предприятий малого и среднего бизнеса свидетельствует о наличии возможностей для дальнейшего функционирования и развития у большинства исследуемых предприятий (I_{sd} больше FP).

На отдельных предприятиях отсутствует финансовый потенциал дальнейшего развития (рисунок 2). Рассчитанная величина вектора дальнейшего развития, которая имеет отрицательное значение, свидетельствует об отсутствии возможности наращивания своих показателей для достижения зоны устойчивого развития (данные предприятия не в состоянии увеличить свой финансовый потенциал). Сложившийся уровень финансового потенциала за анализируемый период для данных предприятий указывает на то, что данная величина является максимальной характеристикой финансовых возможностей предприятий, увеличение которой в дальнейшем без кардинальных изменений осуществить невозможно.

1 — ФХ «Беркли»; 2 — филиал № 5 ОАО «Белсвязь»; 3 — ОАО «Атлантика Паблшер»; 4 — ЗАО «Бреминс»; 5 — ЧМУП «АлВиЗа»; 6 — ЧМУП «ВестДентМастер»; 7 — ЧСУП «Мистер Дент»; 8 — ООО «ИвелтаПлюс»; 9 — ЧПУП «АрмКрафтМеталл»; 10 — ЧПУП «Автобазис»; 11 — ООО «Элма»

Рисунок 1. — Уровень I_{sd} и FP субъектов малого и среднего бизнеса Брестской области

1 — ФХ «Беркли»; 2 — филиал № 5 ОАО «Белсвязь»; 3 — ОАО «Атлантика Паблшер»; 4 — ЗАО «Бреминс»; 5 — ЧМУП «АлВиЗа»; 6 — ЧМУП «ВестДентМастер»; 7 — ЧСУП «Мистер Дент»; 8 — ООО «ИвелтаПлюс»; 9 — ЧПУП «АрмКрафтМеталл»; 10 — ЧПУП «Автобазис»; 11 — ООО «Элма»

Рисунок 2. — Направление дальнейшего развития предприятий малого и среднего бизнеса Брестского региона

Предложенную линейную модель по вычислению интегрально-регулирующего показателя устойчивого развития, определяющего направление дальнейшего развития, можно считать адекватной, поскольку $F_{расч.} > F_{табл.} = F_{0,04}$; 3; 7 со степенью свободы 3 и 7 при уровне значимости 96%. Проведенный расчет отклоняет гипотезу о случайной природе зависимости между оцениваемыми характеристиками и подтверждает статистическую зависимость и надежность модели.

Заключение. Оценка финансового потенциала хозяйствующего субъекта посредством расчета интегрально-регулирующего показателя развития предприятия позволит определить его дальнейшее направление развития. Чем больше будет цифровое значение направления дальнейшего развития, тем перспективнее финансовые возможности анализируемого предприятия, а вероятность погашения текущей задолженности высока. Следовательно, с помощью диагностики финансового потенциала предприятия можно диагностировать риски невозврата долгов и неплатежей, что в условиях интеграционных преобразований является достаточно актуальным и распространенным явлением.

Список цитируемых источников

1. Бритченко, І. Г. Управління потенціалом підприємства : конспект лекцій / І. Г. Бритченко. — Донецьк : ДрнГУЕТ, 2005. — 112 с.
2. Евдокимов, Ф. И. Дослідження категорії «економічний потенціал промислового підприємства» / Ф. И. Евдокимов, О. В. Мизина // Науч. тр. Донец. нац. техн. ун-та. Сер. Экономика. — 2004. — № 75. — С. 54—59.
3. Быков, В. Г. Оценка и планирование финансово-экономического потенциала предприятий общегосударственного значения : автореф. дис. ... канд. экон. наук / В. Г. Быков. — М., 2006. — 20 с.
4. Быков, В. Г. Финансово-экономический потенциал предприятий общегосударственного значения — оценка и управление / В. Г. Быков, Ю. М. Ряснянский // Финансы Украины. — № 6. — С. 56— 61.

5. Кунцевич, В. О. Поняття фінансового потенціалу розвитку підприємства та його оцінки / В. О. Кунцевич // Актуальні проблеми економіки. — 2004. — № 7 (37). — С. 123—130.
6. Полещук, И. И. Финансовый потенциал Беларуси: его оценка и использование / И. И. Полещук // Белорус. экон. журн. — 2013. — № 3. — С. 87—97.
7. Барсегова, И. В. Финансовый потенциал для коммерческого сектора / И. В. Барсегова // Экон. журн. — М. : Изд-во Ипполитова, 2011. — С. 51—57.
8. Салихова, Я. Ю. Конкурентный потенциал предприятия: сущность, структура, методика оценки / Я. Ю. Салихова. — СПб. : СПбГУЭФ, 2011. — 412 с.
9. Фомин, П. А. Особенности оценки производственного и финансового потенциала промышленных предприятий / П. А. Фомин, М. К. Старовойтов. — М. : Изд-во РАГС, 2007. — С. 29—42.
10. Высоцкий, О. А. Теория измерения управляемости хозяйственной деятельностью предприятий / О. А. Высоцкий ; под науч. ред. Р. С. Седегова. — Минск : Право и экономика, 2004. — 396 с.
11. Марченко, В. М. Эконометрика и экономико-математические методы и модели. 2 ч. / В. М. Марченко, Н. П. Можей, Е. А. Шинкевич. — Минск : БГТУ, 2011. — Ч. 1 : Эконометрика. — 157 с.
12. Корн, Г. Справочник по математике для научных работников и инженеров / Г. Корн, Т. Корн. — М. : Изд-во МГУ, 1970. — 720 с.
13. Пелих, А. С. Экономико-математические методы и модели в управлении производством / А. С. Пелих, Л. Л. Терехов, Л. А. Терехова. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. — 248 с.
14. Орлова, И. В. Экономико-математические методы и модели: компьютерное моделирование / И. В. Орлова, В. А. Половников. — М. : ИНФРА-М, 2013. — 389 с.

Поступила в редакцию 15.03.2018

УДК 334.021(476+4/5)

Д. Н. Лептюк¹, Ю. Д. Масько², Д. И. Лепешев³

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375
(152) 73 19 00, ¹leptyuk.d@gmail.com, ²ulkamasko@mail.ru, ³+375 (152) 73 19 00

НАПРАВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В работе рассматриваются перспективные направления и возможные сферы сотрудничества Республики Беларусь со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) на примере таких стран, как Корея, Япония, Вьетнам и Китай. В данной статье проведен анализ международного сотрудничества Республики Беларусь с КНР, Вьетнамом, США и Японией, который позволил выявить благоприятствующие факторы двустороннего сотрудничества, среди которых: заинтересованность в научно-техническом развитии; стабильность политической системы рассмотренных стран; открытость стран для расширения политических, торговых и культурных соглашений. Также анализ позволил выявить факторы, препятствующие развитию международных экономических отношений с этими странами: отсутствие последовательности в политике правительства в отношении постсоветского пространства, незнание или поверхностное представление о политической системе и экономических возможностях соответствующих государств; визовые барьеры, расстояние и дороговизна сообщения и доставки продукции; построение экономической модели на приоритете закупки не товаров, а передовых иностранных технологий и совпадение экспортной структуры Республики Беларусь и стран АТР по многим параметрам.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР); всемирная торговля; мировое производство; двустороннее экономическое сотрудничество; экспорт; импорт; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС).

Библиогр.: 6 назв.

D. N. Leptyuk¹, Yu. D. Masko², D. I. Lepeshev³

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
22 Ozhesko str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (152) 73 19 00,
¹leptyuk.d@gmail.com, ²ulkamasko@mail.ru, ³+375 (152) 73 19 00

DIRECTIONS AND POSSIBILITIES OF ECONOMIC COOPERATION OF BELARUS WITH THE COUNTRIES IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The article describes promising areas and possible spheres of cooperation of the Republic of Belarus with the Asia-Pacific countries on the example of such countries as: Korea, Japan, Vietnam and China. The international cooperation of the Republic of Belarus with China, Vietnam, the United States and Japan has been analysed. Favorable factors of bilateral cooperation such as interest in scientific or technological development, stability of the political system, openness of the countries for the expansion of political, trade and cultural agreements have been identified. The factors that hinder the development of international economic relations with these countries include the lack of consistency in the government policy towards the post-Soviet space, lack of knowledge or superficial understanding of the political system and economic opportunities of the those states; visa barriers, distance and high cost of communication and delivery of products; building an economic model based on the priority of purchasing of advanced foreign technologies rather than goods; and the coincidence of the export structure of the Republic of Belarus and the Asia-Pacific countries in many respects.

Key words: Asia-Pacific region (APR); world trade; world production; bilateral economic cooperation; export; import; Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC).

Ref.: 6 titles.

Введение. Работа посвящена рассмотрению стран АТР, их моделей развития, а также перспективам сотрудничества с Республикой Беларусь. Актуальность темы исследования заключается в том, что АТР имеет весомое значение в экономическом, политическом, научно-техническом и прочих аспектах. Данный регион выходит на первое место в мире, если рассматривать глубину

геополитических процессов и политическое влияние на международное сотрудничество. Об актуальности изучения данной темы свидетельствует изложение темы в работах отечественных и зарубежных авторов, популярность данной темы в научных публицистических изданиях, внимание средств массовой информации к экономическим, интеграционным и политическим процессам в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На современном этапе АТР является одной из наиболее динамично развивающихся зон мировой деловой активности. Значимость АТР на сегодня оценивается, в первую очередь, по его вкладу в мировую экономику. Определенное влияние на это оказывает и то, что в данном регионе расположены три мощные экономические державы — Япония, Китай и США. Но также нельзя не заметить, что в АТР в 1970-е годы на международном рынке заявили о себе четыре азиатских «дракона» — Гонконг, Тайвань, Сингапур и Республика Корея, а в 1980-е к ним присоединились еще и новые «тигры» — Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины. Дж. Буш-старший, будучи президентом, утверждал, что АТР стал «динамо-машиной мировой экономики». Сейчас данный регион удерживает лидирующие позиции в темпах экономического роста, а также во внедрении технологий наукоемких производств. Если еще в 1960 году в доле мирового производства на страны АТР приходилось лишь 12%, то уже в 1990 году — 26%, а, по некоторым экономическим оценкам, к 2020-му году эта цифра может составить 50%. Согласно одному из прогнозов, составленному в США, на ближайшие десятилетия все крупнейшие экономики мира будут находиться в АТР, и доказывает это тот факт, что на данный момент большинство экономически развитых стран находятся в АТР. Согласно многим прогнозам, на первое место по объему ВВП выйдет Китай (20,0 трлн дол. США), второе же место займет США (13,5 трлн дол.), третье — Япония (5,0 трлн дол.), четвертое — Индия (4,8 трлн дол.), пятое — Индонезия (4,2 трлн дол.), шестое — Южная Корея (3,4 трлн дол.) и седьмое — Таиланд (2,4 трлн дол. США). Даже если общемировые темпы роста экономики снизятся, то лидерство в динамике развития сохранится за АТР.

Учитывая факт, что ныне «70% доходов от растущей всемирной торговли идет в основные индустриальные страны» [1, с. 58], где отечественным производителям сложно конкурировать с зарубежными по различным причинам (в том числе сугубо политического свойства), для надежного обеспечения собственного устойчивого развития Республике Беларусь необходимо активнее осваивать постсоветское пространство и развивающиеся азиатские рынки. Промедление либо формализм в разработке и реализации более динамичной внешней политики в указанном регионе не просто контрпродуктивны, но и опасны для устойчивого развития Беларуси, поскольку на данном этапе «непопадание в такт азиатской динамики, в том числе — интеграционной, чревато для нашей страны будущими проблемами» [2].

Методология и методы исследования. Для написания данной работы были использованы анализ и синтез, системный подход, экономико-статистические методы, сравнительный анализ. Информационную базу исследования составляют учебные пособия и специальная литература, справочные материалы, труды зарубежных авторов (В. А. Андрианов [1], М. А. Потапов [3], О. А. Добринская [4]).

Результаты исследования и их обсуждение. Если рассматривать белорусско-японское сотрудничество, то нельзя не заметить, что японцы как нация действуют на основе своего предыдущего опыта, а не путем абстрактных действий и решений. Японцы в первую очередь принимают те идеи, которые имеют практическую ценность для их общества, это вытекает из японского практицизма и сугубо утилитарных подходов. Примером подобных качеств японцев в белорусско-японском сотрудничестве может стать положительный опыт двустороннего сотрудничества стран в проектах по преодолению последствий аварии на Чернобыльской АЭС, по оздоровлению белорусских детей и оказанию гуманитарной помощи. Это определенно создает благоприятный психологический климат и доверие между Республикой Беларусь и Японией [3].

Способствующим двустороннему сотрудничеству также может стать социально-политический фактор, который находит отражение в гармоничном сочетании национальных, традиционных ценностей с западными инновациями. Следует отметить, что подобное весьма необычно и несвойственно для глобализирующегося мира. Итогом подобного симбиоза, хотя и косвенным, является то, что на современном этапе в Японии действует около 800 тыс. предприятий общественного питания, 1,5 млн фирм сети услуг и около 1,5 млн магазинов общественного питания, в данном секторе японской экономики количество занятых превышает 60%.

В Республике Беларусь, как и в Японии, все более престижной и быстро развивающейся становится деятельность по развитию и освоению новых технологий, а соответственно, и совершенствование сферы услуг, «интеллектуализация» хозяйства и, как следствие этого, — повышение экономической самостоятельности регионов и их устойчивое и сбалансированное развитие. К тому же в современном мире довольно распространённой становится «софтизация» экономики, под которой понимают переход к интеллектуальной экономике, где главный товар — это идея. Исходя из этого, можно сделать вывод, что довольно перспективным и интересным будет развитие сферы электронной торговли между Республикой Беларусь и Японией [4].

Огромным препятствием для сотрудничества между Японией и Республикой Беларусь становится географическая удаленность стран. Последствием этого является дороговизна транспортной перевозки товаров между странами. Выходом из данной ситуации может стать перенесение акцента на совместную разработку новых технологий, — это довольно перспективно как с экономической, так и с политической точки зрения.

Рассмотрим сотрудничество Республики Беларусь и Республики Корея. У этих двух стран достаточно много сходных черт в сфере экономики: достаточно малое количество природных ресурсов; ориентированность на промышленность; приоритет в развитии высоких технологий и др.

Существуют определенные факторы, благоприятствующие двустороннему экономическому сотрудничеству стран: 1) корейской экономике присущи такие характеристики, как прагматизм и экономическая выгода, которые существенно преобладают над политическими соображениями; 2) государство достаточно сильно вовлечено в экономику, что выражается в планировании экономического развития, жестком государственном регулировании, а также выходе прямых законов касательно экономики; 3) надлежащая управляемость в реализации определенных проектов, так как в политической системе более сильный акцент сделан на исполнительной власти — президенте и правительстве.

Каким бы перспективным не выглядело белорусско-корейское сотрудничество существует ряд причин, затрудняющих его. Самыми весомыми из них являются: 1) отсутствие со стороны Республики Беларусь гарантий правительственного контроля и поддержки в реализации определенных проектов, что указывает на отсутствие позиционированной на высоком уровне заинтересованности в экономическом сотрудничестве с Республикой Кореей; 2) географическая удаленность стран, а как следствие дороговизна сообщения и доставки продукции; 3) частичное совпадение экспортной структуры Республики Корея и Республики Беларусь, а также сосредоточенность обеих стран «вовнутрь» страны, т. е. на закупке высокотехнологичных товаров; 4) Республика Беларусь не является приоритетным экономическим партнером для Кореи ввиду отсутствия дешевых минеральных ресурсов и зон массового импорта корейской продукции, корейских банковских и менеджментных технологий; 5) достаточно холодные экономические и политические отношения Кореи с КНР, важнейшим белорусским стратегическим партнером в АТР. Куда больше Корея заинтересована в экономическом сотрудничестве с США; 6) поверхностное представление корейского правительства о политической и экономической системе постсоветских стран, что выражается в отсутствии последовательности в политических отношениях Кореи с соответствующими странами [5, с. 157—158].

В свою очередь современный Вьетнам представляет собой аграрную страну со смешанным типом промышленности. Государство имеет большие запасы нефти, угля и газа, что, несомненно, способствует развитию электроэнергетики.

Экономическая модель Вьетнама имеет смешанную структуру собственности в сочетании с государственным контролем в определенных отраслях экономики. Благоприятным фактором для развития белорусско-вьетнамских отношений является сочетание планового и рыночного типа хозяйствования. Беларусь может помочь Вьетнаму перейти к обрабатывающей промышленности от просто производства куда более быстрыми темпами. Использование высоких технологий и достижений научно-технического прогресса в промышленности с высокой добавленной стоимостью, которые нашли применение в Республике Беларусь, могли бы помочь переходу Вьетнама к обрабатывающей промышленности, при условии финансирования со стороны Вьетнама.

Для Беларуси же важность экономического сотрудничества с Вьетнамом определяется следующими факторами: 1) достаточно большой протяженностью морской границы Вьетнама и большим количеством портов международного класса; 2) уникальным расположением Вьетнама, практически в центре Юго-Восточной Азии, что имеет важное значение в АТР; 3) обилием природных ресурсов, включающих газ и нефть [6, с. 201—212].

Среди всех стран АТР сотрудничество Республики Беларусь с КНР куда более перспективно и целесообразно. Сотрудничество между этими странами уже достаточно развито, в дальнейшем его следует углублять и расширять.

Китай играет существенную роль в мировой экономике. Имея годовой темп прироста ВВП на 6,9%, Китай обеспечивает около 20% мирового ВВП (на 2017 год). Важность Китая в мировой экономике доказывает влияние этой страны на мировые рынки. Так, в 2015 году произошло снижение темпов экономического роста в КНР до 6,9%, что вызвало снижение спроса на сырьевые товары и усилило неустойчивость развития мировой экономики, но, несмотря на это, в 2016-м рост объема ВВП в КНР обеспечил 25% роста мировой экономики. Объем китайской экономики обеспечил ряд внутренних факторов: 1) довольно большая емкость и ненасыщенность китайского потребительского рынка; 2) переход от жесткой административной системы к многоукладной экономике, что позволяет использовать конкурентные преимущества; 3) приоритет не личных, а коллективных интересов, готовность китайского населения к тяжелому труду, склонность к накоплению, что обеспечивает возможность инвестирования; 4) обучаемая дешевая рабочая сила. Помимо внутренних, сложились и внешние факторы, благоприятствующие развитию китайской экономики: 1) спрос на трудоемкие товары на внешнем рынке обеспечил рост объемов внешней торговли Китая; 2) изменение специализации и рост стоимости рабочей силы в «новых индустриальных странах» освободил нишу производства трудоемкой продукции; 3) основание «специальных экономических зон» Шаньтоу, Шэньчжэнь, Сямень и Чжухай привлекли иностранные инвестиции в Китай.

Тем не менее, не стоит считать, что китайская экономическая система хозяйствования полностью открытая, свободная и гибкая. Здесь достаточно большой вес имеют государственное регулирование и планирование экономики.

Среди благоприятствующих факторов развития белорусско-китайских отношений следует отметить идейную близость политических элит. Сходство двух стран заключается не только в тактике и стратегии в экономической сфере, но и в формах, методологии и приемах государственного влияния. Нельзя не заметить ориентацию новой дипломатической стратегии Китая на «партнерские отношения». Перед такими отношениями Китай поставил следующие задачи: пропаганда идеи многополюсного мира, расширение торговых культурных, экономических и политических отношений со странами, выступающими за дружественные отношения с Китаем.

Если рассматривать сотрудничество Республики Беларусь и Китая, то сферой сближения стало научно-техническое сотрудничество, в котором страны перешли к совместным разработкам, финансированию и внедрению результатов важнейших программ научно-исследовательских работ. На данный момент самым ярким примером белорусско-китайского сотрудничества является особая экономическая зона «Великий камень», созданная на территории Республики Беларусь согласно межправительственным соглашениям Республики Беларусь и Китая. Со стороны Беларуси следует рассмотреть такие варианты экономического сотрудничества, как софинансирование научно-технических проектов в сочетании с использованием инфраструктуры и кадров Парка высоких технологий в Минске.

Однако следует учитывать, что в недалеком будущем Китай, возможно, столкнется с финансовым и экономическим, а также внутренним политическим кризисом вследствие различных преобразований и реформирования политической и экономической системы государства. Китайское правительство поэтому в какой-то мере вынуждено выводить лишние финансовые ресурсы из экономики, в виде инвестиций в зарубежные объекты, снижая при этом давление на нее.

Заключение. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в качестве факторов, способствующих сотрудничеству Беларуси с рассмотренными странами АТР, можно выделить следующие: выгодное географическое расположение Республики Беларусь; стабильность как политической системы, так и политического режима (это относится ко всем государствам, кроме Вьетнама); баланс в ориентации внешней политики и приемлемая степень зависимости от политического воздействия других стран (исключая Корею и Японию); открытость рассмотренных стран для сотрудничества с внешним миром, а также менталитет и традиции общества в этих странах; растущая экономика и большая емкость рынков сбыта; заинтересованность в разработке новых технологий и наличие ресурсов для инвестирования в данные проекты.

Не способствует постоянному расширению подобного сотрудничества географическая удаленность, определенная пассивность внешнеполитических ведомств рассмотренных стран, довольно малая информированность возможных стран-партнеров о Республике Беларусь, неприоритетное место Республики Беларусь во внешнеполитических интересах азиатских стран, отсутствие комплексной стратегии и последовательности в расширении белорусского присутствия на рынках АТР.

В свою очередь АТР важен для нашей республики не только как емкий и быстрорастущий рынок, но и как возможный источник инвестиций. В этом регионе (если не считать относимые к нему страны Америки) создано 9 белорусских посольств: во Вьетнаме, Индии, Индонезии (через нее осуществляются контакты с АСЕАН), Иране, Китае, Республике Корея, Монголии, Пакистане и Японии. Эти же страны (кроме Индонезии и Пакистана), а также Непал и Шри-Ланка имеют посольства в Беларуси.

На сегодня из всех стран АТР наиболее активно идет сотрудничество с Китаем — важнейшим торговым и инвестиционным партнером Беларуси. Товарооборот вырос более чем в 100 раз: с 34 млн до 3,5 млрд. дол. США в 1992—2014 годах, а с учетом услуг — до 4 млрд дол. США. Экспортируются калийные удобрения, товары нефтехимии, самосвалы, тракторы, комбайны, полупроводники и интегральные схемы, другие товары машиностроения и пищевой промышленности. Импортируются промышленные товары — машиностроительные (60%, 2016 год) и текстильные.

Список цитируемых источников

1. Андрианов, В. А. Укрепление позиций Китая в АТР: потенциал и пределы / В. А. Андрианов // Международные отношения и мировая политика. — 2012. — № 3. — С. 49—71.
2. Арапова, Е. Я. Региональная интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы Транс-Тихоокеанского партнерства и Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли / Е. Я. Арапова // Азия и Африка сегодня. — 2015. — № 6. — С. 2—6.
3. Потапов, М. А. Экономическая интеграция в АТР: поиск моделей / М. А. Потапов // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. — № 11. — С. 57—65.
4. Добринская, О. А. Отношения Японии с крупными державами АТР / О. А. Добринская // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 3. — С. 95—101.
5. Лепешев, Д. И. Статистический анализ эффективности функционирования промышленности Республики Беларусь / Д. И. Лепешев, К. С. Пастухова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2016. — № 1 (11). — С. 156—161.
6. Колесов, В. П. Мировая экономика. Экономика зарубежных стран / В. П. Колесов, М. Н. Осьмова. — М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2012. — 467 с.

Поступила в редакцию 31.08.2018

УДК 338.242

И. Н. Повод

Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»
ул. Сурганова, 1/2, 220072 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 773 07 87, povod-2009@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗЪЯТИЯ МОНОПОЛЬНОЙ РЕНТЫ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ СЦЕНАРИЯХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается проблема экономического обоснования величины монопольной ренты, подлежащей изъятию в бюджет. При этом под монопольной рентой понимается дополнительный доход, получаемый организацией, занимающей доминирующее положение на рынке (организацией-доминантом), и связанный с её основной деятельностью. Предлагается методика расчёта величины монопольной ренты, подлежащей изъятию в бюджет, основанная на сравнении цен субъекта хозяйствования, занимающего доминирующее положение на рынке, с ценами на зарубежных конкурентных рынках.

Возможность практического применения предложенной методики и экономический эффект от её применения демонстрируются на данных УП «Велком», занимающего доминирующее положение на рынке связи.

Также в статье рассматриваются различные сценарии социально-экономического развития Республики Беларусь и перспективы изъятия монопольной ренты при их реализации.

Ключевые слова: рента; монопольная рента; рентные отношения; теория ренты; бюджет.

Табл. 1. Библиогр.: 11 назв.

I. N. Povod

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, 1/2 Surganova str., 220072 Minsk,
the Republic of Belarus, +375 (29) 773 07 87, povod-2009@mail.ru

PROSPECTS FOR THE WITHDRAWAL OF MONOPOLY RENT AT VARIOUS SCENARIOS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN BELARUS

The article considers the problem of the economic rationale of the value of monopoly rent for its withdrawal to the budget. Monopoly rent refers to the excess profit (income) which is received by an organization that occupies a dominant position in the market. This income must be related with the primary activity of the organization. The method for calculating the value of monopoly rent for its withdrawal to the budget that is based on a comparison of prices of the organization with ones in foreign competitive markets is proposed.

The possibility of practical application of the proposed methodology and the economic effect of its application are demonstrated using the data of UE "Velcom" which occupies the dominant position in the communications market.

Also, the article considers various scenarios of socio-economic development of the Republic of Belarus and the prospects for the withdrawal of monopoly rent in their implementation.

Key words: rent; monopoly rent; rent relationship; theory of rent; budget.

Table 1. Ref.: 11 titles.

Введение. Монопольная рента представляет собой дополнительный доход, получаемый организацией, занимающей доминирующее положение на рынке (организацией-доминантом), и связанный с её основной деятельностью.

Экономическое обоснование величины доли монопольной ренты, подлежащей изъятию в бюджет, является ключевой задачей разработки концепции рентного налогообложения организаций, занимающих доминирующее положение на рынке. По нашему мнению, поскольку основным преимуществом таких организаций является возможность завышения цен на свою продукцию, при решении данной задачи необходимо основываться на оценке обоснованности цен и тарифов на их продукцию.

Результаты исследования и их обсуждение. Поскольку речь идёт о рынках с невысоким либо нулевым уровнем конкуренции, объективно оценить обоснованность применения действующих цен и тарифов весьма проблематично. В связи с этим считаем целесообразным использовать сравнение цен и тарифов организаций, занимающих доминирующее положение на внутреннем рынке, с ценами и тарифами на соответствующие товары и услуги, действующими на конкурентных рынках сопредельных либо похожих по экономической ситуации государств.

При расчёте монополярной ренты нами ранее использовались данные о рентабельности по соответствующему виду деятельности, так как для таких целей достаточно было средних значений и отсутствовала необходимость в сравнении результатов деятельности предприятия с результатами деятельности аналогичных по характеру выпускаемой продукции предприятий. Когда же речь идёт об оценке уровня цен, необходимо сравнивать цены на идентичную или аналогичную продукцию. Следовательно, ввиду отсутствия других производителей идентичной (аналогичной) продукции внутри страны, следует обратиться к данным о ценах зарубежных производителей, действующих в условиях конкуренции.

При сравнении цен на продукцию в разных странах необходимо учитывать тот факт, что ценовая политика предприятия зависит в числе прочего от готовности и способности потребителей приобрести продукцию предприятия по установленным ценам, то есть от платежеспособного спроса населения на данную продукцию. В связи с этим некорректно просто сравнивать цены на идентичную (аналогичную) продукцию в выбранных странах, необходимо полученную разницу (соотношение цен) корректировать на сопоставимый уровень цен в рассматриваемых странах. Таким образом, удельный вес монополярной ренты, подлежащей изъятию в бюджет, рассчитывается по формуле

$$D = (I_p \cdot 100 - 100) \cdot CPL,$$

где D — удельный вес монополярной ренты, подлежащей изъятию в бюджет;

I_p — соотношение цен на продукцию рассматриваемого предприятия и цен на идентичную (аналогичную) продукцию на зарубежном конкурентном рынке;

CPL — сопоставимый уровень цен в рассматриваемых странах.

Если ассортимент производимой продукции не велик, показатель I_p может рассчитываться аналогично индексу Пааше, однако используются не цены отчётного и базисного периода, а цены на продукцию, установленные предприятием, и цены на зарубежном конкурентном рынке:

$$I_p = \frac{P_A}{P_B} = \frac{\sum (q_a p_a)}{\sum (q_a p_b)},$$

где P_A — цены на продукцию рассматриваемого предприятия;

P_B — цены на аналогичную продукцию на зарубежном конкурентном рынке;

q_a — количество продукции каждого вида, реализованной предприятием;

p_a — цена единицы продукции каждого вида, реализованной предприятием;

p_b — цена единицы аналогичной (идентичной) продукции каждого вида на зарубежном конкурентном рынке.

С учётом того, что цены на продукцию имеют свойство меняться в течение рассматриваемого периода, в качестве показателей p_a и p_b целесообразно использовать среднюю хронологическую цену за рассматриваемый период:

$$p = \frac{\left(\frac{p_1}{2} + p_2 + p_3 + \dots + \frac{p_t}{2} \right)}{t-1},$$

где $p_1, p_2, p_3, \dots, p_t$ — цены определённого периода (на начало/конец каждого месяца);

t — число месяцев в рассматриваемом периоде.

При широком ассортименте продукции или при невозможности установить цены на все позиции реализуемых товаров, работ, услуг сравнение цен необходимо производить по позициям, пользующимся наибольшим спросом или имеющим наибольший удельный вес в выручке предприятия.

В случае если D имеет нулевое или отрицательное значение ($P_A \leq P_B$), уровень цены на продукцию предприятия не превышает уровень цен на аналогичную продукцию на рынках, характеризующихся наличием конкуренции. Можно сделать вывод, что предприятие не использует своё монопольное либо доминирующее положение на рынке и не завышает цены на продукцию. Соответственно, монопольная рента не подлежит изъятию в бюджет.

Таким образом, величина монопольной ренты, подлежащей перечислению в бюджет, определяется следующим образом:

$$MR_B = \frac{MR \cdot D}{100},$$

где MR — величина полученной организацией монопольной ренты;

MR_B — величина монопольной ренты, подлежащей изъятию в бюджет.

Рассчитаем долю монопольной ренты, подлежащую изъятию в бюджет у УП «Велком». В связи с активным развитием интеграционных процессов между странами — членами ЕАЭС целесообразно в расчётах для УП «Велком» ориентироваться на рынок Российской Федерации, который является наиболее крупным и конкурентным.

Для сравнения цен УП «Велком» с ценами на услуги связи, действующими в Российской Федерации, воспользуемся данными о среднем потреблении услуг связи на одного абонента. Согласно данным операторов связи, в месяц один абонент использует около 3 гигабайт мобильного трафика [1]. Также, согласно статистике, в среднем один житель Республики Беларусь тратит в месяц на разговоры по мобильному телефону около 500 минут [2]. При этом, согласно данным Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, УП «Велком» по количеству абонентов занимает 43% рынка сотовой связи страны [3]. Следовательно, можно предположить, что из 500 минут разговоров абонентов в среднем около 215 приходится на разговоры внутри сети и около 285 — на разговоры с абонентами других сотовых операторов. Таким образом, для сравнения цен на услуги связи в рассматриваемых странах целесообразно соотносить стоимость пакета услуг, включающего 3 гигабайта мобильного интернета и 500 минут разговоров, из которых 215 минут внутри сети и 285 минут в другие сети.

В связи с отсутствием подробных сведений о ценах на услуги связи в рассматриваемый период 2013—2015 годов, для демонстрации работы представленной методики на практике осуществим сравнение актуальных на данный момент цен.

Из пакетов услуг, предлагаемых УП «Велком» потребителям, более других указанным выше условиям удовлетворяет тарифный план «Комфорт 4», который включает в себя 4 Гб интернет-трафика, 300 минут исходящих звонков в другие сети и неограниченное количество минут внутри сети. Стоимость такого тарифного плана составляет 18,97 белорусского рубля в месяц [4].

Среди тарифных планов, предлагаемых 4 крупнейшими сотовыми операторами Российской Федерации, сопоставимыми с вышеназванным по предоставляемому набору услуг, являются следующие: «Включайся! Говори» (ПАО «МегаФон») [5]; «Smart» (ПАО «МТС») [6]; «ВСЁмоё 2» (ПАО «ВымпелКом», бренд «Билайн») [7]; «Мой онлайн» (ООО «Т2 Мобайл», бренд «Теле 2») [8].

Сравним указанные тарифные планы с тарифным планом «Комфорт 4» (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Сравнение стоимости тарифного плана «Комфорт 4» с аналогичными тарифными планами российских операторов связи

Тарифный план	Оператор	Включено интернет-трафика, Гб	Включено минут		Стоимость пакета услуг в месяц	
			внутри сети	в другие сети	в российских рублях	в белорусских рублях
Комфорт 4	Велком	4	безлимитно	300	597,97	18,97
Включайся! Говори	МегаФон	4	безлимитно	700	500	15,86
Smart	МТС	5	безлимитно	550	500	15,86
ВСЁмоё 2	Билайн	15	500		600	19,03
Мой онлайн	Теле 2	15	безлимитно	500	400	12,69

Средняя стоимость рассмотренных пакетов российских операторов составляет 500 российских рублей, или 15,86 белорусского рубля (по курсу Национального банка Республики Беларусь на 31.07.2018). Пакет услуг «Комфорт 4» УП «Велком» стоит дороже в 1,1961 раза. Таким образом, показатель I_p берётся на уровне 1,1961.

Для сравнения общего уровня цен воспользуемся информацией сайта Numbeo.com. Согласно данным, рассчитанным более чем по 50 позициям продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, стоимость жизни в России на 16,1% выше, чем в Беларуси [9]. Следовательно, показатель CPL составляет 1,161.

Удельный вес монополярной ренты УП «Велком», подлежащей перечислению в бюджет, составляет

$$D = (1,1961 \cdot 100 - 100) \cdot 1,161 = 22,77\%.$$

Таким образом, изъятию в бюджет подлежит 22,77% монополярной ренты, полученной УП «Велком». В случае, если бы в 2013—2015 годах соотношение цен УП «Велком» и российских операторов связи было аналогичным, в бюджет страны от данного предприятия было бы получено монополярной ренты: в 2013 году — 207 422,4 млн р. (около 21,8 млн дол. США по курсу Национального банка Республики Беларусь на 31.12.2013), в 2014-м — 282 743,0 млн р. (23,9 млн дол. США), в 2015-м — 237 097,9 млн р. (12,8 млн дол. США).

Изъятие монополярной ренты может быть эффективно в системе государственного регулирования при нынешних условиях хозяйствования в нашей стране. В дальнейшем же возможны следующие сценарии изменения уровня вмешательства государства в экономику: усиление государственного регулирования экономики и его ослабление. Рассмотрим перспективы изъятия монополярной ренты при обоих указанных сценариях.

Если рассматривать монополярную ренту в качестве инструмента государственного регулирования, то усиление последнего вполне может благоприятно сказаться на перспективах применения ренты в системе экономических отношений, так как не избавляет экономику от наличия субъектов хозяйствования, занимающих доминирующее положение на рынках. Даже в условиях ужесточения государственного регулирования фискальная политика государства должна базироваться на принципе справедливости налогообложения. Изъятие монополярной ренты более соответствует данному принципу, чем изъятие любого налога или повышение налоговых ставок. Также изъятие монополярной ренты более экономически и логически обосновано как инструмент антимонополярного регулирования по сравнению с установлением потолка цен и норм рентабельности для организаций-доминантов.

Усиление степени преобладания государственной собственности маловероятно с учётом того, что и на сегодня в экономике Республики Беларусь сильно преобладает государственный сектор. Несмотря на то, что, по данным на 1 января 2018 года, из числа юридических лиц Республики Беларусь 83,3% относятся к частному сектору [10, с. 245], в экономике по-прежнему доминируют организации с государственным капиталом [11]. Но даже в случае увеличения доли госсектора в экономике изъятие монопольной ренты у организаций имеет смысл как механизм перераспределения доходов по направлениям, требующим вливания бюджетных средств.

В случае развития экономики Беларуси по иному сценарию, предполагающему её либерализацию, вопросы рентных отношений становятся ещё более актуальными. Свобода в хозяйственной сфере неизбежно приводит к возникновению всё большего числа организаций, занимающих доминирующее положение на рынке. Объёмы монопольной ренты, созданной такими организациями, при этом также растут, увеличиваются размеры потенциальных поступлений в бюджет. Изъятие монопольной ренты не противоречит идее ослабления государственного регулирования экономики, так как используется только в отношении организаций, занимающих доминирующее положение на рынке, которые получают от государства возможность беспрепятственно осуществлять деятельность на территории страны. Вопрос изъятия монопольной ренты лежит в несколько иной плоскости, чем прямое регулирование деятельности предприятия. Монопольная рента может рассматриваться как плата хозяйствующего субъекта государству за преференции в виде возможности работать в условиях отсутствия или незначительного уровня конкуренции.

Таким образом, вопрос изъятия монопольной ренты у организаций, занимающих доминирующее положение на рынке, не потеряет своей актуальности при любом сценарии социально-экономического развития Республики Беларусь. В условиях ужесточения государственного регулирования монопольная рента может выступать как инструмент антимонопольного и ценового регулирования, а также бюджетно-налоговой политики государства. В условиях либерализации экономики монопольная рента может рассматриваться как плата предприятия за отсутствие препятствий со стороны государства для осуществления деятельности в привилегированном положении по сравнению с предприятиями, работающими в условиях конкуренции.

Заключение. Предложенная методика расчёта величины монопольной ренты, подлежащей изъятию в бюджет, позволяет осуществлять изъятие монопольной ренты в экономически обоснованных объёмах, тем самым предотвратив возникновение спорных ситуаций и недовольства субъектов хозяйствования, занимающих доминирующее положение на рынке. Применение данной методики в 2013—2015 годах могло принести в республиканский бюджет более 50 млн дол. США только от УП «Велком».

Изъятие монопольной ренты в бюджет актуально как при нынешнем экономическом положении в стране, что подтверждается расчётами для УП «Велком», так и при различных сценариях социально-экономического развития Республики Беларусь в ближайшие годы.

Список цитируемых источников

1. Тарифы на мобильный интернет в России — одни из самых низких в мире [Электронный ресурс] // Ведомости. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/03/01/631909-tarifi-mobilnii-internet-rossii-odni-samih-nizkih-mire>. — Дата доступа: 31.07.2018.
2. Белорусы говорят по телефону больше россиян [Электронный ресурс] // БелТА. — Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/belorusy-govorjat-po-telefonu-bolshe-rossijan-70487-2013>. — Дата доступа: 31.07.2018.
3. Специалисты рассказали, сколько абонентов у МТС, Велком и life: и какой охват населения (инфографика) [Электронный ресурс] // Intex-press. — Режим доступа: <https://www.intex-press.by/2018/02/27/spetsialisty-rasskazali-skolko-abonentov-u-mts-velkom-i-life-i-kakoj-ohvat-naseleniya-infografika/>. — Дата доступа: 31.07.2018.

4. Комфорт 4 [Электронный ресурс] // Velcom. — Режим доступа: <https://www.velcom.by/Тарифы/Лучшее-для-смартфонов/Комфорт-4/p/1.318.30.1788>. — Дата доступа: 31.07.2018.
5. Включайся! Говори [Электронный ресурс] // МегаФон. — Режим доступа /: <https://moscow.megafon.ru/tariffs/vklyuchaysya/govori.html>. — Дата доступа /: 31.07.2018.
6. Тариф «Smart» [Электронный ресурс] // МТС. — Режим доступа: <https://moskva.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/smart>. — Дата доступа: 31.07.2018.
7. ВСЁмоё 2 [Электронный ресурс] // Билайн. — Режим доступа: <https://moskva.beeline.ru/customers/products/mobile/tariffs/details/kit-vse-2/>. — Дата доступа: 31.07.2018.
8. Выберите тариф [Электронный ресурс] // TELE2. — Режим доступа: <https://msk.tele2.ru/nastroy-tariff>. — Дата доступа: 31.07.2018.
9. Cost of Living in Russia [Электронный ресурс] // Numbeo. — Режим доступа: https://www.numbeo.com/cost-of-living/country_result.jsp?country=Russia&displayCurrency=USD. — Дата доступа: 31.07.2018.
10. Статистический ежегодник 2018 : стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. — 489 с.
11. Главный сектор экономики [Электронный ресурс] // Экон. газ. — Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/glavnyj-sektor-ekonomiki>. — Дата доступа: 10.08.2018.

Поступила в редакцию 29.10.2018

Репозиторий БарГУ

УДК 657.4

В. Н. Познякевич¹, И. А. Хитрова²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, ¹+375 (29) 792 42 86, victory2310@mail.ru, ²+375 (33) 343 58 46, hitrina0605@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ БУХГАЛТЕРА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ЧАСТИ УЧЕТА ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ

На примере основных средств исследуется влияние действующей учетной практики и современной законодательной базы на развитие профессионального суждения бухгалтера в Республике Беларусь. Систематизированы основные способы ведения бухгалтерского учета основных средств из альтернативных вариантов действующей учетной практики. Профессиональное суждение бухгалтера рассматривается как эффективный инструмент, определяющий содержание и качество учетной политики, а также при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: профессиональное суждение бухгалтера; учетная политика; основные средства.

Табл. 1. Библиогр.: 9 назв.

V. N. Poznyakevich¹, I. A. Khitrova²

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, ¹+375 (29) 792 42 86, victory2310@mail.ru, ²+375 (33) 343 58 46, hitrina0605@mail.ru

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE USE OF ACCOUNTING PROFESSIONAL JUDGMENT IN FORMATION OF ACCOUNTING POLICY FOR FIXED ASSETS

The impact of current accounting practices and modern legislation for the development of accounting professional judgment in the Republic of Belarus is investigated on the example of the fixed assets. Basic accounting methods for fixed assets have been systematized. The accounting professional judgment is considered as an effective tool for defining the content and quality of accounting policy, as well as in management decisions.

Key words: accounting professional judgment; accounting policy; fixed assets.

Table. 1. Ref.: 9 titles.

Введение. Развитие национального бухгалтерского учета связано с новыми экономическими условиями. Современные требования экономики и изменения в системе управления организациями вызывают необходимость методического обеспечения ведения учета в этих условиях и, прежде всего, совершенствования учетной политики организаций, формируемой в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Содержание учетной политики организаций, ее качество и обоснованность напрямую связаны с профессиональным суждением бухгалтера, ее составляющим. Профессиональное суждение постепенно становится важнейшим принципом бухгалтерского учета.

Методология и методы исследования. В статье ставится цель показать роль профессионального суждения бухгалтера при составлении учетной политики.

Работа выполнена с опорой на изучение действующих нормативных правовых актов, регулирующих бухгалтерский учет основных средств, что позволило выявить теоретические и практические аспекты применения профессионального суждения бухгалтера при составлении учетной политики.

Организация исследования. Свою учетную политику организации формируют самостоятельно, согласно ст. 9 Закона Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» (далее — Закон № 57-3). Учетная политика организации должна основываться на принципах бухгалтерского учета и отчетности, предусмотренных вышеуказанным Законом № 57-3, и включает: 1) применяемые организацией виды учетной оценки; 2) план счетов бухгалтерского учета организации; 3) разработанные организацией для применения формы первичных учетных документов; 4) применяемую организацией форму бухгалтерского учета; 5) порядок проведения инвентаризации активов и обязательств организации; 6) иные способы организации и ведения бухгалтерского учета (п. 4) [1].

Если в отношении конкретных хозяйственных операций, отдельных составляющих активов, обязательств, собственного капитала, доходов, расходов организации в законодательстве Республики Беларусь не установлен порядок их отражения в бухгалтерском учете и отчетности, такой порядок разрабатывается организацией самостоятельно с применением профессионального суждения, исходя из требований, установленных законодательством Республики Беларусь [1].

В связи с вышеизложенным значительно возрастает значение профессионального суждения бухгалтера как инструмента учета, влияющего на качество бухгалтерской информации. Профессиональное суждение рассматривается нами как точка зрения и действие главного бухгалтера организации, руководителя организации, организации или индивидуального предпринимателя, оказывающих услуги по ведению бухгалтерского учета и составлению отчетности, принятые организацией при ведении бухгалтерского учета и составлении отчетности, которые излагаются организацией в положении об учетной политике и примечаниях к отчетности [1].

Положения действующих нормативных документов по отношению к учетной политике могут быть одновариантными или многовариантными предписаниями. В любом случае выбор того или иного способа ведения бухгалтерского учета, описание необходимых организационных и технических условий должны найти свое отражение в учетной политике (абзац 16 ст. 1 Закона № 57-3) [1].

Поэтому применение профессионального суждения бухгалтера должно быть обозначено, прежде всего, в учетной политике организации, целью которой является воздействие на эффективность финансового положения организации в рамках действующих нормативных правовых актов.

Таким образом, способы учета, обязательные для применения, отражать в учетной политике не требуется, поскольку организация не имеет права их изменять. Способы ведения бухгалтерского учета, принятые в организации согласно учетной политике, подлежат отражению в примечаниях к бухгалтерской отчетности [2], что придает им особое значение в выражении профессионального суждения бухгалтера.

Результаты исследования и их обсуждение. Практику применения профессионального суждения при составлении учетной политики в Республике Беларусь проследим на примере основных средств, поскольку они являются одним из тех объектов бухгалтерского учета, которому в учетной политике уделяется существенное внимание.

Учетная политика в части учета основных средств может включать возможность не начисления амортизации, изменения в классификации, оценке, нормативных сроков службы, рабочие счета, формы документов, особенности проведения инвентаризации, другие аспекты учета. В действующей практике организации имеют право выбора способа ведения бухгалтерского учета основных средств из альтернативных вариантов, основные из которых систематизированы нами (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Способы ведения бухгалтерского учета основных средств, для которых предусмотрены варианты, регламентируемые нормативными актами

Элемент учетной политики	Допустимые законодательством варианты	Нормативный правовой акт — источник обоснования учетной политики и применения профессионального суждения
Отнесение активов к основным средствам либо к отдельным предметам в составе средств в обороте	<p>Выбор критерия отнесения может устанавливаться по отношению к следующим объектам:</p> <ul style="list-style-type: none"> – инвентарь; – хозяйственные принадлежности; – инструменты; – оснастка и приспособления. <p>Варианты выбора критерия:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) по сроку полезного использования (технологический); 2) по стоимости; 3) иной 	<p>Инструкция по бухгалтерскому учету основных средств № 26 [3]; Инструкция по бухгалтерскому учету запасов № 133 [4]; Приложение к постановлению Министерства экономики Республики Беларусь № 161 от 30.09.2011 «Нормативные сроки службы основных средств» [5]</p>
Изменение первоначальной стоимости основных средств	<p>Основные средства после принятия к бухгалтерскому учету могут учитываться:</p> <ul style="list-style-type: none"> – по первоначальной стоимости, если проведение переоценки не является обязательным в соответствии с законодательством; – по переоцененной стоимости 	<p>Инструкция по бухгалтерскому учету основных средств № 26 (п. 15) [3]</p>
Обесценение основных средств	<p>Организация вправе отражать в бухгалтерском учете на конец отчетного периода сумму обесценения основного средства, равную сумме превышения остаточной стоимости основного средства над его возмещаемой стоимостью, при наличии документального подтверждения признаков обесценения основного средства и возможности достоверного определения суммы обесценения.</p> <p>В качестве ставки дисконтирования может применяться ставка рефинансирования, устанавливаемая Национальным банком Республики Беларусь</p>	<p>Инструкция по бухгалтерскому учету основных средств № 26 (п. 16) [3]</p>
Переоценка основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке	<p>Организация определяет порядок переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке.</p> <p>Организация вправе принять решение о проведении переоценки в отношении:</p> <ul style="list-style-type: none"> – всего имущества; – объектов основных средств, доходных вложений в материальные активы, относящихся к определенной группе, подгруппе либо классифицируемым определенным шифром классификации основных средств; – отдельных объектов основных средств, доходных вложений в материальные активы; – оборудования к установке, а также установленного оборудования и оборудования, не требующего монтажа, в составе объектов незавершенного строительства, которые будут приняты к бухгалтерскому учету в качестве отдельных инвентарных объектов основных средств, доходных вложений в материальные активы и отнесены к определенной группе, подгруппе либо определенному шифру классификации основных средств 	<p>Инструкции о порядке проведения переоценки основных средств, доходных вложений в материальные активы, оборудования к установке № 162/131/37 (п. 1) [6]</p>

Продолжение таблицы 1

Элемент учетной политики	Допустимые законодательством варианты	Нормативный правовой акт — источник обоснования учетной политики и применения профессионального суждения
Пересмотр нормативных сроков службы и (или) сроков полезного использования основных средств	Комиссия по проведению амортизационной политики вправе производить пересмотр нормативных сроков службы и (или) сроков полезного использования основных средств в случаях установленных законодательством. Варианты: 1) производить пересмотр; 2) не производить пересмотр.	Инструкция о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов № 37/18/6 (п. 24, 25, 45, 46) [7]; Приложение к постановлению Министерства экономики Республики Беларусь № 161 от 30.09.2011 «Нормативные сроки службы основных средств» [5]
Выбор способа начисления амортизации	Предусмотрены способы начисления амортизации: а) нелинейным способом: – прямым методом суммы чисел лет; – обратным методом суммы чисел лет; – методом уменьшаемого остатка с коэффициентом ускорения от 1 до 2,5 раза; б) производительным способом; в) не начислять амортизацию в течение 2018 года по всем объектам основных средств, используемых в предпринимательской деятельности; г) не начислять амортизацию в течение 2018 года по отдельным объектам основных средств, используемых в предпринимательской деятельности. Организация самостоятельно определяет способы и методы начисления амортизации. Способы и методы начисления амортизации по объектам одного наименования могут различаться. До окончания срока полезного использования амортизируемых объектов способы и методы начисления амортизации разрешается пересматривать: – с начала отчетного года с обязательным отражением в учетной политике; – в течение отчетного года в случаях завершения модернизации, реконструкции объектов основных средств, их дооборудования, достройки, технического диагностирования и освидетельствования с полной их остановкой	Инструкция о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов № 37/18/6 (п. 37) [7]; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.10.2017 № 802 «О неначислении амортизации по основным средствам и нематериальным активам в 2018 и последующих годах» [8]
Использование коэффициента ускорения при начислении амортизации методом уменьшаемого остатка	Разрешено использовать коэффициент ускорения не выше 2,5	Инструкция о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов № 37/18/6 (п. 42) [7]
Унификация расчета амортизационных отчислений	Могут использоваться регистры бухгалтерского учета по формам, разработанным организацией (карточка расчета амортизационных отчислений от стоимости объекта основных средств, рабочая таблица по расчету амортизации основных средств)	Инструкция о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов № 37/18/6 (п. 49) [7]
Учет резерва по выводу основных средств из	Организация может создавать резерв по выводу основных средств из эксплуатации и аналогичным	Инструкция по бухгалтерскому учету основных средств

Окончание таблицы 1

Элемент учетной политики	Допустимые законодательством варианты	Нормативный правовой акт — источник обоснования учетной политики и применения профессионального суждения
эксплуатации и аналогичным обязательствам	обязательствам в случае выполнения условий, предусмотренных Инструкцией № 26. В случае создания резерва его сумма определяется исходя из расчетной оценки затрат, необходимых на конец отчетного периода для погашения обязательства. При определении суммы создаваемого резерва не учитываются доходы от ожидаемого выбытия основных средств. В качестве ставки дисконтирования может применяться ставка рефинансирования, устанавливаемая Национальным банком Республики Беларусь	№ 26 (п. 10, 23, 24) [3]
Изменение первоначальной стоимости инвестиционной недвижимости	Инвестиционная недвижимость после принятия к бухгалтерскому учету может учитываться: – по первоначальной стоимости, если проведение переоценки не является обязательным в соответствии с законодательством; – по переоцененной стоимости	Инструкция по бухгалтерскому учету инвестиционной недвижимости № 25 (п. 11) [9]
Обесценение инвестиционной недвижимости	Организация вправе на основании решения руководителя организации отражать в бухгалтерском учете на конец отчетного периода сумму обесценения инвестиционной недвижимости, равную сумме превышения остаточной стоимости инвестиционной недвижимости над ее возмещаемой стоимостью, при наличии документального подтверждения признаков обесценения инвестиционной недвижимости и возможности достоверного определения суммы обесценения. В качестве ставки дисконтирования может применяться ставка рефинансирования, устанавливаемая Национальным банком Республики Беларусь	Инструкция по бухгалтерскому учету инвестиционной недвижимости № 25 (п. 12) [9]

Указанные выше примеры (см. таблицу 1) подтверждают необходимость выбора способов учета из предлагаемых законодательством вариантов с учетом их комплексного рассмотрения, последствий применения того или иного способа учета, специфики деятельности организации, финансового положения. Именно поэтому и возникает необходимость применения профессионального суждения как инструмента, определяющего содержание и качество учетной политики.

Одним из сложных способов учетной политики является проведение переоценки основных средств. Организации самостоятельно принимают решение о проведении переоценки однородных групп основных средств по текущей (переоцененной) стоимости. Профессиональное суждение бухгалтера в отношении вопросов переоценки должно базироваться на планах руководства организации относительно объектов основных средств: использование в самой организации или последующее их выбытие. Если предстоит выбытие переоцененных объектов основных средств, необходимо учитывать направления выбытия: продажа, вклад в уставный капитал другой организации, ликвидация или безвозмездная передача. Увеличение стоимости основных средств целесообразно для организации в том случае, если она использует их для передачи в залог (ипотеку) с целью получения заемного капитала. Если организация планирует сдачу основных средств в текущую аренду, то целесообразно увеличение их стоимости, поскольку величина арендной платы устанавливается, прежде всего, исходя из балансовой стоимости передаваемых в аренду основных средств и норм амортизационных отчислений.

Повышение стоимости основных средств целесообразно также при необходимости увеличения величины чистых активов организации, поскольку обязательным условием ее нормального функционирования является превышение (или равенство) чистых активов над величиной собственного капитала.

Организации самостоятельно определяют способы начисления амортизации основных средств. Профессиональное суждение бухгалтера в отношении вопросов начисления амортизации может базироваться на принципе соответствия расходов организации ее доходам. В том случае, если доходы организации являются постоянными и не меняются в течение срока полезного использования основных средств, целесообразно применять линейный способ начисления амортизации, предусматривающий равномерное перенесение стоимости основных средств на затраты производства. Если доходы организации имеют тенденцию к изменениям, зависящим от конъюнктуры рынка сбыта и цен на продукцию, следует применять нелинейные способы начисления амортизации. Необходимо также учитывать такие факторы, как отрасль производства, вид основных средств, конкретные условия их использования, срок эксплуатации, моральное устаревание, перспективы организации в отношении обновления действующих объектов основных средств.

Заключение. Изучение практики применения профессионального суждения при составлении учетной политики в части учета основных средств позволило сформулировать следующие выводы.

Выбор наиболее приемлемого для соответствующей организации способа ведения бухгалтерского учета основных средств хотя и регламентирован, однако не всегда очевиден, поскольку в нормативных правовых актах существуют нормы, в которых возможные способы не представлены списком, а указывается «организации вправе». В этом случае выбранный организацией способ должен быть закреплен в учетной политике.

Профессиональное суждение бухгалтера через учетную политику является одним из инструментов регулирования бухгалтерского учета в реализации его главной цели — формирования полной и достоверной информации о финансовом состоянии и финансовых результатах деятельности организации.

Исследование подтверждает, что профессиональное суждение бухгалтера является основой для выработки учетной политики организации и может быть эффективным инструментом при принятии управленческих решений. Выбор того или иного варианта ведения учета позволяет, не влияя на хозяйственную жизнь организации, воздействовать на ее финансовые показатели.

Очевидно, необходимы дальнейшие исследования влияния действующей учетной практики и современной законодательной базы на развитие профессионального суждения бухгалтера.

Список цитируемых источников

1. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г., № 57-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 24.07.2013. — 2/2055.
2. Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальная бухгалтерская отчетность», внесении дополнения и изменений в постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 46 и признании утратившими силу постановления Министерства финансов Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 111 и отдельных структурных элементов некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 12 дек. 2016 г. № 104 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.12.2016. — 8/31602.
3. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету основных средств и признании утратившими силу некоторых постановлений и отдельных структурных элементов постановлений Министерства финансов Республики Беларусь по вопросам бухгалтерского учета [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 30 апр. 2012 № 26 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.08.2012. — 8/26355.

4. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету запасов и признании утратившим силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь 12 нояб. 2010 г., № 133 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь от 27 апр. 2011 № 25 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2011. — № 14. — 8/23181.

5. О внесении изменений и дополнений в постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 30 сентября 2011 г. № 161 [Электронный ресурс] : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь от 10 апр. 2017 г. № 9 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 21.04.2017. — 8/31985.

6. О порядке проведения переоценки основных средств, не завершённых строительством объектов, неустановленного оборудования [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 05.11.2010 № 162/131/37, М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь от 05.11.2010 № 162/131/37, М-ва экономики Респ. Беларусь от 05.11.2010 № 162/131/37 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь, М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь, М-ва экономики Респ. Беларусь Респ. Беларусь от 14 марта 2014 г. № 24/13/9 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 13.05.2014. — № 17. — № 8/28665.

7. Об утверждении Инструкции о порядке начисления амортизации основных средств и нематериальных активов [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь от 27.02.2009 № 37/18/6, М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь от 27.02.2009 № 37/18/6, М-ва экономики Респ. Беларусь от 27.02.2009 № 37/18/6 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 09.06.2009 — № 149. — 8/21041.

8. О неначислении амортизации по основным средствам и нематериальным активам в 2018 и последующих годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30.10.2017 № 802 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 03.11.2017. — 5/44360.

9. Инструкция по бухгалтерскому учету инвестиционной недвижимости [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь 30.04.2012 № 25 «О некоторых вопросах бухгалтерского учета» // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.08.2012. — 8/26354.

Поступила в редакцию 31.08.2018

УДК 339.13

Е. Ю. Цвирко

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск,
Республика Беларусь, +375 (33) 388 98 42, kerri-tsvirko@rambler.ru

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Интерес к продукции органического сельского хозяйства возрастает во всем мире. Экологически чистые методы хозяйствования создают значительные социальные, экономические и экологические преимущества. Возрастающий интерес со стороны потребителей и рынков по всему миру также открыл новые торговые перспективы перед развивающимися странами, реализуемые на основе признанной на международном уровне сертификации.

Ключевые слова: сельское хозяйство; органическая продукция; рынок органической продукции; потребители; производители; спрос; предложение.

Рис. 1. Библиогр.: 14 назв.

E. Yu. Tsvirko

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 26 Partizansky Ave.,
220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (33) 388 98 42, kerri-tsvirko@rambler.ru

THE STATE AND TRENDS OF THE WORLD MARKET OF ORGANIC PRODUCTS

Interest in organic farming products is increasing worldwide. Environmentally friendly management methods create significant social, economic and environmental benefits. The growing interest of consumers and markets around the world has also opened up new trading opportunities for developing countries, based on internationally recognized certification.

Key words: agriculture; organic products; organic market; consumers; manufacturers; demand; offer.

Fig. 1. Ref.: 14 titles.

Введение. В качестве самостоятельного направления органическое сельское хозяйство стало формироваться в начале XX века. Это понятие впервые употребил специалист по сельскому хозяйству Оксфордского университета лорд Нортборн в изданной им в 1940 году книге «Заботьтесь о земле». Основные нормы органического производства в Европе были введены в 1980 году Международной федерацией органических движений сельского хозяйства (IFOAM) [1].

Органическое хозяйство — это такая форма ведения производства, при которой происходит сознательная (а не вызванная дефицитом ресурсов) минимизация использования минеральных удобрений, пестицидов, гормонов, антибиотиков, различных синтетических добавок [2].

Чтобы конечный продукт получил статус органического, он должен пройти весь путь от фермы до прилавка с соблюдением ряда основных параметров: это органические методы земледелия и животноводства, органическое сырье, органические ингредиенты и технологический процесс. Органическим является лишь полностью натуральный, естественный продукт. Причем им может стать продукт как животноводства, так и растительный, и объединяет их бережное отношение к сельскохозяйственным ресурсам.

Объектом исследования является рынок органической сельскохозяйственной продукции, а также субъекты рыночных отношений в данной сфере и складывающиеся между ними организационно-экономические связи. Предметом исследования выступает система социально-экономических отношений, возникающих в процессе формирования и развития рынка органической сельскохозяйственной продукции (взаимодействие между экологически ориентированными производителями и потребителями).

Исследование направлено на систематизацию статистических данных в области функционирования рынка органической сельскохозяйственной продукции.

Теоретико-методологической базой работы послужили результаты фундаментальных научных исследований отдельных зарубежных и отечественных авторов в сфере сельского хозяйства, аналитические отчеты по вопросам развития агропромышленных комплексов разных стран и регионов.

Методология и методы исследования. При написании статьи были применены такие методы научного исследования, как изучение отечественной и зарубежной научной литературы по теме исследования, обобщение полученной информации, анализ, общенаучные методы. Вопросы формирования и развития рынка органической продукции рассматриваются в трудах отечественных (Г. И. Гануш, И. А. Грибоедова [2], Л. В. Корбут [3], Л. В. Лагодич [4]), а также зарубежных (И. Н. Белова [5], А. Н. Богатырев [6], О. Ю. Воронкова [7], Л. Г. Елисеева [8], А. М. Матягина [9], Т. М. Полушкина [10]) ученых. Труды этих научных деятелей легли в основу проведенного в настоящей статье исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Объем мировой розничной торговли органическими продуктами питания и напитков увеличился примерно на 10% и составил 81,6 млрд дол. США в 2015 году. Самый высокий рост наблюдался в Северной Америке, на долю которой в настоящее время приходится более половины мирового объема продаж [11].

Хотя органическое земледелие практикуется в 179 странах мира, в двух регионах осуществляется большая часть продаж: в Европе и Северной Америке. Однако глобальная доля продаж органических продуктов питания постепенно уменьшается, поскольку региональные рынки укореняются в Азии, Латинской Америке и Африке.

Рассмотрим рынки органической продукции в разрезе крупнейших регионов.

Северная Америка. Данный регион обладает самым большим рынком органических продуктов и напитков в мире. Объем рынка органических продуктов Северной Америки составляет 43,3 млрд дол. США, что соответствует 53% мировых продаж [12].

Крупнейший рынок органических продуктов питания находится в Соединенных Штатах Америки, где доля рынка органических продуктов в общем объеме продаж продуктов питания составляет почти 5%. Свежая продукция — самая востребованная категория. Более 10% всех продаваемых фруктов и овощей в США являются органическими продуктами. Органические молочные продукты — вторая по величине категория, в которой молоко и йогурт выступают в качестве самых популярных [12].

В США предложение органических продуктов питания не соответствует спросу, причем импортные продукты поступают в страну практически со всех уголков мира. Помимо органических фруктов и овощей, в значительном количестве импортируются зерновые, масличные культуры, травы, специи и сахар.

США и Канада также экспортируют органические продукты. Обе страны заключили ряд торговых соглашений для содействия международной торговле. Правительство Соединенных Штатов Америки заключило соглашения с Европейским союзом, Швейцарией, Тайванем, Японией и Южной Кореей. Благодаря этому страны-участницы соглашения признают органические сертификаты соответствия друг друга, выданные производителям и поставщикам товаров органического сельского хозяйства.

Органические продукты питания крепко укоренились в розничных торговых сетях Северной Америки. Крупные розничные продавцы продуктов питания в настоящее время осуществляют большую часть продаж. Все крупные супермаркеты предлагают органические продукты под частными лейблами. Так, O Organics (Safeway) и PC Organics (Loblaws) являются ведущими частными лейблами органической продукции в США и Канаде соответственно.

Европа. Рынок органических продуктов питания и напитков в этом регионе увеличился в 2015 году более чем на 10% до 31,1 млрд дол. США.

Германия имеет самый большой рынок, оцениваемый в 9,5 млрд дол. США. Французский рынок признан следующим крупнейшим, за ним идут рынки Великобритании, Италии и Швейцарии.

Эти пять рынков стран генерируют три четверти европейских продаж. Другие важные рынки органических продуктов находятся в Австрии, Швеции, Дании, Испании и Нидерландах. Крупнейшими потребителями органических продуктов являются скандинавские и альпийские страны. Самая высокая доля рынка приходится на Данию, где органические продукты составляют 8,4% от общего объема продаж продуктов питания [13].

Как и в Северной Америке, большинство продаж органических продуктов питания в Европе на современном этапе осуществляются ведущими розничными продавцами. Все ведущие супермаркеты предлагают органические продукты под частными лейблами. На территории Германии в супермаркетах, аптеках, дискаунтерах и магазинах органических продуктов питания были разработаны индивидуальные маркировки.

Центральная и Восточная Европа имеют небольшой, но растущий рынок органических продуктов. Основные потребительские рынки находятся в Чехии, Польше и Венгрии. В целом этот регион является значительным производителем и экспортером зерновых органических культур. Такие органические культуры экспортируются в Западную Европу, а органические товары конечного использования в основном импортируются обратно из того же региона.

Африка. В странах континента сконцентрировано более 400 тыс. органических сельскохозяйственных угодий, что составляет лишь 1% от площади органических земель в мире. Общее количество органических ферм превышает 175 тыс. Лидерами по общей площади органических сельхозугодий являются Тунис (155 тыс. га), Уганда (88), и ЮАР (50). Максимальная доля органических земель от всех сельскохозяйственных угодий характерна для Сан-Томе и Принсипи (5,2%), Туниса (1,6%) и Уганды (0,7%) [13].

В Африке велика площадь земель под органическими дикоросами, которая оценивается в 8 млн га, что в 20 раз больше площади под органическим сельским хозяйством (дикоросы принято не включать в состав сельского хозяйства). Основными продуктами, получаемыми с земель под дикоросами, являются мёд и аравийская камедь (застывший сок из коры деревьев).

Экспорт органических продуктов питания из стран Африки составляет более 90% от всего объема их производства. Египет экспортирует 12,5 тыс. т продукции, Уганда — 5 тыс. т продуктов питания, и ещё 3 тыс. т приходится на органический хлопок [13]. Основная часть продаж идет в страны Европы, куда поставляются органические плоды, овощи, кофе, какао, чай, сахар, орехи, пальмовое масло и пр.

Большинство органической продукции Африки сертифицируется согласно европейским стандартам. Собственная действующая система сертификации органических продуктов есть только в Тунисе; в Гане и Эфиопии также осуществляется собственная сертификация, но лишь на определенные виды продуктов. Благодаря привлечению на работу в сертифицирующие органы местных жителей удается снижать стоимость сертификации, хотя для многих фермеров она все еще остается высокой. Стоимость сертификации одной фермы в Восточной Африке согласно европейским стандартам обходится в 300—2 000 евро, хотя для индивидуальных фермеров эта стоимость может составлять лишь несколько долларов в год

Азия и другие регионы. Объем розничных продаж продуктов питания в Азии, Австралии и других регионах в 2015 году составили около 7,2 млрд дол. США [13].

Доля Азии в продажах органических продуктов питания продолжает расти. Китай имеет самый большой рынок в данном регионе. Страна переживает сдвиг, при этом производство переходит от экспортной к внутренней ориентации. Первоначально страна была крупным производителем таких органических продуктов, как масличные культуры и травы. На данный момент в стране производится много органических продуктов и напитков. Япония, Южная Корея и Тайвань также располагают значительными рынками органических продуктов.

Стремительный рост объемов некачественных продуктов питания в Азии стал основным стимулом для продажи органической продукции. Китай располагает большим рынком органической продукции отчасти потому, что были выявлены грубейшие нарушения при реализации испорченного мяса, обнаружение сточных вод в пищевых продуктах, загрязненная свинина и говядина, а также многочисленные случаи фальсификации и подделок. Самое громкое нарушение, связанное с продуктами питания, было выявлено в 2008 году, когда промышленный химический меламин был

обнаружен в составе детской смеси и в молочных продуктах. С тех пор наблюдается устойчивый рост объемов продаж органической детской смеси и органических продуктов детского питания в Китае.

Бразилия имеет крупнейший рынок органических продуктов в Латинской Америке. Бразильский рынок из-за политических и экономических кризисов в последние годы демонстрирует медленный рост. Другие страны Латинской Америки (Аргентина, Перу, Чили и Колумбия) имеют в основном экспортно-ориентированные органические рынки продуктов питания.

В Австралии есть большой и динамично развивающийся рынок органических продуктов. Распространение органических продуктов в супермаркетах и крупных розничных магазинах продуктов питания растет. Производители в Австралии и Новой Зеландии имеют высокую экспортную ориентацию, многие из которых нацелены на азиатские страны.

Небольшим, но растущим рынком органических продуктов характеризуется Ближний Восток. Большая часть спроса сосредоточена в крупных городах — Дубае, Абу-Даби, Каире и Эр-Рияде.

Совокупные мировые продажи органических продуктов питания и напитков увеличились с 18 млрд дол. США до 82 млрд дол. США за последние 15 лет [12].

С нашей точки зрения, тенденция к увеличению потребления органической продукции продолжит расти, при условии решения проблем реализации органических продуктов: спрос и предложение органической продукции.

1. Спрос на органическую продукцию. Формирование спроса на органическую продукцию является первостепенной задачей. Благодаря 179 странам, участвующим в производстве органической продукции, производство стало глобальным. Тем не менее, более 90% органических продуктов питания и напитков поступают из Северной Америки и Европы. Во многих частях Африки, Азии и Латинской Америки органические продукты производятся исключительно с целью экспорта. Даже в Австралии и Новой Зеландии многие производители органических продуктов питания имеют высокую экспортную ориентацию. В таких регионах должно быть больше региональных, если не местных рынков, предназначенных для экологически чистой продукции [13].

Согласно статистическим данным, в Европе и Северной Америке небольшой потребительский сегмент отвечает за большинство покупок органической продукции [1]. Поведение потребителей варьируется между регионами и между странами. Можно выделить основные факторы, влияющие на поведение потребителей органической продукции: польза или вред здоровью, экологическая чистота продукта, условия содержания животных, страх перед ГМО.

2. Предложение органических продуктов питания. В мире растет обеспокоенность по поводу реализации органической продукции. Продажи органических продуктов питания резко возросли за последние 15—20 лет, однако предложение отличается от спроса. Количество мировых органических сельскохозяйственных угодий увеличилось с 14,9 млн га до 50,9 млн га в период с 2000 по 2015 год (рисунок 1).

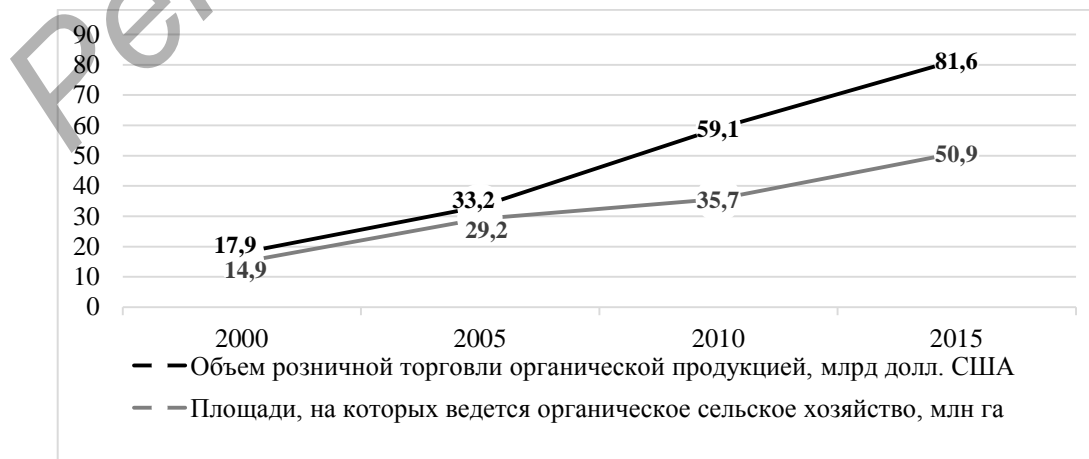

Рисунок 1. — Рост продаж органической продукции и увеличение органических сельскохозяйственных земель [13]

За период 2000—2015 годов глобальные продажи продуктов питания и напитков выросли на 356%. Этот рост наиболее выражен в Северной Америке, где количество органических сельскохозяйственных земель увеличилось с 1 млн га до 2,9 млн га в течение 15 лет. Для сравнения, продажи органических продуктов и напитков выросли почти в пять раз: с 9,1 млрд дол. США до 43,3 млрд дол. США. Странами с крупнейшими рынками органических продуктов питания на 2015 год являются Соединенные Штаты Америки (35,8 млрд евро), затем Германия (8,6 млрд евро), Франция (5,5 млрд евро) и Китай (4,7 млрд евро) [13].

При сравнении рынков органических продуктов по всему миру, лидерство отдается США: 43% мировых розничных продаж в натуральном выражении приходятся на это государство (27,1 млрд евро), за ними следуют Европейский союз и Китай. В 2015 году рост органического рынка отмечался во всех странах. Например, в Испании рынок вырос на 25%, что является самым большим показателем, в Ирландии — на 23%, а в Швеции — на 20% [13].

В глобальном масштабе в 2015 году на органические продукты питания было израсходовано 10,3 евро на одного человека. Наибольшее потребление органических продуктов на душу населения было зарегистрировано в европейских странах: в 2015 году Швейцария имела самое высокое потребление на душу населения во всем мире (262 евро), за ней следуют Дания (191 евро) и Швеция (177 евро) [13].

Согласно исследованию, проведенному компанией Markets and Markets, к основным тенденциям развития мирового рынка органической продукции относятся неуклонный рост производства, потребления и объема мировой торговли — как в натуральном, так и в стоимостном выражении. Причем рост прослеживается по всем товарным позициям без исключения [14].

Доля органического сектора в основных показателях продовольственного рынка развитых стран растет на 2—3% ежегодно. Концентрация спроса на сырьевые и готовые органические продукты наблюдается в Северной Америке и Западной Европе. На эти регионы приходится 96% доходов от продаж органики (42% и 54%, соответственно) [13]. Основные товаропотоки идут в направлении «Юг—Север».

В мире растет число как базовых, так и готовых изделий в органическом секторе, т. е. повышается степень товарной диверсификации, причем, не за счет того, что органики придумывают какие-то новые продукты, а за счет того, что все большее число товаров сертифицируется.

Для продвижения органической продукции на рынке необходимо учитывать специфику данной продукции и в соответствии с этим ее реализовывать. Планирование деятельности на рынке основывается на использовании набора методов, приёмов и установлении ориентиров на рынке сбыта.

Основными целями продвижения органической продукции являются:

- предоставление информации о преимуществах органического сельского хозяйства, акцент делается на сбалансированности растительной и животной продукции, снижении потерь питательных веществ и сохранении биоразнообразия;
- информирование потребителей об особенностях органической продукции, зачастую с использованием собственного бренда. Для рекламы могут устраиваться выставки и различные мероприятия, использоваться пресса, радио, спонсорская поддержка, интернет и мультимедиа, связи с общественностью, рекламные сувениры и размещение информации о продукции в СМИ;
- разработка устойчивой визуальной системы идентификации, с использованием товарного знака с высокой степенью узнаваемости;
- обеспечение потребителей информацией о продукции посредством интернет-ресурсов (т. е. с помощью веб-сайта, сообщений в социальных сетях, почты);
- создание имиджа бренда, заслуживающего доверие;
- продвижение экологической культуры и экобизнеса.

С нашей точки зрения, важнейшей проблемой для производителя органической сельскохозяйственной продукции является организация эффективной системы ее продвижения к потребителю.

Чтобы обеспечить эффективную систему сбыта, производитель органической сельскохозяйственной продукции должен выполнять следующие основные требования:

– регулярно проводить маркетинговые исследования на рынке органической продукции (исследование потребителей; конкурентов; конъюнктуры национального и мирового рынков, т. е. уровня и волатильности цен, объемов спроса и предложения, структуры предлагаемого на рынке ассортимента и др.);

– осуществить организацию органического производства, экологическую сертификацию и экологическую маркировку производимой сельскохозяйственной продукции;

– добиться того, чтобы производимая органическая сельскохозяйственная продукция стала конкурентоспособной на внутреннем и (или) внешнем рынках;

– разрабатывать и внедрять в практику хозяйствования дополнительные конкурентные преимущества для своей продукции.

Заключение. Анализируя перечисленные выше тенденции развития мировой розничной торговли органическими продуктами, можно сделать вывод о том, что сетевая торговля становится значительной и влиятельной силой, во многом определяющей развитие конкуренции на внутренних рынках органической продукции различных стран.

Развитие рынка органической продукции происходит ежегодно и большими темпами. На современном этапе жизни общества данное направление является одним из главенствующих.

Список цитируемых источников

1. IFOAM [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ifoam.bio/>. — Дата доступа: 13.10.2018.
2. *Гануш, Г. И.* Перспективы развития производства экологически безопасных (органических) продуктов питания в Беларуси / Г. И. Гануш, И. А. Грибоедова // Устойчивое развитие сельского хозяйства Беларуси в новых условиях / Ин-т систем. исслед. в АПК Нац. акад. наук Беларуси. — Минск, 2013. — С. 41—44.
3. *Корбут, Л. В.* О производстве органической продукции в фермерских хозяйствах Беларуси / Л. В. Корбут // Аграрная экономика. — 2009. — № 6. — С. 61—64.
4. *Лагодич, Л. В.* Устойчивость развития продовольственного рынка Республики Беларусь: теория и методология / Л. В. Лагодич; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т систем. исслед. в АПК. — Минск: Беларус. навука, 2015. — 256 с.
5. *Белова, И. Н.* Рынок органических продуктов: мировые тенденции и перспективы развития в России / И. Н. Белова, Е. А. Карслянц // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Экономика. — 2014. — № 2. — С. 40—48.
6. *Богатырёв, А. Н.* Проблемы и перспективы в производстве натуральных продуктов питания / А. Н. Богатырёв, И. А. Макеева // Пищевая промышленность. — 2014. — № 2. — С. 8—10.
7. *Воронкова, О. Ю.* Формирование органической системы регионального землепользования как составного элемента целостной системы сельского хозяйства страны / О. Ю. Воронкова // Фундам. исслед. — 2014. — № 9. — С. 1282—1286.
8. *Елисеева, Л. Г.* Тенденции развития международной интегрированной системы обеспечения безопасности и повышения конкурентоспособности продукции АПК / Л. Г. Елисеева // Пищевая промышленность. — 2011. — № 9. — С. 18—21.
9. *Матягина, А. М.* Органическое сельское хозяйство: международный опыт и российская действительность / А. М. Матягина, Ю. А. Грачева // Кондитер. и хлебопекар. пр-во. — 2013. — № 9. — С. 34—36.
10. *Полушкина, Т. М.* Органическое сельское хозяйство в системе устойчивого развития сельских территорий // Проблемы теории и практики управления. — 2016. — № 3. — С. 133—142.
11. Развитие мирового рынка органического земледелия бьет рекорды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://look.bio/post/show/485>. — Дата доступа: 13.10.2018.
12. Organic Trade Association [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ota.com/>. — Дата доступа: 09.10.2018.
13. The world of organic agriculture // Statistics and emerging trends 2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shop.fibl.org/CHen/mwdownloads/download/link/id/785/?ref=1>. — Дата доступа: 09.10.2018.
14. Markets and Markets [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.marketsandmarkets.com/>. — Дата доступа: 09.10.2018.

Поступила в редакцию 06.11.2018

УДК 347.61/.64; 314.1:316.2

М. В. Андрияшко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (163) 45 26 59, andryiashkomv@mail.ru

**ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ — ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ДЕГРАДАЦИИ
ИНСТИТУТА СЕМЬИ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ**

В законодательстве зарубежных стран проблематике противодействия домашнему насилию уделяется повышенное внимание. Специальные законы приняты более чем в ста государствах мира, в том числе практически во всех государствах постсоветского пространства (за исключением Республики Беларусь, Узбекистана, Туркменистана и Российской Федерации). В Республике Беларусь исследования, посвященные взаимосвязи здоровья семьи и демографической безопасности в аспекте правового регулирования, встречаются редко. В связи с этим возник замысел проанализировать подходы, встречающиеся в теории, к пониманию феномена домашнего насилия, а также, оценив с учетом статистических данных масштаб практик домашнего насилия в Республике Беларусь, предложить изменения в законодательство.

Ключевые слова: домашнее насилие; бытовая преступность; демографическая угроза; демографическая безопасность; показатель.

Библиогр.: 9 назв.

M. V. Andryiashka

Baranovich State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str.,
225404 Baranovich, the Republic of Belarus, +375 (163) 45 26 59, andryiashkomv@mail.ru

**DOMESTIC VIOLENCE: AN ADDITIONAL INDICATOR OF THE DEGRADATION
OF THE FAMILY INSTITUTE AS A DEMOGRAPHIC THREAT**

In foreign legislation, the increased attention is paid to the issue of combating domestic violence. Special laws have been adopted in more than 100 countries around the world, including almost all the states of the post-Soviet space except the Republic of Belarus, Uzbekistan, Turkmenistan and the Russian Federation. In the Republic of Belarus the studies on the interdependent relationship of family health and demographic security in the aspect of legal regulation are rare. In this regard, the idea to analyze the existing approaches to understanding of the phenomenon of domestic violence has been developed. Taking into account the statistics of domestic violence in the Republic of Belarus, some changes of legislation have been proposed.

Keywords: domestic violence; domestic crime; demographic threat; demographic security; indicator.

Ref.: 9 titles.

Введение. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 года № 80-З «О демографической безопасности» [1], под демографической безопасностью понимается состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами (абзац второй). Понятие «демографические угрозы» дефинировано названным законом как демографические явления и тенденции, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь (абзац третий).

Семейно-бытовая сфера представляет интерес с точки зрения качества возникающих и существующих внутри нее обеспечивающих демографическую безопасность отношений, что следует из содержания ст. 3 Закона «О демографической безопасности» [1], согласно которой деградация института семьи как угрозы демографической безопасности (часть первая) определяется коэффициентами брачности и разводимости (часть вторая).

Результаты исследования и их обсуждение. Основными функциями, исполняемыми в сфере семейно-бытовых отношений, С. В. Максимов и В. П. Ревин называют первичную социализацию детей, развитие членов семьи и саморазвитие, восстановление физических и психических сил человека, защиту личности [2, с. 5].

Осуществление указанных выше функций «...подразумевает межличностные и межгрупповые контакты, которые протекают на уровне малых бытовых социальных групп, преимущественно семьи, иных родственных общностей и соседского окружения. Именно в этих социальных группах наиболее устойчивы социально-психологические связи, формирующиеся на основе личного общения, которые при определенных условиях и при воздействии определенных факторов могут приводить к формированию криминальной мотивации, решению совершить преступление и к реализации этого решения» [3, с. 309].

Выделение перечисленных функций позволяет структурировать внутреннюю архитектуру семейно-бытовой сферы, представленную С. В. Максимовым и В. П. Ревиним, следующим образом: 1) внутрисемейная сфера (супружеские и родительские отношения); 2) личностно-бытовая сфера (отношения в бытовых группах вне семьи); 3) общественно-бытовая сфера (общественный быт, бытовые услуги, общение в публичных местах) [2, с. 6].

В представленном виде структура семейно-бытовой сферы понимается в широком смысле слова «быт», который «делится на общественный (транспорт, коммунальные учреждения, например, больницы, иные общественные места) и домашний (жилища людей)» [2, с. 5].

К малым бытовым социальным группам следует отнести не только группы, объединенные семейными (супружескими и родительскими), родственными и соседскими отношениями, но и группы, возникающие в отношениях свойства, квартирантства. Данные группы могут содержать и более мелкие диады, в частности: 1) супруги и сожители; 2) родители и дети; 3) братья и сестры; 4) бабки, деды и внуки; 5) тещи и зятья; 6) свекрови и снохи; 7) свояки; 8) соседи по коммунальной квартире, дому, двору (в городе), улице (в селе), общежитию; 9) квартиранты и собственники жилья [4, с. 26—27].

Мнение С. В. Максимова и В. П. Ревина, определивших сферу семейно-бытовых отношений как «комплекс исторически обусловленных традиций, обычаев, нравов, составляющих уклад непродуцированной жизни человека, предполагающих наличие определенной системы социальных отношений между людьми в общностях семейных, соседских, которые могут быть ограничены социально-психологическими связями, возникающими при постоянном общении (в квартире, доме, общежитии) и выполняющими функции удовлетворения потребностей людей» [2, с. 6], разделяем и считаем справедливым.

Заслуживающим внимания является ретроспективный обзор положений советского законодательства о бытовых преступлениях, представленный Б. Г. Тугельбаевой и А. Д. Хамзаевой, отметивших, что «...еще в 20-х годах XX века многих исследователей интересовала тема бытовой преступности. В юридической литературе понятие “бытовое преступление” появилось в 1924 году, когда в Уголовный кодекс РСФСР была введена глава IX “Преступления, оставляющие пережитки родового быта”. Согласно существовавшим в то время представлениям, под бытовыми преступлениями понимались такие, которые составляли пережитки родоплеменных отношений, хотя и предпринимались попытки их определения уже “как бытового явления”. Поскольку длительное время действовала идеологическая установка о том, что собственных причин преступности в условиях социализма нет, вышеуказанная глава сохранилась с некоторыми

изменениями в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, а также вошла в уголовные кодексы других советских республик. И только в связи с коренным поворотом в уголовной политике, произошедшим в шестидесятые годы прошлого века, изменением названия указанной главы на “преступления, составляющие пережитки местных обычаев” в Уголовном кодексе РСФСР 1961 года, термин “бытовые преступления” утратил свое первоначальное значение и стал пониматься в ином смысле» [4, с. 27].

Отмечается, что «появившиеся в это же время <...> карточки учета в МВД зарегистрированного преступления с указанием в них мотивов совершения преступления, таких, как “ссора, ревность и другие бытовые мотивы”, привели к возрождению термина “бытовое преступление”. При этом в юридической литературе появились разные понятия для обозначения проблемы бытовых преступлений: “преступления, совершаемые в семейно-бытовой сфере”, “преступления на бытовой почве”, “преступления, совершаемые по бытовым мотивам”, “преступления, совершаемые на почве бытовых конфликтов” и др.» [4, с. 28].

По мнению О. В. Старкова, основной недостаток почти всех определений бытовых преступлений заключается в смешении двух уровней: общесоциального, т. е. преступность в сфере быта, и личностно-микросредового — преступное поведение членов бытовых социальных групп друг против друга. Указанный недостаток является неизбежным, «...поскольку бытовые преступления должны отличаться по одному основанию, которым является понятие “бытовое”, а оно может выделяться на обоих уровнях» [5, с. 29].

В целом интерес представителей научного сообщества к проблемам домашнего насилия характеризуется как живой, способствующий продолжению научных дискуссий, не только констатации наличия определенных проблем в этой сфере, но и формированию предложений, направленных на совершенствование законодательства в целях предупреждения фактов домашнего насилия.

Например, кыргызские ученые предлагают понимать под «домашним (семейным насилием)» «любое умышленное действие одного члена семьи в отношении другого, если это действие ущемляет законные права и свободы члена семьи, причиняет ему физические или психические страдания и наносит моральный вред или содержит угрозу физическому или личностному развитию несовершеннолетнего члена семьи» [4, с. 197—198]. Несмотря на свое широкое распространение, домашнее насилие имеет латентный характер и большую общественную опасность, поскольку оно не только угрожает жизни и здоровью людей, но и формирует гендерные роли и стереотипы, проецирующиеся впоследствии на общество в целом [4, с. 198]. Полагаем, наибольшей опасностью противоправные действия, состоящие в домашнем насилии, обладают для несовершеннолетних, воспитываемых в семьях, практикующих такую модель поведения. Ведь гены — это семена, а воспитание — свет и солнце.

В пункте 10 статьи 1 Закона Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» [6] под «семейным насилием» предложено понимать умышленные действия физического, психологического, экономического характера или их угроза, а также пренебрежительное отношение, совершенные одним членом семьи / приравненным к нему лицом в отношении другого члена семьи / приравненного к нему лица.

При этом, согласно пункту 7 ст. 1 указанного Закона, к «приравненным к членам семьи лицам» отнесены лица, состоящие в фактических брачных отношениях; лицо, предоставляющее содержание нетрудоспособному или несовершеннолетнему иждивенцу, и непосредственно сам нетрудоспособный или несовершеннолетний иждивенец; родители супругов; иные родственники, проживающие совместно [6].

В целом следует отметить, что в законодательстве зарубежных стран проблематике противодействия домашнему насилию уделяется повышенное внимание. Специальные законы приняты более чем в 120 государствах мира, в том числе практически во всех государствах постсоветского пространства (за исключением Республики Беларусь, Узбекистана, Туркменистана и Российской Федерации).

Сфера действия подобных законов, что отражается в их наименовании, направлена на противодействие (борьбу, предупреждение, профилактику, предотвращение) «насилию в семье» либо «семейному насилию» (Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Армения, Кыргызская Республика), «бытовому насилию» (Республика Казахстан, Азербайджанская Республика), «насилию в близком окружении» (Литовская Республика), «гендерному насилию» (Австрия, Испания), но в большинстве случаев — «домашнему насилию» как комплексной проблеме, охватывающей вопросы противодействия указанному явлению как в кругу семьи, так и со стороны бывших супругов либо граждан, которые совместно проживают (проживали) одной семьей, но не находятся (не состояли) в браке между собой (большинство стран используют в законодательстве общеупотребимый англоязычный термин «домашнее насилие» (англ. "domestic violence"), в том числе на постсоветском пространстве — Грузия, Украина).

В Республике Беларусь предпринимаются только первые шаги по выделению деликтов в сфере домашнего насилия. Удельный вес преступлений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь, в период с 2012 по 2017 год не превышает 3% от общего количества зарегистрированных. За 11 месяцев 2017 года совершено 2 264 подобных противоправных деяний [7].

Вместе с тем имеется ряд негативных тенденций, связанных с криминогенной обстановкой в бытовой сфере, не позволяющих оценивать ситуацию лишь в общестатистической плоскости. От общего числа зарегистрированных в 2017 году убийств (308) членами семьи совершены 87 (28,2%) [7].

В то же время основное количество бытовых преступлений составляют преступные деяния, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие. Как правило, они возбуждаются по ст. 153 (умышленное причинения легкого телесного повреждения), 154 (истязание) и 186 Уголовного кодекса Республики Беларусь (угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества) [8]. Это так называемые превентивные (упреждающие) статьи. Инициирование возбуждения дел по ним позволяет не допустить совершения более опасных, тяжких преступлений. В текущем году доля «превентива» в бытовом криминале составила 80,6% [7].

По-прежнему значительное количество бытовых преступлений совершается неработающими и неучашимися (56,4%) и имеющими судимость (24,2%) лицами [7]. Учитывая такое положение, основным приоритетом профилактических мероприятий является оказание гражданам содействия в трудоустройстве с обеспечением системного профилактического воздействия в отношении неработающих и ранее судимых подучетных лиц.

В состоянии алкогольного опьянения совершены 77,9% таких уголовных деяний. Значительная часть бытовых преступлений совершены в период времени с 18 до 24 часов — 41,4%, при этом наибольшее их количество — в субботу (18,0%) (от числа оконченных расследованием). Большинство бытовых преступлений совершается мужчинами, а их жертвами, как правило, становятся женщины (1 621, или 77,6%). На момент совершения преступлений 348 потерпевших (16,7%) находились в состоянии алкогольного опьянения [7].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости разработки комплекса мер, направленных на предупреждение домашнего насилия (насилия в семье), оказание помощи пострадавшим от домашнего насилия, превентивное воздействие в отношении граждан, совершивших домашнее насилие, установление контроля и ответственности в сфере работы по противодействию домашнему насилию, сокращение фактов домашнего насилия. Одним из шагов в этом направлении является разработка Министерством внутренних дел Республики Беларусь концепции проекта Закона Республики Беларусь «О противодействии домашнему насилию».

В концепции указанного проекта под домашним насилием предложено понимать умышленные действия физического, психологического, сексуального или экономического характера, члена семьи (бывшего члена семьи), близкого родственника по отношению к другому члену

семьи (бывшему члену семьи), близкому родственнику, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания.

Институт семьи является уникальным социальным институтом социализации детей. В соответствии с частью первой ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, под семьей понимается объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления. Деструкция любой этиологии влияет на становление и развитие характера молодого гражданина Республики Беларусь и стабильность демографической безопасности в стране.

Заключение. Полагаем, фактически деградация института семьи как демографической угроз не столько и не только измеряется показателями коэффициентов брачности и разводимости, как определено в действующем законодательстве о демографической безопасности.

В аспекте обеспечения демографической безопасности особое значение приобретают вопросы здоровья институтов семьи и брака, определяемого качеством выполнения возлагаемых на эти институты функций. Учитывая представленные выше результаты размышлений, ретроспективных обзоров, статистических данных, законотворческой деятельности, представляется целесообразным внести предложение о дополнении части второй ст. 3 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 года № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» новым абзацем следующего содержания: «коэффициент бытовых преступлений».

Реализация внесенного предложения дополнит набор существующих показателей деградации института семьи (коэффициенты брачности и разводимости) и в большей мере достоверно позволит определять состояние институтов брака и семьи в Республике Беларусь в целях обеспечения демографической безопасности.

Список цитируемых источников

1. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г., № 91-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 18.01.2018. — 2/2529.
2. Максимов, С. В. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики / С. В. Максимов, В. П. Ревин. — М. : Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1993. — 56 с.
3. Криминология / под общ. ред. А. И. Долговой. — М. : НОРМА, 2001. — 784 с.
4. Тугельбаева, Б. Г. Криминология: проблемы предупреждения домашнего (семейного) насилия / Б. Г. Тугельбаева, А. Д. Хамзаева. — Бишкек : Изд-во КРСУ, 2012. — 210 с.
5. Старков, О. В. Бытовые насильственные преступления / О. В. Старков. — Рязань : Ряз. высш. шк. МВД РФ, 1992. — 89 с.
6. Об охране и защите от семейного насилия : Закон Кыргызской Респ., 27 апр. 2017 г., № 63 // Эркин Тоо. — 09.05.2017. — № 56.
7. Предупреждение правонарушения в быту [Электронный ресурс] : М-во внутр. дел Респ. Беларусь, 2010—2018. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=13911>. — Дата доступа: 21.08.2018.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 131-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.07.2018. — 2/2569.
9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. № 278-3 ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 135-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.07.2018. — 2/2573.

Поступила в редакцию 31.08.2018

УДК 340.1

А. Ф. Вишнеvский¹, Ю. А. Мелеховец²

¹Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
Министерство внутренних дел Республики Беларусь, пр. Машерова, 6,
220005 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 289 21 02

²Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (44) 754 54 00, melekhavets89@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

До недавнего времени в отечественной учебной и научной литературе господствующим и единственно правильным считался классово-формационный подход к типологии государства и права. Между тем мировая политико-правовая мысль разработала и другие концепции типов государства и права. Наиболее широкое признание в западной научной литературе получил цивилизационный подход, в основе которого лежит идея соотношения государства и социально-экономического строя с учетом духовно-нравственных и культурных факторов общественного развития. В связи с этим есть основания полагать, что действительно научное проникновение в сущность государства и права возможно при сочетании формационного и цивилизационного подходов к определению типологии государства и права.

Ключевые слова: типология государства и права; классово-формационный подход; цивилизационный подход.
Библиогр.: 17 назв.

A. F. Vishnevsky¹, Yu. A. Melehovets²

¹Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 6 Mashеров ave., 220005 Minsk, +375 (17) 289 21 02

²Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (44) 754 54 00, melekhavets89@gmail.com

PROBLEMS OF THE TYPOLOGY OF STATE AND LAW IN MODERN THEORETICAL LEGAL SCIENCE

Until recently, in the domestic educational and scientific literature, the class-formation approach to the typology of state and law was considered the dominant and the only correct one. Meanwhile, the world political and legal thought has developed other concepts of types of state and law. The civilization approach has been widely recognized in the Western academic literature: it is based on the idea of the relationship between the state and the socio-economic system, taking into account both the nation's spiritual and moral foundations, and the cultural factors of social development. In this regard, it is reasonable to assume that a truly scientific insight into the essence of state and law is possible with a combination of formational and civilization approaches to their typology.

Key words: typology of state and law; class-formation approach; civilization approach.
Ref.: 17 titles.

Введение. Последние три десятилетия существенно изменили карту юридической науки на постсоветском пространстве. Дело в том, что с распадом СССР стала меняться исходная концептуальная модель постановки проблем правоведения и государствоведения и их решения, методов исследования, господствовавшая в течение 70 лет. Иными словами, стала меняться парадигма юридического знания. На смену марксистской классовой теории, не допускавшей альтернативных подходов к анализу социальных процессов, в правоведение и государствоведение,

как и в другие сферы научной деятельности, достаточно быстро вошел методологический плюрализм, оценки и подходы, которые ранее были мало известны юридической науке советского периода, включая проблемы правопонимания, формирования и действия права, а также оценки государства как управляющей организации общества.

А ведь руководствуясь правовыми предписаниями, обращаясь в различные органы государства, мы часто не задумываемся над тем, в силу каких причин государство и право возникли и существуют, каковы их внутренняя природа и назначение, механизм их взаимодействия и функционирования. Ответить на поставленные вопросы помогают вышедшие в последние годы монографические исследования, научные статьи, учебники по проблемам теории государства и права [1—5].

Результаты исследования и их обсуждение. Весьма глубокое обоснование и широкое признание получила концепция, согласно которой государство и право, как части единой по своей социальной природе политико-правовой действительности подчиняются общим объективным закономерностям развития общества. Они возникают одновременно, в результате одних и тех же причин, развиваются взаимосвязано и выполняют единые экономические, политические, социальные и другие функции, их исторические судьбы неразрывны. Государство не может выполнять свое социальное назначение без того, чтобы не предписывать в нормативной форме индивидам, государственным органам и организациям определенное поведение, не обеспечивать использование юридических прав и исполнение обязанностей, в том числе и мерами принудительного воздействия. Иначе говоря, государство оказывает формирующее воздействие на право, независимо от того, какие факторы в конкретных исторических условиях являются определяющими — экономические, политические, социальные, религиозные или иные. В то же время право оказывает обратное влияние на государство, связывая его органы конституционными и иными нормами, упорядочивает их деятельность, вводит ее в законное русло [6, с. 10]. Теоретическим и практическим подтверждением неразрывного единства и взаимообусловленности государства и права является широкое признание концепции правового государства и его формирование в современном цивилизованном мире. Как отмечает профессор В. А. Кучинский, государство, будучи на различных этапах исторического развития властвующей политической организацией определенной социальной группы, пришедшей к власти политической партии или харизматической личности, создает право как совокупность законодательных актов, выражающих прямо или косвенно их политическую волю и так или иначе отражающих интересы определенной части населения. Право является наиболее эффективным инструментарием претворения в жизнь государственной политики, выражающим в той или иной мере и в зависимости от конкретных исторических условий как требования достигнутой в обществе социальной свободы, так и явные или скрытые намерения властвующей элиты. С другой стороны, и само государство, присущие ему форма правления, территориальное устройство и политический режим нуждаются в юридическом оформлении, в закреплении правовыми нормами порядка образования, организации, компетенции и форм деятельности государственных органов. Все это означает, что государство и право — две неразрывно связанные между собой стороны одного и того же исторического явления — организации политической власти в обществе, ибо они не могут ни существовать, ни функционировать друг без друга [1, с. 92—93]. Следовательно, государство и право не должны искусственно разрываться, они не могут всесторонне изучаться в отрыве одно от другого. «Исследовать государство в отрыве от права, — подчеркивает академик Э. А. Поздняков, — а то и другое — от политики — занятие малопродуктивное, способное дать лишь частичное, но не полное представление об исследуемом феномене» [7, с. 6].

Для понимания сущности государства и права большое значение имеет их типология. Необходимость отнесения государства и права к тому или иному типу связана с их исторической многообразностью, качественными различиями в их социальной природе и устройстве. По своей сути, типология — есть научное отражение естественноисторического процесса развития государства и права, исторически неизбежной смены одних типов государства и права

другими. Первые попытки типизации государств, несмотря на отсутствие достаточного опыта политико-правового строительства, встречаются уже в концепциях мыслителей древности. Так, Платон делил государства на идеальные и второго рода, Аристотель — на правильные и неправильные. Полибий в основе смены циклов в развитии государств видел изменения в соотношении государственной власти и человека [8, с. 60—61, 67—70].

Прогрессивные ученые прошлого искали те пути общественного развития, при которых государство выступало бы главным инструментом установления социальной справедливости. Из этого принципиального положения исходила передовая политико-правовая мысль, конструируя типологию государства и права. Так, известный правовед Г. Кельзен считал, что в основе типизации современных государств лежит идея политической свободы, поэтому выделяются два типа государственности: демократия и автократия. Отвлекаясь от других типологических признаков государства, Г. Кельзен концентрирует внимание на человеческом факторе, который в основном и определяет демократизм государственной власти [9].

Профессор США Р. Макайвер и немецкий политолог Р. Дарендорф также делят государства на два типа: антидемократические и демократические. Различия между ними видят в степени ограничения государственной властью воли народа. При этом Р. Дарендорф утверждает, что в результате постепенной демократизации общество классовой борьбы становится обществом граждан, в котором есть все основания для цивилизованного общественного бытия [10; 11].

Известный российский правовед В. С. Нерсесянц выделяет этнический, сословный, индивидуально-политический и гуманитарно-правовой типы государства и права, которые представляют собой исторически сменявшие друг друга «формы и ступени роста в развитии человеческой свободы от древности до современности» [12, с. 57].

Диалектико-материалистическая трактовка типологии государства и права основана на марксистском учении о смене общественно-экономических формаций. И каждой из них соответствует свой исторический тип государства и права. Так, рабовладельческой формации свойствен рабовладельческий тип государства и права, феодальной — феодальный и т. д.

Некоторыми исследователями выделяется политико-правовая, или собственно-юридическая типология государств. Согласно этому подходу критерием типологии государств являются «особенности государственно-правовой системы, характеризующие правовое положение различных слоев населения и способы государственной защиты социального статуса граждан» [13, с. 35]. В соответствии с указанным критерием выделяют три типа государства: сословное, представительное и цивилизованное.

Итак, понятие «тип государства», так же, как и «тип права», многомерно и многовариантно. Оно строится на различных научных доктринах и дает возможность более полно отразить изменяющуюся сущность государства и права, особенности их возникновения и эволюции, увидеть в целом естественноисторический прогресс в развитии государственно-организованного общества.

Исходя из сказанного, под историческими типами государства и права следует понимать совокупность наиболее существенных признаков, черт, свойственных государствам и правовым системам определенной общественно-экономической формации или этапа развития человеческой цивилизации.

Определение исходит из того, что в настоящее время в теории государства и права вопросы типологии этих социальных феноменов рассматриваются преимущественно в двух аспектах — формационном и цивилизационном.

На формационном подходе базируется марксистская типология государства и права. В ее основе лежит категория общественно-экономической формации, которая является историческим типом общества, основанным на определенном способе производства. Уровень развития производительных сил определяет материальную базу общества, а производственные отношения, складывающиеся на основе господствующей формы собственности на средства производства, составляют базис общества, которому соответствуют определенные политические, государственно-правовые и другие

надстроечные явления. Переход от одной общественно-экономической формации к другой происходит в результате смены отживших форм производственных отношений новым экономическим строем. Качественные изменения экономического базиса влекут за собой коренные преобразования в надстройке. Государства, которые имеют общую экономическую основу, несмотря на конкретные особенности, могут быть отнесены к одному типу. В контексте сказанного следует учитывать тот факт, что в формационном уяснении развития общества типы государства и типы права не выделяются самостоятельно. Речь идет о единых исторических типах государства и права. «Объясняется это,— пишет профессор А. В. Мицкевич,— тем, что за правом не признавалось собственной истории, отдельной от истории государства, что история права — это часть истории государства» [14, с. 76].

Таким образом, согласно формационному подходу, исторический тип государства и права определяется на основании того, на каком базисе основывается это государство, интересам какого господствующего класса оно служит. Понятно, что при таком подходе государство рассматривается как классовая организация.

Марксистская типология выделяет три основных типа эксплуататорского государства (рабовладельческое, феодальное, буржуазное) и социалистическое государство, которое в ближайшей исторической перспективе должно было перерасти в общественное коммунистическое самоуправление.

В марксистской литературе подчеркивается, что каждая общественно-экономическая формация на этапе становления обеспечивает развитие производительных сил, поскольку производственные отношения в этих условиях носят прогрессивный характер. Второй этап характеризуется соответствием производственных отношений уровню развития производительных сил общества, что свидетельствует о расцвете соответствующей экономической формации. На третьем этапе уровень развития производительных сил перестает соответствовать старым производственным отношениям, что вызывает формирование новых. Количественное их накопление приводит к качественным изменениям, видоизменяются формы собственности, что связано с появлением новых классов и социальных групп с противоположными интересами, а это в свою очередь требует их государственного оформления. Происходит социальная революция, рождается политическая организация, иная по своей сущности, целям, задачам и функциям, возникает новый тип государства и права.

Таким образом, смена одной общественно-экономической формации другой знаменует собой смену системы производственных отношений — экономического базиса, возникающей на его основе надстройки, а вместе с ней — соответствующего типа государства и права (рабовладельческого, феодального, капиталистического, социалистического).

Классово-формационный подход к типологии государства и права до недавнего времени в отечественной учебной и научной литературе был господствующим и считался единственно правильным. Между тем мировая политико-правовая мысль разработала и другие концепции типов государства и права. Пожалуй, наиболее широкое признание в западной научной литературе получил *цивилизационный* подход. Все большее признание он получает и в современной отечественной науке.

Суть цивилизационного подхода заключается в том, что за основу классификации государств и правовых систем берется не принадлежность их к той или иной общественно-экономической формации, а их причастность к той или иной цивилизации. При этом за основу понятия цивилизации берутся не материальные, социальные или иные им подобные элементы, а прежде всего духовные, культурные факторы.

Понятие цивилизации в наиболее развернутом виде было сформулировано крупнейшим специалистом в области философии истории, английским мыслителем А. Дж. Тойнби. Цивилизация определялась им как относительно устойчивое состояние общества, которое отличается общностью религиозных, культурных, психологических и иных признаков [15, с. 35—37]. Тойнби полагает, что культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономические и тем более политические факторы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации.

В отличие от примитивных обществ характерными особенностями состоявшихся цивилизаций являются также продолжительность их существования, охват обширных территорий и распространение на огромное число людей.

Современные белорусские исследователи (Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский), исходя из цивилизационного подхода, дают следующую типологию государств: древние государства (древневосточные, древнегреческое, древнеримское); средневековые государства (западноевропейские, восточноевропейские, азиатские); современные государства (развитые — социальные, правовые; развивающиеся) [16, с. 13].

По типам цивилизаций классифицируют и типы права. Так, к древнему праву обычно относят древневосточное обычное, древнегреческое полисное, римское право; к средневековому — восточно-религиозное, европейское партикулярное, раннепрецедентное право; к современному — религиозно-традиционное, англосаксонское общее (прецедентное), романо-германское право [16, с. 28].

Цивилизационный подход к истории человеческого общества позволяет более обстоятельно объяснить ту или иную историческую эпоху. Человек при таком подходе рассматривается как творческая личность, а не только как представитель определенного класса. Цивилизационный подход позволяет видеть не только противостояние классов и социальных групп, но и сферу их взаимодействия. Это значит, что государство рассматривается не как инструмент политической власти определенного класса, а как важнейший фактор социально-экономического и духовного развития общества, консолидации людей, удовлетворения потребностей человека. В основе цивилизационного подхода лежит идея соотношения государства и социально-экономического строя с учетом духовно-нравственных и культурных факторов общественного развития. В этом контексте *цивилизацию* можно определить как *социокультурную систему, включающую как социально-экономические условия жизнедеятельности общества, так и этнические, религиозные ее основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности.*

Однако, сравнивая цивилизационный подход к типологии государства и права с формационным подходом, следует обратить внимание, по крайней мере, на два его существенных изъяна, которые ставят под сомнение саму возможность эффективности использования только цивилизационного подхода. Это, во-первых, весьма существенная неопределенность и аморфность понятия «цивилизация», используемого в качестве критерия классификации государств и правовых систем. И, во-вторых, изначальная направленность «цивилизации» на классификационную характеристику высокоразвитых обществ и их объединений, а не на типологию государств и правовых систем.

По-видимому, имеется рациональное зерно и у тех исследователей, которые, в целом положительно оценивая цивилизационный подход за то, что он верно характеризует определенные черты государства прежде всего как политического сообщества, обращают внимание и на то, что он не обладает точными критериями для классификации типов государства. Не случайно их число в различных работах А. Тойнби менялось, некоторые типы изымались, другие объединялись. «Еще меньше в таком подходе точных критериев для классификации государства по характеру государственной власти, а такие критерии особенно важны для классификации типов государства как политического института, политической организации» [17, с. 112]. Профессор Г. В. Назаренко обращает внимание на «отсутствие (в цивилизационной типологии. — *А. В., Ю. М.*) собственно юридического подхода к государству, в результате чего предметом классификации государства выступает общество» [13, с. 35].

Заключение. В связи с вышеизложенным есть основания полагать, что действительно научное проникновение в сущность государства и права, правильное понимание соотношения этих социальных феноменов с существующим социально-экономическим строем возможны при сочетании двух рассмотренных подходов к определению типологии государства и права — формационного и цивилизационного. Более того, использование вышеназванных подходов в качестве критерия типологии государств и правовых систем не закрывает путь к поиску и раскрытию иных научных критериев.

Список цитируемых источников

1. *Вишневский, А. Ф.* Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского. — 3-е изд. пересмотр. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. — 478 с.
2. *Вишневский, А. Ф.* О соотношении теорий правопонимания и происхождения права / А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский // *Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь.* — 2015. — № 1 (29). — С. 192 — 199.
3. *Звонарева, О. С.* Власть и право (цивилизационно-культурный анализ) / О. С. Звонарева. — Минск : Белорус. наука, 2006. — 93 с.
4. *Марченко, М. Н.* Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. — М. : Проспект, 2013. — 400 с.
5. *Сільчанка, М. У.* Паходжанне дзяржавы і права / М. У. Сільчанка. — Мінск : Тэсей, 2005. — 144 с.
6. *Вишневский, А. Ф.* Общая теория государства и права — методологическая наука и учебная дисциплина в контексте современных подходов изучения ее предмета / А. Ф. Вишневский // *Право. ВУ.* — 2017. — № 5. — С. 10—16.
7. *Поздняков, Э. А.* Философия государства и права / Э. А. Поздняков. — М. : Полиграф-Сервис, 1995. — 320 с.
8. *История политических и правовых учений* / под ред. В. С. Нерсесянца. — М. : Норма-Инфо, 1999. — 736 с.
9. *Кельзен, Г.* Общая теория государства и права / Г. Кельзен. — Кембридж, 1946. — 215 с.
10. *Макайвер, Р.* Современное государство / Р. Макайвер. — Оксфорд, 1964. — 186 с.
11. *Дарендорф, Р.* Фрагменты нового либерализма / Р. Дарендорф. — Штутгарт, 1987. — 308 с.
12. *Нерсесянц, В. С.* Теория права и государства / В. С. Нерсесянц. — М. : Норма, 2001. — 272 с.
13. *Назаренко, Г. В.* Теория государства и права / Г. В. Назаренко. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Познавательная книга плюс, 1999. — 176 с.
14. *Теория государства и права* / под общ. ред. А. С. Пиголкина. — М. : Городец, 2003. — 544 с.
15. *Тойнби, А. Дж.* Постигание истории : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. — М. : Прогресс, 1996. — 608 с.
16. *Горбатов Н. А.* Общая теория права. Основные понятия и логические схемы / Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. — Минск : Экон. технологии, 1996. — 80 с.
17. *Чиркин, В. Е.* Государствоведение / В. Е. Чиркин. — М. : Юрист, 1999. — 400 с.

Поступила в редакцию 07.05.2018

УДК 347.963 (476) (091) Г 78

И. М. ГрачеваПрокуратура Брестской области, ул. Фомина, 15, 224000 Брест, Республика Беларусь,
+375 (29) 801 13 09, Iris0877@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ БССР В 1920-Х ГОДАХ

Рассмотрены основные этапы становления органов прокуратуры БССР в 1920-х годах из системы наркомата юстиции. Описаны основные организационные действия, предпринятые советской властью на белорусских землях для создания самостоятельного аппарата органов прокуратуры. Проанализированы заимствования, внесенные в становление белорусской прокуратуры из российского опыта XVIII—XIX веков, а также влияние прокуратуры РСФСР. Фактически возникшая из наркомата юстиции прокуратура БССР стала продолжателем наработанных со времен Петра I традиций, которые откорректированы классовым характером нового государства.

Ключевые слова: прокуратура; законность; государственные органы; административно-территориальное деление; судебная реформа; надзор; правоохранительные органы; юстиция.

Библиогр.: 13 назв.

I. M. HrachovaBrest Region Prosecutor's Office, 15 Fomina str., 224000 Brest, the Republic of Belarus,
+375 (29) 801 13 09, Iris0877@yandex.ru

FORMATION OF PROSECUTOR'S OFFICES OF THE BSSR IN THE 1920'S

The main stages of the formation of the prosecution offices of the BSSR in the 1920's from the system of the People's Commissariat of Justice has been considered. The main organizational actions taken by the Soviet authorities in the Belarusian territories in order to create an independent prosecutor's office are described. The borrowings made to the establishment of the Belarusian prosecutor's office from the Russian experience of the 18—19 centuries, as well as the influence of the RSFSR prosecutor's office are analyzed. In fact, the prosecutor's office of the BSSR, which emerged from the People's Commissariat of Justice, became the successor of the traditions developed since the time of Peter I, which were adjusted by the class character of the new state.

Key words: prosecution; law; government agencies; administrative and territorial division; judicial reform; supervision; law enforcement agencies; justice.

Ref.: 13 titles.

Введение. Надзор за исполнением законодательства, соблюдением прав и законных интересов граждан возложен на самостоятельный государственный орган — прокуратуру, как единую и централизованную систему органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами.

Прокурорский надзор в системе государственных органов — один из краеугольных камней государственно-правовой защиты граждан, интересов общества и государства.

Методология и методы исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования. Исследование посвящено актуальной и слабо изученной проблематике белорусской исторической науки. Под влиянием советского государства исследования истории органов белорусской прокуратуры в отечественной историографии проводились тенденциозно и в ограниченном масштабе. Только на современном этапе развития Республики Беларусь, когда коренным образом изменился характер значимых социальных институтов, возрос интерес к изучению прокуратуры и ее вклада в общественно-политическую, социокуль-

турную жизнь в различные исторические периоды. Практическая значимость работы заключается в использовании ее основных результатов в процессе изучения дисциплин исторического и правового профиля («История Беларуси», «Прокурорский надзор», «Общая теория государства и права», «Судоустройство»).

Результаты исследования и их обсуждение. Находясь между Западом и Востоком, этнические белорусские земли постоянно испытывали воздействие различных культур и духовных традиций. Нахождение в составе различных государственных образований изменяло подход к организации государственного управления и надзора. Так, во время Великого Княжества Литовского (ВКЛ) систему государственного устройства определяли своды законов — Статуты 1529, 1566, 1588 годов. Поддержание государственного обвинения от имени государства или Великого князя, согласно Статутам, осуществлялось инстигатором, — так в ВКЛ и затем в Речи Посполитой называлось лицо, на котором лежала обязанность наблюдать за правосудием в крае и, в случае нарушения порядка, призывать нарушителей к суду. По сути, статус и функции главного инстигатора соответствовали статусу Генерального прокурора современной Беларуси. После присоединения к территории Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой на белорусских землях были введены в действие новые государственные институты.

Должность прокурора в Российской империи появилась при Петре I, указ которого от 27 апреля 1722 года «О должности Генерал-прокурора» подробно регламентировал полномочия данного должностного лица и определял, что генерал-прокурор назначается на должность государем, подчиняется только императору и является «оком государевым» и «стряпчим о делах государевых» [1, с. 10].

После реформы 1864 года прокуратура изменила направление своей деятельности: из органа контроля она превратилась в орган обвинительной власти. Разрушив до основания старый государственный строй, молодое государство упразднило 5 декабря (22 ноября) 1917 года Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде» старую судебную систему и прокурорский аппарат.

В Декрете говорилось: «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры» [1, с. 204].

1 января 1919 года был провозглашен Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии о независимости Советской Белоруссии.

В соответствии с первой Конституцией, принятой 3 февраля 1919 года на I Всебелорусском съезде Советов, Белоруссия провозглашалась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и получила официальное название — Социалистическая Советская Республика Белоруссии (ССРБ). С 1922 года она называлась Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР), а с 1936 года — Белорусская Советская Социалистическая Республика.

В 1917—1918 годах надзор от имени советского государства за состоянием законов осуществляли народные комиссары юстиции. Однако В. И. Ленин понимал, что необходимо возрождать органы прокуратуры. Прокуратура нового государства — РСФСР была создана в мае 1922 года.

Причины принятия решения о создании советской прокуратуры объясняются разными специалистами. Например, в первой половине 50-х годов XX века В. Г. Лебединский обосновывал учреждение прокуратуры переходом к мирному строительству, развитием гражданского оборота в стране и в связи с этим с настоятельной необходимостью разрешения вопросов революционной законности [2].

Вместе с тем следует учитывать и ту правовую чехарду, установившуюся после Гражданской войны, которая привела к созданию в первые годы советской власти различных неправовых учреждений типа ревтрибуналов, чрезвычайных комиссий и т. д., которые осуществляли внесудебные преследования, расстрелы на месте без суда и следствия [3, с. 3].

Ученый К. А. Мокичев писал: «Царская прокуратура была ликвидирована. Она была не нужна. С 1917 по 1922 г. в истории советской прокуратуры получили значение периоды постепенного опытного выявления и установления, с одной стороны, практической необходимости создания и включения в состав государственных органов... новой советской прокуратуры

с иным содержанием деятельности, с другой стороны, принципов ее организации, ее задач и функций в советском государстве» [4, с. 46].

26 мая 1922 года сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, и в этот день была создана прокуратура РСФСР.

Не нарушая традиций преемственности при создании органов государственного управления в советском государстве, становление органов прокуратуры в Белоруссии началось с организации и функционирования Народного Комиссариата Юстиции ССРБ (Наркомюст).

Второй Всебелорусский съезд Советов, проходивший 14—17 декабря 1920 года в Минске, принял дополнения к Конституции БССР, в соответствии с которыми Комиссариат Юстиции Военревкома ССРБ был переименован в Народный Комиссариат Юстиции ССРБ. На него возлагалась задача охраны революционной законности, организация новой системы судебных органов.

Для организации работы органов советской юстиции в Белоруссии и подготовки для их нужд новых специалистов из пролетарской среды привлекались, за неимением иных вариантов, старые кадры. По данному поводу в письме Народного Комиссариата Юстиции ССРБ, в частности, отмечалось: «В Белоруссии при применении данных 3-летнего опыта Советской власти Комиссариат Юстиции натывается на необходимость начинать все сначала, с подробного и тщательного разъяснения того, что в Советской России давно уже считается аксиомой.

Поэтому при строительстве аппарата юстиции приходится применять тот же метод, который создал Красную Армию, — метод привлечения старых специалистов при осуществлении строгого политического контроля над ними» [5].

В соответствии с новыми задачами, стоящими перед НКЮ ССРБ, и в связи с ведением НЭП структура наркомата претерпела изменения. Для руководства деятельностью этих органов в аппарате Наркомюста был образован отдел охраны революционной законности, штатная структура которого первоначально предусматривала его организацию в следующем количественном составе: товарищ прокурора — 3, секретарь — 1, журналист — 1, машинистка — 1, курьер — 1 [6].

В дальнейшем, до упразднения отдела в июле 1922 года, его штаты не претерпели существенных изменений. Руководил отделом охраны революционной законности Степан Иванович Мундау.

В феврале—марте 1922 года были созданы отделы охраны революционной законности и на местах — в пяти уездах республики. Штаты уездных отделов охраны революционной законности состояли из товарища прокурора, двух судебных следователей, секретаря и курьера [7].

Из архивных материалов — отчетов товарищей прокурора по уездам в Наркомюст следует, что товарищи прокурора начали свою работу в январе 1922 года [8].

На основании приведенных документов есть все основания утверждать, что в Белоруссии уже в начале 1922 года были заложены правовые и организационные основы института прокурорского надзора. Этому мнению придерживается и известный правовед, профессор И. Мартинович, которая в своих исследованиях отмечает: «С момента основания в республике органов революционной законности формируются основные направления прокурорского надзора: надзор за законностью в деятельности органов дознания и следствия, надзор за законностью судебных постановлений, надзор за законностью приговоров, надзор за законностью в деятельности органов государственного управления (общий надзор). <...> Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что большая часть работы по борьбе с преступностью в первой половине 1922 года концентрировалась именно в прокуратуре, или, как она тогда называлась, в органах революционной законности» [9, с. 69, 70].

В начале 1921 года нарастал кризис как экономического, так и политического характера. Красноармейские продотряды, выполняя разнарядки по продразверстке, забирали у крестьян последнее. 26 июня 1922 года третья сессия ЦИК ССРБ в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью приняла Положение о прокурорском надзоре и учредила в составе Народного Комиссариата Юстиции Государственную прокуратуру.

В соответствии с Положением о прокурорском надзоре на прокуратуру возлагалось осуществление от имени государства надзора за законностью действий государственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования противоречащих закону постановлений; опротестование указанных выше распоряжений и постановлений в Совнарком и Президиум ЦИК на предмет их отмены; принесение протеста прокурором не приостанавливало, однако, проведения в жизнь опротестованного постановления или решения; поддержание обвинения в суде [10, с. 269, 270].

Белорусский вариант Положения о прокурорском надзоре в основном копировал российский. Отличался белорусский документ от российского только отсутствием упоминания о губернских прокурорах, поскольку в Белоруссии не существовало губерний, и он не касался надзора за деятельностью военных и военно-транспортных трибуналов, поскольку они не входили в судебную систему ССРБ [11, с. 13].

В ССРБ и в РСФСР должность Прокурора республики совмещалась с должностью Народного комиссара юстиции. Первым прокурором Белоруссии стал нарком юстиции Адольф Христофорович Гетнер, возглавлявший Народный Комиссариат Юстиции ССРБ с 10 января 1921 года.

В речи, произнесенной на VI съезде Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов Слуцкого уезда, А. Гетнер выразил цель деятельности прокуратуры: «На страже защиты интересов законности стоит Прокуратура... и каждый гражданин должен знать, что зря его никто не обидит» [12, с. 34].

Отдел прокуратуры в НКЮ ССРБ был создан на базе отдела охраны революционной законности. Заведующий отделом прокуратуры являлся помощником прокурора республики, т. е. наркома юстиции.

Большую роль в регламентации прокурорской деятельности играла инструкция Народного Комиссариата Юстиции «О правах и обязанностях помощников Прокурора республики», утвержденная постановлением Президиума ЦИК ССРБ от 4 августа 1922 года. Она содержала четыре главы о правах и обязанностях помощников прокуроров в области наблюдения за законностью и возбуждения дел против нарушителей; наблюдения за местами заключения, приведения приговоров в исполнение [13].

В 1923 году органы прокуратуры республики были полностью сформированы и проводили в центре и на местах большую работу по укреплению законности и борьбе с преступностью. В том же году на второй сессии ЦИК БССР было принято и введено с 15 апреля 1923 года в действие Положение о судеустройстве БССР, разработанное на основе аналогичного акта РСФСР. Устанавливалась единая система судебных учреждений: народный суд, Высший суд, Верховный суд. Об объеме работы белорусской прокуратуры того времени можно судить по данным, опубликованным в статистическом справочнике «Белорусская ССР в 1922—1923 годах к 5-му Всебелорусскому съезду Советов». Только за период с 1 января по 15 ноября 1923 года через прокуратуру прошло 4 863 дела, в том числе поступившие от органов дознания — 2 905, от следователей — 1 615 [11, с. 19].

Заключение. Период 1920—1923 годов в истории белорусской прокуратуры можно назвать начальным периодом ее становления, который характеризовался практической необходимостью создания органов охраны революционной законности, опытного выявления и установления принципов их организации, задач и функций в советском социалистическом государстве, которые никто кроме органов прокуратуры как единого государственного надзорного органа выполнить не мог.

Белорусская прокуратура была создана по образцу прокуратуры РСФСР, которая в свою очередь переняла основные цели и задачи российской прокуратуры XIX века, за исключением классового принципа построения как кадрового состава, так и направлений работы.

Нехватка знаний при организации работы органов прокуратуры компенсировалась возможностью привлечения специалистов, работавших до революции в правоохранительной сфере, что положительно сказывалось на качестве работы и характеризовалось большим охватом вопросов, на которые прокуратура могла воздействовать.

Список цитируемых источников

1. Звягинцев, А. Г. Законоблостители. Краткое изложение истории прокуратуры в лицах, событиях и документах / А. Г. Звягинцев. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 416 с.
2. Лебединский, В. Г. Советская прокуратура и ее деятельность в области общего надзора / В. Г. Лебединский. — М., 1954. — С. 17.
3. Степанков, В. Прокуратура России: из истории в завтра / В. Степанков // Законность. — 1992. — № 3. — С. 3.
4. История советской прокуратуры в важнейших документах / под ред. К. А. Мокичева. — М., 1952. — 583 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). — Ф. 99. — Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
6. НАРБ. — Ф. 99. — Оп. 2. Д. 14. Л. 10.
7. НАРБ. — Ф. 99. — Оп. 2. Д. 14. Л. 11.
8. НАРБ. — Ф. 99. — Оп. 2. Д. 105.
9. Мартинович, И. И. Начальный этап становления белорусской прокуратуры / И. И. Мартинович // Законность и правопорядок. — 2009. — № 2. — С. 68—71.
10. История советской прокуратуры в важнейших документах. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. — 298 с.
11. Посвящая себя служению закону... Прокуратуре Республики Беларусь 90 лет / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост. Г. Р. Юнчик. — Минск : Друк-С, 2012. — 320 с.
12. Шалькевич, В. Путь длиною в 85 лет / В. Шалькевич // Законность и правопорядок. — 2007. — № 2. — С. 33—37.
13. НАРБ. — Ф. 4. — Оп. 1. Д. 911. Л. 62—63.

Поступила в редакцию 13.11.2018

УДК 796.071

И. Р. Дзик

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, Партизанский пр., 26, 220070 Минск,
Республика Беларусь, +375 (17) 209 88 88, dzikinna@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСФЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СПОРТЕ

В статье рассмотрены основные проблемы трансферных отношений в мировом и отечественном спорте. Автор обосновывается необходимость правового регулирования трансферных отношений по виду (видам) спорта. Также дается определение понятию «спортивный трансфер».

Ключевые слова: спортивное право; трансфер; переход; трансферные отношения.

Библиогр.: 6 назв.

I. R. Dzik

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 26 Partizansky ave.,
220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 209 88 88, dzikinna@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE TRANSFER RELATIONS IN SPORT

The article deals with the main problems of transfer relations in the world and domestic sport. The author substantiates the need for legal regulation of transfer relations by type (types) of sport. Also, the definition of the concept of sports transfer is given.

Key words: sports law; transfer; transition; transfer relations.

Ref.: 6 titles.

Введение. Интенсивное развитие рыночных отношений оказывает существенное влияние на развитие различных сфер общественной жизни. Не является исключением и спорт. В сфере спорта постоянно встречается информация о продаже, аренде, обмене игроков, их переходе из одной спортивной организации в другую.

В данное время трансферные спортивные отношения являются недостаточно урегулированными в правовом аспекте как в Республике Беларусь, так и во всем спортивном мире. С момента своего создания и до настоящего времени трансферная система подвергалась и подвергается «проверке на прочность», в том числе множеством судебных процессов. Отношение общества к ней всегда было неоднозначным. Ее нередко называли пережитком Средневековья, а клубы обвиняли в работоторговле. Неоднократными административными и судебными процессами на протяжении XX века удалось только ее несколько либерализовать, но не отменить.

Методология и методы исследования. Вопросы исследования правового регулирования трансферных отношений в спорте освещены в работах С. В. Алексеева, Ю. В. Зайцева, А. Д. Магденко, Л. А. Еремеева и других учёных. Труды данных деятелей науки легли в основу проведённого в настоящей статье исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Трансферные отношения зародились с появлением профессионального спорта. В поисках более высокой зарплаты игроки в любое время сезона могли покинуть свой прежний клуб и перейти в новый, что приводило к появлению «сильных» и «слабых» клубов, легкой предсказуемости результата соревнований, пропаже интереса зрителей, спонсоров, рекламодателей, уменьшению доходов лиг и, в конечном итоге, —

разрушению системы соревнований в целом. По этой причине уже в 80-х годах XIX века были выработаны особые правила перехода игроков из одного клуба в другой (трансфер), существенно отличающиеся от правил, применимых к расторжению контракта и изменению места работы другими наемными работниками за пределами спортивного сектора. Наличие специальных правил, регулирующих переходы, в определенной степени приводит к ограничению возможностей игроков по свободному переходу из одного клуба в другой. Система переходов предусматривала, что все клубы могли передавать своё право на регистрацию игрока в обмен на выплату компенсации клубом, который хотел заключить со спортсменом договор. Такая «купля-продажа» игроков на международном уровне оставалась неизменной до 1995 года.

В 1995 году Европейский суд принял нашумевшее решение по «делу бельгийского футболиста Босмана». Согласно данному решению трансферная система, по которой игрока должны были покупать у его прежнего клуба даже по истечении срока контракта на протяжении еще 1,5 лет, была признана незаконной. Что же касается трансферных сумм, выплачиваемых при переходе игрока во время действия контракта, то это считается правомерным. С тех пор в мировом спорте, а не только в футболе, закрепилось правило: спортсмен или тренер имеет право перехода из одной спортивной организации в другую, в том числе иностранную, лишь после окончания срока контракта. Если переход происходит до истечения срока контракта, то должны быть соблюдены интересы трех сторон: бывшего клуба, игрока и нового клуба [1, с. 127].

Сегодня трансферная система — система переходов спортсменов (тренеров) из одной спортивной организации в другую — существует уже почти полтора века. Однако совершенствование правового регулирования трансферных отношений остается по-прежнему актуальной проблемой не только для нашей страны, но и для международного спорта в целом.

Трансферная система включает различные виды отношений, связанных: 1) с прекращением трудовых и иных отношений спортсмена с прежней спортивной организацией; 2) возникновением трудовых и иных отношений спортсмена с новой спортивной организацией; 3) возникновением отношений между спортивными организациями, связанных с перемещением спортсмена.

Зачастую при определении трансферной системы принимаются во внимание первые два вида отношений, третий же как бы отодвигается на второй план, что искажает истинное представление о правовой природе трансфера [1, с. 127].

Трансферные отношения в белорусском спорте стали развиваться особенно быстрыми темпами в постсоветский период. Однако и сегодня в данной области спортивного права существуют большие пробелы. Любые отношения, регулируемые правом, должны иметь законодательно определенную дефиницию, но понятия «трансфер», «трансферные отношения» и «трансферная система» нигде до сих пор не закреплены. Ни Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 4 января 2014 года № 125-З (далее — Закон о спорте), ни Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь), ни Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее — ТК Республики Беларусь) не закрепляют такого понятия. При этом данные нормативные правовые акты допускают возможность принятия по этому вопросу правовых актов белорусскими спортивными федерациями с учетом правил, утвержденных международными спортивными федерациями по конкретному виду спорта. Однако эти локальные акты спортивных федераций как правило не отражают тех положений, которые должны быть отражены в понятии «трансфер». Зачастую они либо сводятся к понятию «перевода» спортсмена из одной спортивной организации в другую, либо же отражают только возникновение спортивных отношений между спортсменом или тренером и спортивным клубом.

Так, не содержит понятия «трансфер» ни Регламент ФИФА по статусу и переходам игроков, ни Регламент ФИФА по статусу и переходам футболистов. Регламент Ассоциации «Белорусская федерация футбола» по статусу и трансферам футболистов понятие «трансфер» использует как синоним слову переход.

В Регламенте чемпионата Республики Беларусь по футболу 2018 года в разделе «Основные термины, их сокращенные наименования и определения» трансфер также используется как синоним слову «переход», но закрепляется его официальное определение: «трансфер (переход) — это переход игрока из одного футбольного клуба (футбольной школы) в другой футбольный клуб на условиях, изложенных в трансферном контракте между футбольными клубами (футбольной школой и футбольным клубом)» [2].

Вопросы перехода профессионального спортсмена из одной организации физической культуры и спорта в другую впервые были частично урегулированы в Законе о спорте. Согласно части 1 ст. 58 Закона о спорте, во время действия трудового или гражданско-правового договора в сфере профессионального спорта профессиональный спортсмен, профессиональный тренер имеют право на переход (трансфер) из одной организации физической культуры и спорта в другую в порядке, установленном Законом о спорте, с учетом положений ГК Республики Беларусь, ТК Республики Беларусь, актов федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта [3].

Если анализировать нормы трудового права, то можно увидеть схожесть перехода (трансфера) профессионального спортсмена, профессионального тренера из одной организации физической культуры и спорта в другую с переводом нанимателем работника на работу к другому нанимателю (ст. 30 ТК Республики Беларусь) [4]. При этом, согласно части 2 ст. 58 Закона о спорте, переход (трансфер) профессионального спортсмена, профессионального тренера из одной организации физической культуры и спорта в другую, за исключением временного перевода к другому нанимателю в соответствии с законодательством о труде, осуществляется на основании трансферного договора (контракта) [3]. То есть Закон о спорте прямо говорит, что трансфер не является временным переводом к другому нанимателю.

Временный перевод спортсмена или тренера к другому нанимателю регулируется ст. 314⁴ ТК Республики Беларусь, в силу которой наниматель имеет право на временный перевод к другому нанимателю спортсмена или тренера в случае отсутствия возможности обеспечить их участие в спортивных мероприятиях для продолжения занятия профессиональным спортом. При таком переводе необходима письменная договоренность с другим нанимателем, а также согласие самого спортсмена или тренера. Временный перевод осуществляется на срок не более года.

Что касается правового регулирования трансфера игроков в Российской Федерации, то ранее действовавший Федеральный закон от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» содержал одну статью, посвященную переходам спортсменов, а именно ст. 26 «Переход спортсменов в другие физкультурно-спортивные организации». В ней, в частности, предусматривалось, что в случае если переход спортсмена в другую физкультурно-спортивную организацию (спортивный клуб) происходит до истечения срока контракта о спортивной деятельности или до выполнения предусмотренных в таком контракте обязательств (если такие условия указаны в контракте о спортивной деятельности), такой переход спортсмена возможен только по взаимному согласию физкультурно-спортивных организаций (спортивных клубов).

По обоснованному замечанию Ю.В. Зайцева, «вместо того чтобы пойти по пути гармонизации трудового законодательства и законодательства о спорте в части переходов спортсменов, законодатель вообще отказался регулировать эти отношения, за одним небольшим исключением. Таким исключением является институт “временного перевода спортсмена к другому работодателю”, рожденный главой 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации» [5, с. 23].

Безусловно, правовая специфика трансферов закрепились именно в командных видах спорта, таких как футбол, хоккей, баскетбол, волейбол, гандбол и др. В связи с этим регламентирующими документами как международных, так и национальных спортивных федераций, в том числе в Республике Беларусь, предусмотрены соответствующие особенности порядка осуществления и оформления трансферных переходов. Как уже было отмечено, на национальном уровне в Республике Беларусь законодательно трансферы, кроме как в Законе о спорте, нигде подробно не урегулированы. Некоторые основные моменты, присущие трансферной сделке

и переходу спортсмена, раскрывает ст. 58 данного закона, между тем само понятие перехода (трансфера) должным образом не сформулировано.

Общепризнанным является факт, что трансфер спортсменов и тренеров является одной из прибыльных форм осуществления предпринимательской деятельности для спортивных клубов, федераций, да и для самих спортсменов и тренеров. Вместе с тем отсутствие легального определения трансфера, неоднозначность подходов при оценке правовой природы трансфера вызывают сложности в правоприменении. Под трансфером принято понимать переход игроков или тренеров из одной спортивной организации в другую. Вместе с тем не совсем ясен ответ на вопрос, что же понимать под переходом.

Так, С. В. Алексеев рассматривает переход (трансфер) спортсмена как синоним трансферной системы и говорит, что это система отношений, связанных с перемещением спортсмена (тренера) из одной спортивной организации в другую для участия в соревнованиях по соответствующему виду спорта, содержанием которых является прекращение трудовых и иных отношений между спортсменом (тренером) и возникновение трудовых и иных отношений между этим же спортсменом (тренером) и новым спортивным клубом, основанных на регистрации данных лиц, или временный перевод спортсмена (тренера) с его согласия в другой спортивный клуб, а также система отношений, возникающих между спортивными организациями по поводу перехода спортсмена (тренера) [6, с. 148].

В свою очередь Ю. В. Зайцев определяет трансфер спортсмена как урегулированное соответствующими документами международных спортивных федераций и общероссийских спортивных федераций отношение, связанное с регистрацией спортсмена для участия в соревнованиях по соответствующему виду спорта, содержанием которого является прекращение трудовых и иных связанных с ними отношений и/или спортивных отношений между спортсменом и спортивным клубом, и возникновение трудовых и иных связанных с ними отношений и/или спортивных отношений между этим же спортсменом и новым спортивным клубом, а также временный перевод спортсмена с его согласия в другой спортивный клуб [5, с. 23].

Указанные определения противоречат законодательству Республики Беларусь, а именно части 2 ст. 58 Закона о спорте, которая прямо говорит, что трансфер не является временным переводом к другому нанимателю.

Трансферные системы различных видов спорта могут отличаться друг от друга в деталях, однако все они построены по одному и тому же принципу. Спортсмен в обязательном порядке должен быть зарегистрированным в клубе, в результате чего он получает право участия в спортивных мероприятиях, а его клуб — право на компенсацию при переходе спортсмена в другой. И хотя правила перехода регулируют деловые отношения между клубами, они всегда, с одной стороны, существенно ограничивают возможность реализации спортсменом своих трудовых прав, а с другой — их существование является необходимым условием для обеспечения конкуренции и зрелищности профессиональных спортивных мероприятий.

Заключение. Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

во-первых, необходимо на законодательном уровне установить общие правила перехода спортсмена из одного спортивного клуба в другой, предоставив право спортивным организациям конкретизировать их путем корпоративных норм;

во-вторых, целесообразно устранить терминологическое многообразие в идентификации понятия «трансфер». Наличие множества различных терминов, обозначающих понятие перехода (трансфера), детерминирует необходимость использования общепризнанной юридической терминологии. Следовательно, предлагаем закрепить в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» следующее определение понятия «трансфер спортсмена»: «Трансфер спортсмена — это урегулированное соответствующими документами международных и национальных спортивных федераций отношение, связанное с регистрацией спортсмена для участия

в соревнованиях по соответствующему виду спорта, содержанием которого является прекращение трудовых и иных связанных с ними отношений и (или) спортивных отношений между спортсменом и спортивным клубом и возникновение трудовых и иных связанных с ними отношений и (или) спортивных отношений между этим же спортсменом и новым спортивным клубом на постоянной основе.».

Список цитируемых источников

1. *Магденко, А. Д.* Философия права: регулирование трансферных отношений в российском спорте / А. Д. Магденко, Л. А. Еремеева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. — Вып. 33. — 2014. — № 17 (346). — С. 126—129.
2. Регламент чемпионата Республики Беларусь по футболу 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: file:///C:/Users/User/Downloads/reglament_2018.pdf. — Дата доступа: 22.08.2018.
3. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2018 г. № 92-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 18.01.2018. — 2/2530.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 ; принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 нояб. 2017 № 68-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.11.2017. — 2/2506.
5. *Алексеев, С. В.* Спортивное право / С. В. Алексеев. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 647 с.
6. *Зайцев, Ю. В.* Правовая природа переходов спортсменов / Ю. В. Зайцев // Спорт: экономика, право, управление. — 2009. — № 4 — С. 23—25.

Поступила в редакцию 31.08.2018

УДК 347.622.1

А. Г. Кирмель

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»
Министерство образования Республики Беларусь, Партизанский пр., 26, 220070 Минск,
Республика Беларусь, +375 (17) 209 88 88, nastyonakirmel@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СНИЖЕНИЯ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается одно из обязательных условий заключения брака — достижение брачного возраста. Акцентируется внимание на том, что возраст вступления в брак при наличии определенных оснований не может быть младше 16 лет, что подтверждается данными исследований Всемирной организации здравоохранения и социологическими заключениями.

Автор указывает на имеющую место в законодательстве коллизию норм части 2 ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС Республики Беларусь) и ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь в области правовой регламентации брачного возраста и привлечения к уголовной ответственности лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, вступившего в половое сношение с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

На основе анализа норм действующего законодательства Республики Беларусь, международных нормативных правовых актов, статистических данных и существующей практики автор делает вывод о необходимости внесения изменений в возрастные рамки брачного возраста, закрепленные в семейном законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: брак; условия вступления в брак; лица, вступающие в брак; брачный возраст; снижение брачного возраста; «детские браки».

Библиогр.: 23 назв.

A. G. Kirmel

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
26 Partizansky ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 209 88 88, nastyonakirmel@yandex.ru

PROBLEMATIC ASPECTS OF DECREASING OF MARRIAGE AGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article considers the marriage age which is one of the obligatory marriage conditions. Attention is drawn to the fact that the age of marriage, if there are no certain grounds to change it, cannot be under 16, which is confirmed by research data of the World Health Organization and sociological conclusions.

In the national legislation there is a conflict of norms in part 2 of article 18 of the Marriage and Family Code of the Republic of Belarus and article 168 of the Criminal code of the Republic of Belarus. These rules regulate the marriage age and the grounds for criminal prosecution of an adult who has entered into sexual relations with a person under the age of sixteen.

Having analyzed the family and criminal legislation of the Republic of Belarus, the international normative legal acts, statistical data and existing practice, the author concludes that it is necessary to make changes in the age range of the marriage age that is enshrined in the family legislation of the Republic of Belarus.

Key words: marriage; marriage conditions; persons entering into marriage; marriage age; decrease of the marriage age; “child marriage”.

Ref.: 23 titles.

Введение. Брак и семья относятся к числу таких явлений, интерес к которым не ослабевает с момента их возникновения и до наших дней, что объясняется их многогранностью и значимостью в жизни людей. Роль супружеских отношений в формировании и функционировании семьи весьма существенна, поскольку в основе любой семьи всегда лежит хотя бы одна брачная пара [1, с. 67].

Методология и методы исследования. Основой проведенного исследования послужили труды ученых, международные нормативные правовые акты, законодательство Республики Беларусь, регулирующие возраст вступления в брак.

Результаты исследования и их обсуждение. Юридическим критерием признания брака действительным следует считать условия его заключения, которые закреплены в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье. К условиям заключения брака законодатель относит взаимное согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий к заключению брака [2]. Достижение брачного возраста является одним из важнейших условий заключения брака, который законодательством большинства стран устанавливается с учетом возраста социальной, психологической и половой зрелости граждан.

С. А. Муратова рассматривает брачный возраст как юридический факт, с которым закон связывает возникновение брачной правоспособности [1, с. 78].

Так, например, согласно ст. 1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» брачным (супружеским) является возраст, по достижении которого лицо вправе вступить в брак (супружество) [3].

В ст. 16 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что «мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступить в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении» [4].

Отметим, что в законодательстве зарубежных странах возраст наступления совершеннолетия варьируется: так, на Кубе совершеннолетним признается лицо, достигшее 16 лет, в Российской Федерации, Германии, Украине, Испании, Дании, Швейцарии — 18 лет, в Японии, Таиланде и Тунисе — 20 лет, в Египте, Индонезии, Сингапуре — 21 года [5].

В соответствии с принципом 2 резолюции 2018 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН «Государствами — членами Организации издаются законодательные акты, устанавливающие минимальный брачный возраст, причем ни одна из вступающих в брак сторон не может быть моложе пятнадцати лет, не допускается юридическое оформление брака с лицом, не достигшим установленного возраста, кроме тех случаев, когда компетентный орган власти в интересах сторон, вступающих в брак, разрешает сделать при наличии серьезных причин исключение из этого правила о возрасте» [6].

Данного принципа придерживается и белорусский законодатель при регулировании вопроса возраста вступления в брак: так, в соответствии со ст. 18 КоБС Республики Беларусь брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет [2]. Однако в исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, но не более чем на три года [2].

Считаем, что юридически закрепленный общий возраст вступления в брак наиболее оптимален и объясняется тем, что с достижением совершеннолетия граждан Республики Беларусь приобретает политические права и способность самостоятельно в полном объеме осуществлять все личные и имущественные права.

Проведя параллель семейного законодательства в области правовой регламентации брачного возраста и уголовного законодательства, следует обратить внимание на несогласованность норм КоБС Республики Беларусь и норм Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь).

В соответствии со ст. 18 КоБС Республики Беларусь при наличии уважительных причин: беременности, рождения ребенка, приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия, лицам, вступающим в брак, предусмотрена возможность снижения брачного возраста, но не более чем на три года [2], т. е. лица могут вступить в брак с 15 лет.

Согласно ст. 168 УК Республики Беларусь, устанавливается обязанность государства привлечь виновное лицо, достигшее 18-летнего возраста, которое с лицом, заведомо не достигшим 16-летнего возраста, совершило половое сношение, к ответственности, применив к нему наказание в виде ограничения свободы на срок до четырех лет или лишения свободы на тот же срок со штрафом [7].

Практика показывает, что причиной снижения брачного возраста в г. Барановичи в 2017 году является беременность несовершеннолетней невесты. Так, в Барановичском отделе ЗАГС в 2017 году брачный возраст был снижен 14 несовершеннолетним невестам и 4 несовершеннолетним женихам. Во всех случаях причиной послужила постановка невест на учет по беременности [8].

В целях устранения существующих коллизий в уголовном и семейном праве Республики Беларусь необходимо в ст. 18 КоБС Республики Беларусь закрепить норму, допускающую снижение брачного возраста на два года.

Обращаясь к практике зарубежных государств, отметим, что в большинстве государств мира брачный возраст устанавливается в 18 лет для обоих полов. Однако, при наличии определенных обстоятельств, возраст вступления в брак может быть снижен: так, в Израиле брачный возраст может быть снижен на 1 год, и заключение брака возможно с 17 лет, в Японии для мужчин — с 18 лет, для женщин — с 16 лет, в Латвии с судебного и/или родительского согласия — с 16 лет, в Австрии — с 16 лет с согласия родителей, при этом другой партнер должен достичь 18 лет, в Германии с разрешения суда и согласия родителей — с 16 лет, в Италии с судебного разрешения — с 16 лет, в Казахстане с разрешения регистрирующего органа брачный возраст может быть снижен до 16 лет, в Украине суды могут давать разрешение с 16 лет, если есть особые причины, а в Польше — для женщин с 16 лет с согласия суда [5].

На основании представленных данных отметим, что в перечисленных странах при наличии уважительных причин возраст лиц, желающих вступить в брак, не может быть ниже 16 лет. Таким образом, устанавливая минимальный возраст вступления в брак в указанных странах, законодатель исходит из принципа защиты семьи, охраны интересов несовершеннолетнего лица, заключающего брак, а также интересов ребенка, рожденного таким лицом. Однако, с другой стороны, разрешая вступать в брак до достижения совершеннолетия, законодатель поощряет заключение «детских браков», что противоречит положениям, закрепленным в резолюции о прекращении детских, ранних и принудительных браков в гуманитарных ситуациях, принятой 22 июня 2017 года Советом по правам человека ООН [9]. Резолюция признает детский брак нарушением прав человека и призывает государства к усилению мер, направленных на предотвращение и ликвидацию данной вредной практики [9].

Следует обратить внимание на то, что, согласно определению ЮНИСЕФ, «детский брак — официально заключенный брак или неофициальный союз с лицом, не достигшим 18 лет» [10].

По данным доклада Всемирного банка и Международного фонда исследований по проблемам женщин, опубликованного в июне 2017 года, ежегодно в мире заключается не менее 15 миллионов детских браков, за последние 30 лет их количество во многих странах снизилось, но из 25 стран, для которых был проведен подробный анализ, одна из трех женщин выходят замуж до 18 лет, а каждая пятая женщина имеет своего первого ребенка в возрасте до 18 лет [11].

В научной литературе брачный возраст рассматривается с психолого-педагогического, физиологического и социологического подходов.

С точки зрения психолого-педагогического подхода понятие брачного возраста связывается с понятием готовности к браку и семейной жизни. В теоретическом плане в психолого-педагогической литературе готовность к браку и семейной жизни включает физическую, эмоционально-волевую, социально-нравственную, этико-психологическую и педагогическую зрелость [12, с. 278] и широко исследуется И. В. Гребенниковым [13], А. Н. Сизановым [14] и др.

По мнению А.М. Нечаевой, «к этому времени брачующиеся, во-первых, достигают необходимой степени физической зрелости — к восемнадцати годам женщина без ущерба для собственного здоровья и здоровья для своего потомства может выносить ребенка и произвести его на свет, а во-вторых, обладают такой степенью психической зрелости, которая позволяет

осознанно подходить к совершаемому ими жизненно важному шагу. И, наконец, в-третьих, к восемнадцати годам и мужчины, и женщины приобретают так называемую социальную зрелость, позволяющую им быть полностью самостоятельными, способными не только приобрести специальность, но и работать, содержать свою семью, детей» [15, с. 58].

Противоположной точки зрения придерживается И. В. Афанасьева, исследовавшая влияние брачного возраста на прочность брака. По ее мнению, у молодых людей, несмотря на достижение к 18 годам физической и интеллектуальной зрелости, не наступает социальная зрелость, что проявляется в отсутствии возможности зарабатывать столько, чтобы поддерживать привычный им до брака уровень жизни. В связи с этим молодые супруги вынуждены долгое время зависеть от помощи родителей. Поскольку законодатель при определении брачного возраста должен учитывать такие важные характеристики, как зрелость личности (не только в физиологическом, но и в нравственном смысле слова), способность брать на себя ответственность за благополучие семьи (в материальном и моральном плане), И. В. Афанасьева предлагает установить брачный возраст в 21 год [16, с. 30].

Эмпирически доказано, что существуют значимые различия в психологической готовности к браку между людьми на разных этапах периода взрослости. Основное психологическое содержание взрослости связано с процессами самоопределения и самореализации личности на пути достижения ею вершины личностного и духовного развития [17, с. 11]. В процесс самоопределения личности ученые определяют в качестве важного элемента развитие способности к построению отношений с партнером, вступление в брак, создание семьи и возможность выполнять супружеские и родительские роли.

Наиболее сензитивным возрастом для вступления в брак является ранняя взрослость, т. е. возраст от 25 до 30 лет [17, с. 11].

В подтверждение этого положения, отметим, что, по данным Всемирной организации здравоохранения, осложнения во время родов являются второй причиной смерти девушек в возрасте 15—19 лет [18]. Также детский брак ставит под угрозу здоровье не только матери, но и её ребёнка: у матерей моложе 18 лет риск рождения недоношенных детей или детей с недостаточным весом на 35—55% выше, чем у 19-летних рожениц; дети в возрасте до одного года умирают в два раза чаще, чем их сверстники, рожденные женщинами, достигшими 20 лет [19].

Обратим внимание на то, что для Республики Беларусь характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при вступлении в первый брак и рождении ребенка. Если в 2000 году впервые вступали в брак женщины в возрасте 22,8 года, мужчины — 25 лет, то в 2016 году средний возраст вступивших в первый брак женщин составил 25,6 года, мужчин — 27,8 года. Средний возраст матери при рождении ребенка в 2016 году составил 28,9 года, при рождении первого ребенка — 26,3 года (в 2000 году — 25,6 и 23,3 года соответственно) [20].

Социологи объясняют такую ситуацию рядом факторов: продление сроков обучения для получения профессии; существенное увеличение удельного веса городских жителей, которые вступают в брак, как правило, позже, чем сельские.

А. Г. Лукашенко отметил, что «...детей надо рожать в свое время. Если спросите, когда, то сегодня можно и в 20 лет после окончания вуза, и в 21, 25. Желательно до 28 первого родить» [21]. Президент, по большому счету, абсолютно точно определил, возраст рождения ребенка — с физиологической точки зрения. В подтверждение тому служит мнение гинеколога медицинского центра «Лодэ» Татьяны Симоненко, которая утверждает, что благоприятным возрастом для рождения ребенка является возраст от 20 до 29 лет [21].

В соответствии со статистическими данными, в Республике Беларусь наибольшее число рождений наблюдается у женщин активного детородного возраста (20—34 года). У молодых мам в возрасте до 20 лет в 2017 году родились 2 956 детей. В то же время 4 ребенка родились у женщин в возрасте 50—54 лет [22].

В связи замедлением биологического взросления, поздним возрастом вступления в брак, увеличения среднего возраста женщин при рождении первого ребенка ученые-эксперты,

опрошенные медицинским журналом Lancet, придерживаются мнения о необходимости увеличения подросткового возраста до 24 лет [23].

Заключение. Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в связи с необходимостью повышения престижа семьи в обществе, устранения коллизий семейного законодательства в области правовой регламентации брачного возраста и уголовного законодательства, а также в целях реализации положений ст. 1 КоБС Республики Беларусь, необходимо внести изменения в часть 2 ст. 18 КоБС Республики Беларусь. Предлагаем изложить ее в следующей редакции: «В исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия государственный орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, установленный частью первой настоящей статьи, но не более чем на два года.»

Полагаем, установление правила, в соответствии с которыми брачный возраст может быть снижен не на три, а на два года, послужит цели уменьшения числа смертности новорожденных детей и девушек в возрасте 15—18 лет из-за осложнений вызванных родами, а также повышения престижа семьи в обществе в связи с большей осознанностью вступления в брак молодыми гражданами Республики Беларусь, при оставлении существующих в действующем законодательстве оснований для снижения брачного возраста.

Список цитируемых источников

1. Муратова, С. А. Семейное право / С. А. Муратова. — М. : Юриспруденция, 2001. — 384 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 135-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.07.2018. — 2/2573.
3. Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» 26 дек. 2011 г., № 518-IV [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kodeksy-kz.com/ka/o_brake_i_seme/1.htm. — Дата доступа: 01.07.2018.
4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. — Дата доступа: 15.07.2018.
5. Минимальный возраст вступления в брак [Электронный ресурс] // Википедия — свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Минимальный_возраст_вступления_в_брак. — Дата доступа: 11.06.2018.
6. Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/wedding.shtml. — Дата доступа: 05.09.2018.
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 2018. — 26.07.2018. — 2/2569.
8. В Барановичах стало больше свадеб и меньше разводов [Электронный ресурс] // Объединенная газета «Наш край». — Режим доступа: <http://www.nashkraj.by/2018/02/v-baranovichax-stalo-bolshe-svadeb-i-menshe-razvodov/>. — Дата доступа: 21.06.2018.
9. Детские, ранние и принудительные браки в гуманитарных ситуациях [Электронный ресурс] // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/openssl.pdf?reldoc=y&docid=5a1d57c24>. — Дата доступа: 5.09.2018.
10. Child marriage [Electronic resource] // UNICEF. — Mode of access: https://www.unicef.org/protection/57929_58008.html. — Date of access: 02.06.2018.
11. Child Marriage Will Cost Developing Countries Trillions of Dollars by 2030, Says World Bank/ICRW Report [Electronic resource] // AfricaRenewal at the United Nations General Assembly. — Mode of access: <http://www.un.org/africarenewal/documents/child-marriage-will-cost-developing-countries-trillions-dollars-2030-says-world-bankicrw>. — Date of access: 26.07.2018.
12. Жолудева, С. В. Брачный возраст и психологическая готовность к вступлению в брак / С. В. Жолудева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2008. — № 49. — С. 276—280.

13. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни / И. В. Гребенников. — М. : Просвещение, 1991. — 158 с.
14. Сизанов, А. Н. Подготовка подростков к семейной жизни / А. Н. Сизанов. — Минск. : Нар. асвета, 1989. — 112 с.
15. Нечаева, А. М. Семейное право : курс лекций / А. М. Нечаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2002. — 320 с.
16. Афанасьева, И. В. Условия стабильности семейно-брачных отношений / И. В. Афанасьева // Нотариус. — 2002. — № 3 (35). — С. 27 — 32.
17. Жолудева, С. В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / С. В. Жолудева ; Пед. ин-т ЮФУ. — Ростов н/Д, 2009. — 26 с.
18. Информационный бюллетень ВОЗ № 364. Сентябрь 2014 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа: <http://www.who.gov/mediacentre/factsheets/fs364/ru/> — Дата доступа: 12.06.2018.
19. Child marriage: a silent health and human rights issue [Electronic resource] // The National Center for Biotechnology Information. — Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2672998/> — Date of access: 11.06.2018.
20. 15 мая — Международный день семьи! [Электронный ресурс] // М-во труда и социал. защиты Респ. Беларусь. — Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/-15-maja---mezhdunarodnyj-den-semji-_2833. — Дата доступа: 20.06.2018.
21. Когда белорускам рожать детей? [Электронный ресурс] // Белорус. портал TUT.BY. — Режим доступа: <https://news.tut.by/health/335246.html>. — Дата доступа: 19.07.2018.
22. В 2017 году белорусов стало на 16,8 тыс. меньше [Электронный ресурс] // Белорусы и рынок. — Режим доступа: <http://www.belmarket.by/v-2017-godu-belorusov-stalo-na-168-tys-menshe>. — Дата доступа: 04.09.2018.
23. Ученые: подростковый возраст надо увеличить до 24 лет [Электронный ресурс] // Белорус. портал TUT.BY. — Режим доступа: <https://42.tut.by/577625>. — Дата доступа: 19.07.2018.

Поступила в редакцию 31.08.2018

УДК 347.211

Р. В. Крутько

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, Партизанский пр., 26, 220070 Минск,
Республика Беларусь, +375 (17) 209 88 88, rus_krut14@mail.ru

ПОЖЕРТВОВАНИЯ(Е) КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье анализируется порядок правового регулирования пожертвований как основного источника формирования имущества религиозной организации.

Ключевые слова: пожертвование; дарение; имущество; религиозный обряд; услуга; религиозная организация.
Библиогр.: 16 назв.

R. V. Krutsko

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
26 Partizansky ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (17) 209 88 88, rus_krut14@mail.ru

DONATION /~S AS A SOURCE OF FORMATION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS' PROPERTY

The article analyzes the procedure for the legal regulation of donations, as the main source of the formation of the property of a religious organization.

Key words: donation; endowment, property; religious rite; service; religious organization.
Ref.: 16 titles.

Введение. В соответствии с пунктом 1 ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество [1].

Каждая религиозная организация в Республике Беларусь, будучи юридическим лицом, также имеет в своем распоряжении определенное имущество, и размер этого имущества может быть весьма значительным.

Практика показывает, что одним из основных источников формирования имущества большинство религиозных организаций в Республике Беларусь являются пожертвования физических и юридических лиц.

Пожертвования в гражданском и в каноническом праве имеют как и общие черты, так и определенные различия. Данные обстоятельства порождают дискуссии по поводу сущности и порядка правового регулирования пожертвований для религиозных организаций.

Основная часть. В ст. 117 ГК Республики Беларусь отмечено, что религиозные организации являются некоммерческими организациями и что особенности правового положения религиозных организаций как участников гражданских отношений определяются законодательством [1].

Правовые основы создания и деятельности религиозных организаций определяет Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (далее — Закон о свободе совести) [2]. В соответствии с частью 4 ст. 20 Закона о свободе совести устав религиозной организации должен содержать сведения об источниках и порядке формирования денежных

средств и иного имущества организации. Норма части 1 ст. 30 Закона о свободе совести устанавливает, что религиозные организации обладают правом собственности, в том числе на имущество, пожертвованное физическими или юридическими лицами [2].

Пожертвование регулируется нормами ст. 553 ГК Республики Беларусь. Пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях. В указанной статье отмечено, что пожертвования могут делаться и религиозным организациям. На принятие пожертвования не требуется чье-либо разрешения или согласия [1].

Пожертвование имущества религиозной организации может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. Религиозная организация, принимающая пожертвование, для использования которого установлено определенное назначение, должна вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества (абзац 2 пункта 3 ст. 553 ГК Республики Беларусь) [1].

В Толковом словаре русского языка В. И. Даля «жертва — пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; что отдаю или чего лишаюсь невозвратно. Приношение от усердия божеству: животных, плодов, или иного чего-либо; отречение от выгод или утех своих по долгу или в чью-либо пользу; самоотвержение и самый предмет его, то, чего лишаюсь» [3, с. 240].

В словаре С. И. Ожегова «жертвовать» — приносить в дар, безвозмездно делать вклад куда-нибудь [4, с. 192]; «пожертвование» — то, что пожертвовано (дар) [4, с. 547].

Необходимо отметить, что пожертвование в общеполезных целях и по определенному назначению соотносятся как общее и частное, т. е. пожертвованное религиозной организации имущество по определенному назначению в любом случае должно быть в общеполезных целях.

Отметим, что зарегистрированным в установленном порядке в Республике Беларусь религиозным организациям, с целью их поддержки, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 года № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» [5], может оказываться безвозмездная помощь. Например, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 августа 2012 года № 735 «О предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи местному религиозному объединению «Пинская епархия Белорусской Православной Церкви» [6] Уполномоченному по делам религий и национальностей, в целях поддержки и укрепления материально-технической базы, согласовано предоставление Пинской епархии безвозмездной (спонсорской) помощи. Однако в отмеченном постановлении не указан размер предоставляемой помощи, а лишь приводится ссылка на договор, заключенный между Уполномоченным по делам религий и национальностей и Пинской епархией Белорусской православной церкви, который не рассылается. Размер безвозмездной помощи также не указан и в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 5 января 2011 года № 16 «О предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи Свято-Елисаветинскому женскому монастырю в г. Минске Минской Епархии Белорусской Православной Церкви» [7].

В статье 1 главы XXI Устава Русской Православной Церкви, принятого на Архиерейском Соборе 2000 года, указано, что средства Русской православной церкви и ее канонических подразделений образуются: а) из пожертвований при совершении богослужений, Таинств, треб и обрядов; б) добровольных пожертвований физических и юридических лиц, государственных, общественных и иных предприятий, учреждений, организаций и фондов [8].

Далее идет перечисление еще нескольких пунктов, в которых указаны источники образования имущества Русской православной церкви. В рамках статьи остановимся на первых двух.

Обратим внимание, что и в пункте а) и в пункте б) речь идет о пожертвованиях, только в пункте а) — просто о пожертвованиях, а в пункте б) — о добровольных пожертвованиях. Означает ли это, что при совершении богослужений, Таинств, треб и обрядов пожертвования взимаются в обязательном порядке?

По мнению И. З. Аюшеевой, доходы от проведения обрядов и церемоний необходимо признавать самостоятельным видом источника формирования имущества религиозной органи-

зации наряду с получением доходов от осуществления предпринимательской деятельности непосредственно религиозной организацией [9, с. 133—134].

По мнению М. В. Хлыстова, более корректным по отношению к анализируемому источнику формирования имущества религиозных организаций Русской православной церкви было бы использование формулировки не «пожертвования», а «доходы от культовой деятельности» [10, с. 41].

С. М. Гордейчик предлагает с целью конкретизации понятия «пожертвование» скорректировать пункт 1 ст. 553 ГК Республики Беларусь, указав, что в «пожертвование» для религиозных организаций входят и оказание денежной помощи, и передача материальных ценностей, и оказание услуг, безвозмездная (спонсорская) помощь, иностранная безвозмездная помощь, беспроцентные займы [11, с. 110].

Отметим, что, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 57-З «О бухгалтерском учете и отчетности», доходы — это увеличение экономических выгод в результате увеличения активов или уменьшения обязательств, ведущее к увеличению собственного капитала организации, не связанному с вкладами собственника имущества (учредителей, участников) организации [12].

В соответствии с подпунктом 2.23.1 подпункта 2.23 пункта 2 ст. 93 Налогового кодекса Республики Беларусь обороты по реализации религиозными организациями в рамках религиозной деятельности услуг по организации и проведению религиозных обрядов, церемоний, молитвенных собраний или других культовых действий не признаются объектами налогообложения налогом на добавленную стоимость [13].

Таким образом, законодатель организацию и проведение религиозных обрядов, церемоний, молитвенных собраний или других культовых действий относит к услугам. Несмотря на то, что, в соответствии со ст. 128 ГК Республики Беларусь, услуги относятся к объектам гражданских прав [1], легального определения термина «услуги» в Гражданском кодексе нет.

Понятие услуги дано в пункте 2 ст. 30 Налогового кодекса Республики Беларусь, где отмечено, что услугой признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности [13].

В ст. 733 ГК Республики Беларусь дано определение договора возмездного оказания услуг, в соответствии с которой по договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [1].

Правила главы 39 ГК Республики Беларусь, именуемой «Возмездное оказание услуг», применяются к договорам оказания медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, риэлтерских, туристических услуг, услуг связи, в сфере образования и иных услуг, за исключением услуг, оказываемых по договорам подряда, на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, договорам перевозки груза и пассажиров, транспортной экспедиции, договоров банковского вклада (депозита), текущего (расчетного) банковского счета, отношений по расчетам, хранению, поручению и комиссии [1].

Возникает вопрос, можно ли взимание платы за оказание религиозных услуг (венчание, крещение, отпевание и др.) рассматривать с позиции главы 39 ГК Республики Беларусь как возмездное оказание услуг, и, соответственно, с позиции части 2 пункта 1 ст. 1 ГК Республики Беларусь, как предпринимательскую деятельность?

Как отмечает Е. Ю. Валявина, совершение таинств можно отнести к услугам только с определенной долей условности, так как эти «услуги» оказываются не на основании публичного договора, они предлагаются не всем и каждому обратившемуся, а только лицам, разделяющим вероучение данной организации. Кроме того, совершение таинств зачастую требует соблюдения правил, условий, установленных каноническими нормами [14, с. 218—219].

Такого же мнения придерживается и Л. В. Санникова, указывая, что к церковным правоотношениям относятся и правоотношения по проведению ряда религиозных церемоний

на возмездной основе (например, в православии — крещение, венчание, отпевание, освящение и др.). Его субъектами, в частности в православии, выступают, с одной стороны священнослужители, а с другой — миряне, приобретающие церковную правоспособность в силу факта крещения. В связи с этим представляется обоснованным и правомерным отказ от гражданско-правового регулирования имущественных отношений, возникающих при совершении отдельных видов религиозных церемоний [15, с. 85].

А. Н. Садков полагает, что религиозные организации активно участвуют в оказании гражданам ритуальных услуг, которые все чаще становятся возмездными. Кроме услуг по погребению религиозные организации оказывают и другие ритуальные услуги (крещение, венчание и пр.) на возмездной основе. Попытки отдельных деятелей замаскировать возмездность подобного рода действий не выдерживают критики. Одна из особенностей возникающих правоотношений, на взгляд А. Н. Садкова, заключается в том, что порой невозможно определить качество оказываемых услуг, ибо четкая их регламентация невозможна из-за большого количества конфессий, действующих на территории России, и различного подхода к проведению данных действий даже внутри одной конфессии [16, с. 117].

Заключение. Пожертвование — разновидность дарения. С учетом того, что в большинстве случаев пожертвования в религиозных организациях совершаются анонимно в сравнительно небольших суммах, то практически невозможно реализовать полномочия, установленные пунктом 5 ст. 553 ГК Республики Беларусь, предусматривающие возможность отмены пожертвования при использовании его не по назначению.

Возможность отмены пожертвования, наряду с общепользуемой целью, является основным отличием пожертвования от дарения, которое, в соответствии с пунктом 1 ст. 549 ГК Республики Беларусь [1], можно отменить лишь в случае, если одаряемый совершил покушение на жизнь дарителя или на жизнь кого-либо из членов его семьи или близких родственников, либо умышленно причинил дарителю телесные повреждения.

Проведение религиозных обрядов и церемоний с взиманием оплаты нельзя приравнять к предпринимательской деятельности в силу того, что отсутствует основная цель — систематическое получение прибыли.

Полагаем возможным внести дополнение в част 1 ст. 30 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», указав, что религиозные организации обладают правом собственности на имущество, приобретенное или созданное за счет культовой деятельности.

Список цитируемых источников

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 дек. 2014 г., № 226-З от 9 янв. 2017 г., № 135-З от 17 июля 2018 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 31.07.2018. — 2/2573.

2. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 20.03.2002, № 123, 2/886.

3. *Даль, В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 736 с.

4. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : ИТИ-ТЕХНОЛОГИИ, 2003. — 944 с.

5. О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.11.2013 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 04.07.2005, № 142, 1/6586.

6. О предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи местному религиозному объединению «Пинская епархия Белорусской Православной Церкви» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 авг. 2012 г., № 735 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 09.08.2012. — 5/36089.

7. О предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи Свято-Елисаветинскому женскому монастырю в г. Минске Минской Епархии Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 янв. 2011 г., № 16 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 2011 г. — № 7. — 5/33137.
8. Устав Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] : принят на Архиерейском Соборе 2000 г., в ред. Архиерейского Собора 2017 г. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/>. — Дата доступа: 24.09.2018.
9. Аюшеева, И. З. Гражданско-правовое положение религиозных организаций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. З. Аюшеева. — Екатеринбург, 2005. — 205 л.
10. Хлыстов, М. В. Источники формирования имущества, поступающего в собственность религиозных организаций Русской Православной Церкви / М. В. Хлыстов // Юрид. наука. — 2011. — № 1. — С. 38—42.
11. Гордейчик, С. М. Правовое регулирование хозяйственных отношений религиозных организаций в Республике Беларусь / С. М. Гордейчик // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2018. — № 1. — С. 99—112.
12. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г., № 57-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2017 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 24.07.2013. — 2/2055.
13. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 128-3 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь — 26.07.2018. — 2/2566.
14. Валявина, Е. Ю. Религиозная организация как субъект гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Ю. Валявина. — СПб., 2004. — 254 л.
15. Санникова, Л. В. Обязательства об оказании услуг в Российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. В. Санникова. — М., 2007. — 315 л.
16. Садков, А. Н. Религиозные организации как субъекты гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Н. Садков. — Волгоград, 2004. — 224 л.

Поступила в редакцию 24.09.2018

УДК 349.225.6(476)

О. Н. Людвигевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 720 91 53, ludvikevich1@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

На современном этапе развития белорусского общества особое значение приобретают вопросы управления в области дисциплины труда и обеспечения надлежащего исполнения работниками своих трудовых обязанностей. В статье впервые разрабатываются положения об управлении в области дисциплины труда, формулируется цель управления, обосновываются отдельные средства ее достижения. Предлагаются некоторые меры по совершенствованию правового регулирования дисциплины труда, которые основаны на анализе законодательства зарубежных стран. В результате проведенного исследования выработаны рекомендации, реализация которых направлена на повышение эффективности управления в области дисциплины труда.

Ключевые слова: управление; дисциплина труда; трудовая дисциплина; исполнительская дисциплина; мониторинг дисциплины труда.

Библ.: 15 назв.

O. N. Ludvikevich

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 720 91 53, ludvikevich1@mail.ru

LABOR DISCIPLINE MANAGEMENT

At the present stage of development of the Belarusian society, the issues of labor discipline management and ensuring the proper performance by employees of their work responsibilities are of particular importance. In the article, the positions about labor discipline management are developed. Also, the purpose of management is formulated, and specific means of its achievement are substantiated. Some measures are proposed to improve the legal regulation of labor discipline, which are based on an analysis of the legislation of foreign countries. As a result of the study, the recommendations were developed, their implementation is aimed at improving management efficiency in the area of labor discipline.

Keywords: management; labor discipline; performing discipline; labor discipline monitoring.

Ref.: 15 titles.

Введение. Понятие «управление» используется в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее — ТК Республики Беларусь) применительно к государственному регулированию, в том числе в области охраны труда, участием работников в управлении организаций (пункт 4 ст. 11; часть 1 ст. 50; пункт 13 ст. 55; глава 16; ст. 262 ТК Республики Беларусь) [1].

Под управлением понимается процесс осуществления руководства группой людей, при котором они выполняют определенные, заданные действия. В толковом словаре «управлять» — значит руководить, направлять деятельность кого-либо [2, с. 612]. Управление — это постоянный, целенаправленный процесс, связанный с воздействием руководителей на других субъектов в определенных целях. В экономике и праве принято говорить об управлении государством, управлении организацией, управлении социальной сферой, управлении охраной труда.

Понятие «управление» неразрывно связано с дисциплиной труда, однако ни в ТК Республики Беларусь, ни в научных работах словосочетание «управление в области дисциплины труда» не используется.

Главной целью управления в области дисциплины труда является обеспечение ее надлежащего уровня. При этом наниматель самостоятельно избирает те методы и средства, которые являются эффективными с учетом особенностей организации, целей и задач ее деятельности, кадрового потенциала и других признаков.

Результаты исследования и их обсуждение. На современном этапе в Беларуси вопросы правового регулирования дисциплины труда и дисциплинарной ответственности работников затронуты в работах А. А. Греченкова, И. В. Гущина, К. И. Кеник, Е. А. Ковалевой, В. И. Кривоного, О. С. Курьлевой, Е. В. Мотиной, Л. М. Рябцева, В. И. Семенкова, К. Л. Томашевского, Г. Б. Шишко и других белорусских ученых. Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли российские и украинские ученые — О. В. Абрамова, В. С. Венедиктов, Ю. А. Жукова, И. Я. Киселев, М. В. Лушникова, А. М. Лушников, Ю. Н. Полетаев. Исследования указанных ученых представляют несомненную научную значимость для развития учения о дисциплине труда и дисциплинарной ответственности работников. Вместе с тем многие доктринальные вопросы остаются дискуссионными и подлежат скорейшему исследовательскому восполнению.

В настоящее время вопрос о дисциплине труда в законодательстве, правоприменительной деятельности и науке стал особенно актуальным, поскольку нарушения дисциплины влекут за собой огромные материальные издержки, причиняют серьезный социальный и нравственный ущерб. «В условиях формирования рыночных отношений происходят глубокие изменения как в экономике, так и в характере труда. Дисциплина труда обретает качественно новые черты» [3, с. 1].

Несмотря на важность обеспечения дисциплины труда для современной Беларуси, в ее правовом регулировании, по нашему мнению, имеются определенные противоречия.

В науке трудового права традиционно считалось, что «трудовая дисциплина» — наиболее общее понятие, включающее в себя различные виды дисциплин [3, с. 6; 4, с. 9]. Однако анализ белорусского законодательства о труде, опыта других стран в сфере регулирования дисциплины труда, позиций ученых по данному вопросу позволяет подвергнуть сомнению такую точку зрения.

В связи с этим отметим, что нормами гл. 13 ТК Республики Беларусь регламентируются вопросы дисциплины труда, в том числе в ст. 193 определяется понятие трудовой дисциплины как обязательного для всех работников подчинения установленному трудовому распорядку и надлежащего выполнения своих обязанностей [1]. Следует подчеркнуть, что название упомянутой главы и определение трудовой дисциплины не являются удачными в силу следующих обстоятельств.

В ст. 53 ТК Республики Беларусь регулируются обязанности работников, в числе которых указана обязанность «подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, иным документам, регламентирующим вопросы дисциплины труда»; в ст. 197 не разграничиваются подчинение трудовому распорядку и выполнение обязанностей и устанавливается, что дисциплинарным проступком является неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей [1]. Таким образом, в ст. 193 ТК Республики Беларусь допущена некоторая тавтология, которая, по нашему мнению, подлежит устранению.

Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» предусматривается дополнительное основание досрочного расторжения контракта по инициативе нанимателя: необеспечение надлежащей трудовой дисциплины подчиненных, а равно сокрытие фактов нарушения ими трудовой и исполнительской дисциплины либо непривлечение без уважительных причин виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения (подпункт 2.10 пункта 2); на государственные органы, а также государственные организации возложена обязанность рассматривать вопросы о состоянии трудовой и исполнительской дисциплины не реже одного раза в полугодие (пункт 7) [5]. Таким образом, в Декрете № 29 употребляются термины «трудовая дисциплина» и «исполнительская дисциплина». Из изложенного следует, что понятия «трудовая дисциплина» и «исполнительская дисциплина» не тождественны и второе понятие не охватывается первым.

Полагаем, что вопрос о видах дисциплины труда может быть разрешен на основе анализа положений Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 года № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций», в котором речь идет о производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплине [6], а все иные предлагаемые учеными виды следует отнести к разновидностям указанных трех видов дисциплины. Так, договорная и плановая дисциплина являются разновидностями исполнительской.

Согласно Декрету № 5 производственно-технологическая дисциплина — это соблюдение установленных технологических регламентов и нормативов при производстве продукции (выполнении работ, оказании услуг), требований производственного процесса, технологии изготовления продукции (работ, услуг), а также обеспечение требований по рациональному использованию сырья, материальных и человеческих ресурсов [6]. Определение исполнительской дисциплины в законодательстве отсутствует.

Исходя из вышеизложенного, под трудовой дисциплиной предлагается понимать соблюдение режима работы, полное и эффективное использование рабочего времени для выполнения трудовых обязанностей; под исполнительской дисциплиной — своевременное и квалифицированное исполнение трудовых обязанностей, приказов, распоряжений и других актов нанимателя, выполнение запланированных действий и плановых показателей.

Полагаем, что непоследовательность подхода законодателя к определению видов дисциплины труда может быть устранена путем изменения названия гл. 13 ТК Республики Беларусь: термин «трудовая дисциплина» следует заменить термином «дисциплина труда», который охватывает производственно-технологическую, исполнительскую и трудовую дисциплину. Целесообразность использования термина «дисциплина труда» как более широкого, включающего различные виды дисциплин, подтверждается и практикой зарубежных законодателей.

Так, Трудовой кодекс Республики Казахстан содержит гл. 5 «Трудовой распорядок. Дисциплина труда» [7], однако в указанной главе определения дисциплины труда не дается и одновременно в ст. 63 употребляется термин «трудовая дисциплина».

Более последовательный подход при регулировании дисциплины труда проявил законодатель Туркменистана. В Трудовой кодекс Туркменистана включен раздел X «Дисциплина труда» [8]. В ст. 160 этого кодекса дисциплина труда определена как «обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, определенным в соответствии с трудовым законодательством Туркменистана, трудовым договором, коллективным договором (соглашением)» [8]. Предусмотрено, что дисциплина труда обеспечивается созданием необходимых социально-экономических и организационно-технических условий для нормальной работы, методами стимулирования и поощрения за добросовестный труд, применением мер взыскания к недобросовестным работникам. Установлена также обязанность работодателя создавать условия, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда [8].

Трудовой кодекс Республики Молдова содержит раздел VII «Правила внутреннего распорядка предприятия. Дисциплина труда», в состав которого входит гл. II «Дисциплина труда». В названной главе приводится определение дисциплины труда, а также устанавливаются средства ее обеспечения (создание экономических, социальных, правовых условий, воспитание у работников сознательного отношения к труду, поощрение работников, взыскания за совершение дисциплинарных проступков) [9].

Понятие «дисциплина труда» характерно и для Трудового кодекса Российской Федерации [10]. Так, дисциплина труда определяется как обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, определенным данным Кодексом, иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором; при этом работодатель обязан создавать условия, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда (ст. 189) [10].

Таким образом, учитывая законодательный опыт других стран, традиционное понимание дисциплины как обязательного подчинения установленным правилам [2, с. 143], с целью

упорядочения законодательства о дисциплине труда название гл. 13 ТК Республики Беларусь целесообразно изложить в новой редакции «Дисциплина труда». При этом название и содержание ст. 193 Кодекса необходимо изложить в новой редакции:

«Статья 193. Понятие и обеспечение дисциплины труда

Дисциплина труда — обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, определенным настоящим Кодексом, другими актами законодательства о труде, коллективными договорами, соглашениями и иными локальными нормативными правовыми актами, трудовым договором и иными соглашениями индивидуально-договорного характера.

Дисциплина труда обеспечивается созданием необходимых правовых, социально-экономических и организационно-технических условий посредством поощрения за труд, применения мер дисциплинарной ответственности.

Наниматель обязан создавать условия, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда».

Установление соответствующих правил поведения имеет большое значение, поскольку «действовать без правил — самое трудное и самое утомительное занятие в мире» [11, с. 63].

Отличительным признаком предлагаемого понимания дисциплины труда является указание на то, что правила поведения работников установлены не только Трудовым кодексом Республики Беларусь, другими актами законодательства о труде, коллективными договорами, соглашениями и иными локальными нормативными правовыми актами, трудовым договором, но и иными соглашениями индивидуально-договорного характера (например, договорами о полной материальной ответственности, соглашениями о неразглашении информации, относящейся к коммерческой тайне и др.), что соответствует сложившейся правоприменительной практике и общей тенденции развития договорных отношений в сфере социально-трудовых отношений.

При этом особое значение имеет часть 3 предложенной редакции анализируемой статьи, поскольку на состояние дисциплины влияют соблюдение нанимателем законодательства о труде и создание им приемлемых условий труда работников.

По нашему мнению, первостепенное значение при управлении в сфере дисциплины труда и ее обеспечении должно иметь не наказание работников, а предупреждение совершения ими дисциплинарных проступков. Фактически наниматель должен бороться не с нарушителями дисциплины труда, а с правонарушаемостью как явлением. В силах нанимателя создать условия, которые препятствуют совершению дисциплинарных проступков или вообще делают их совершение невозможным. Например, предусмотреть меры по недопущению совершения хищений имущества нанимателя, поскольку именно «возможность украсть создает вора» [11, с. 57], воспрепятствовать употреблению алкоголя на работе; осуществить долгосрочное планирование деятельности и поэтапный контроль за выполнением запланированных действий; разработать и реализовать мероприятия по устранению условий, способствующих правонарушаемости, а также оценить их эффективность.

В связи с этим обоснованной представляется позиция А. Г. Тиковенко, высказанная в 1980-х годах: «Каждый руководитель обязан создавать для подчиненных надлежащие условия, дающие им возможность выполнить задание... Начальнику следует всемерно укреплять служебную дисциплину, постоянно следить за ее общим состоянием в коллективе, внедрять среди подчиненных навыки точного выполнения полученных приказов и указаний... К важнейшим обязанностям руководителя относится оценка подчиненных, их служебной деятельности. Она должна быть регулярной, комплексной, справедливой и объективной» [12, с. 62—63].

Приведенное мнение поддерживается и другими белорусскими учеными. Так, Т. И. Гончаренко считает, что «высокий уровень трудовой дисциплины в любом трудовом коллективе возможен только в условиях четкой организации труда. Состояние трудовой дисциплины и организации труда взаимосвязаны и взаимообусловлены. Чем лучше организован труд работников, чем больше порядка на предприятии, тем ответственнее каждый работник относится

к выполнению своих трудовых обязанностей. Поэтому закон возлагает на руководителей обязанность организовывать труд работников и обеспечить все необходимые условия для успешного выполнения работниками своих трудовых обязанностей» [13, с. 12].

В аспекте обеспечения дисциплины труда показательной является законодательная практика Испании. Установлено, что предприниматель (наниматель) вправе реализовывать меры, которые он считает целесообразными, для проведения мониторинга и контроля выполнения работником своих трудовых обязанностей, сохраняя при этом уважение к человеческому достоинству работника и принимая во внимание его фактические возможности [14]. Представляется, что аналогичное положение может быть закреплено и в ТК Республики Беларусь. Полагаем, что указанное положение способствовало бы эффективному управлению в сфере дисциплины труда, объективной оценке нанимателями ее состояния в организации, уяснению ими важности создания условий, препятствующих нарушению работниками дисциплины, а также содействовало бы выбору нанимателями адекватных средств и методов борьбы с такими нарушениями. Представляется, что результаты мониторинга обеспечат результативное обсуждение вопроса о состоянии дисциплины труда в государственных органах и организациях, поскольку Декрет № 29 предписывает рассматривать указанный вопрос не реже одного раза в полугодие (п. 7) [5].

Считаем, что проведение мониторинга не должно влечь значительных временных затрат, но при этом его результаты должны быть краткими, конкретными, информативными и предоставлять нанимателю необходимую информацию о состоянии дисциплины труда, динамике правонарушаемости, эффективности принимаемых нанимателем мер.

При проведении мониторинга дисциплины должна быть подвергнута анализу информация о проведенных мероприятиях, направленных на выявление нарушений дисциплины и их эффективности; количестве работников, которые совершили дисциплинарные проступки; примененных мерах дисциплинарной ответственности; количестве работников, по каким-либо причинам не привлеченных к дисциплинарной ответственности; количестве работников, у которых дисциплинарное взыскание снято досрочно; мероприятиях, направленных на повышение дисциплины труда и их эффективности. При этом эффективность мероприятий по выявлению дисциплинарных проступков и повышению дисциплины труда предлагается оценивать в баллах. В этой связи согласимся с позицией А. А. Абрамовой, которая считает, что действенная борьба с нарушителями дисциплины и принятие конкретных мер по устранению этих нарушений немыслимы без выявления факторов, способствующих возникновению нарушений, а также причин их совершения [15, с. 75].

Периодичность проведения мониторинга может быть определена нанимателем самостоятельно с учетом количества работающих и состояния дисциплины труда в организации.

Заключение. Изложенное позволяет утверждать о целесообразности дополнения пункта 6 ст. 12 ТК Республики Беларусь положением о праве нанимателя осуществлять мониторинг дисциплины труда.

Кроме того, с учетом зарубежного опыта и с целью упорядочения законодательства о дисциплине труда, предлагается название гл. 13 ТК Республики Беларусь изложить в новой редакции — «Дисциплина труда», а также изложить в новой редакции название и содержание ст. 193 ТК Республики Беларусь и определить в указанной статье дисциплину труда как подчинение установленным правилам поведения. В данной статье целесообразно также закрепить обязанность нанимателя создавать условия, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда.

Таким образом, наниматель с целью эффективного управления в сфере обеспечения дисциплины труда вправе реализовывать широкий перечень мероприятий, среди которых ключевое значение, по нашему мнению, имеют следующие: 1) привлечение нарушителей дисциплины труда к ответственности; 2) проведение мониторинга дисциплины труда; 3) осуществление мероприятий по выявлению правонарушений и снижению их количества; 4) реализация мер по рационализации организации труда и др. При этом наниматель избирает именно те способы и средства, которые считает необходимыми и достаточными для обеспечения надлежащего уровня дисциплины труда.

Список цитируемых источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 15-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1984. — 816 с.
3. Мамиев, К. А. Дисциплина труда и ее социально-правовой аспект в условиях экономической реформы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05/ К. А. Мамиев ; Казах. гос. нац. ун-т. — Алматы, 1995. — 16 с.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь : для профессионалов : в 40 вып. / гл. ред. В. И. Кривой. — Могилев : Могилев. обл. укрупн. тип., 2007—2008. — Вып. 16 : Глава 13. Трудовая дисциплина (статьи 193—1964) / В. И. Кривой, Е. А. Ковалева. — 2007. — 184 с.
5. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 13.02.2012 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
6. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
7. Трудовой кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 23 нояб. 2015 г., № 414-V ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 24.05.2018 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=80710. — Дата доступа: 03.03.2018.
8. Трудовой кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 18 апр. 2009 г., № 30-IV : в ред. Закона Туркменистана от 04.11.2017 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27704. — Дата доступа: 03.03.2018.
9. Трудовой кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 28 марта 2003 г., № 154-XV : в ред. Закона Респ. Молдова от 12.07.2018 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3836. — Дата доступа: 10.03.2018.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 19.07.2018 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2018.
11. Жемчужины мысли / сост. А. А. Жадан. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск : Беларусь, 1991. — 476 с.
12. Тиковенко, А. Г. Начальник и подчиненный: правовые аспекты служебных отношений / А. Г. Тиковенко ; науч. ред. М. И. Пискотин. — Минск : Наука и техника, 1984. — 158 с.
13. Гончаренко, Т. И. Трудовая дисциплина. Роль и значение в современных условиях / Т. И. Гончаренко. — Гомель : Белорус. гос. ун-т транспорта, 2013. — 35 с.
14. España Estatuto de los Trabajadores [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/WEBTEXT/37817/64929/S94ESP01.htm>. — Date of access: 14.01.2018.
15. Абрамова, А. А. Дисциплина труда в СССР: правовые вопросы / А. А. Абрамова. — М. : Юрид. лит., 1969. — 176 с.

Поступила в редакцию 08.08.2018

УДК 368.9.06

О. Ю. Прокуда

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, Партизанский пр., 26, 220070 Минск,
Республика Беларусь, +375 (29) 209 41 52, olyaprokuda@yandex.by

СТРАХОВЩИК КАК СУБЪЕКТ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ МЕДИЦИНСКОМУ СТРАХОВАНИЮ

Переход экономики Республики Беларусь на рыночные отношения во многом предопределил то, что возникла необходимость в поиске новых источников доходов для финансирования различных социально значимых сфер общественных отношений, регулируемых государством. В связи с этим возросла роль страхования, которое стало рассматриваться не только как механизм, обеспечивающий сохранение от имущественных потерь, но и как источник финансирования тех или иных социальных институтов. Приоритетными направлениями социальной политики Республики Беларусь являются охрана здоровья граждан и предоставление им качественной медицинской помощи. Вместе с тем государственные обязательства по оказанию населению бесплатной медицинской помощи необходимого объема и качества в настоящее время не обеспечены в полной мере финансовыми ресурсами. Возрастающая потребность общества в услугах здравоохранения требует дополнительных источников финансирования, которые может обеспечить медицинское страхование, при закреплении государственных гарантий граждан на бесплатную медицинскую помощь.

В статье, на основании анализа правового положения страховщика в отношениях по добровольному медицинскому страхованию, предложено дополнить Инструкцию о добровольном страховании медицинских расходов, утвержденную постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 9 июня 2005 года № 74, в части определения понятия «страховщик», которое сформулировано автором.

Ключевые слова: страхование; добровольное страхование; медицинское страхование; страховщик.
Библиогр.: 8 назв.

O. Yu. Prokuda

Belarusian State Economic University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
26 Partizansky ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 209 41 52, olyaprokuda@yandex.by

INSURER AS A SUBJECT OF RELATIONS WITH VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE

The transition of the economy of the Republic of Belarus to market relations in many respects predetermined that there was a need to look for new sources of income to finance various socially important spheres of social relations which are regulated by the state. In this regard, the role of insurance has increased, which was seen not only as a mechanism to ensure the preservation of property losses, but also as a source of funding of various social institutions. The priority directions of the social policy of the Republic of Belarus are the protection of the health of citizens and the provision of quality medical care to them. At the same time, government obligations to provide the population with free medical care of the required volume and quality are currently not fully provided with financial resources. The growing public need for health services requires additional sources of financing which can be provided by health insurance, while securing state guarantees of citizens for free medical care.

In the article, on the basis of an analysis of the legal status of the insurer in relations with voluntary health insurance, it is proposed to supplement the Instruction on voluntary insurance of medical expenses, that was approved in resolution 74 by the Ministry of Finance of the Republic of Belarus on June 9, 2005, in terms of the definition of "insurer" which is formulated by the author.

Key words: insurance; voluntary insurance; health insurance; insurer.
Ref.: 8 titles.

Введение. Одним из субъектов страхового правоотношения является страховщик, который осуществляет оценку страхового риска, получает страховые премии (страховые взносы), формирует страховые резервы, инвестирует активы, определяет размер убытков или ущерба, производит страховые выплаты, осуществляет иные связанные с исполнением обязательств по договору страхования действия [1, с. 163].

Несмотря на то, что правовой статус страховщика занимает одно из центральных мест в правоотношениях по страхованию в целом и добровольному медицинскому страхованию в частности, он до сих пор должным образом не урегулирован.

Методология и методы исследования. Цель работы состоит в анализе правового положения страховщика в отношении по добровольному медицинскому страхованию. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с частью 1 пункта 1 ст. 828 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь), страховщики — коммерческие организации, созданные для осуществления страховой деятельности и имеющие специальные разрешения (лицензии) на осуществление страховой деятельности [2].

Пункт 2 Положения о страховой деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 года № 530 «О страховой деятельности» (далее — Положение о страховой деятельности) закрепляет аналогичную норму [3].

Применительно к обязательному медицинскому страхованию, страховщик — государственная коммерческая организация, созданная для осуществления страховой деятельности, которой в установленном порядке выдано специальное разрешение (лицензия) на осуществление страховой деятельности, дающее право на проведение обязательного медицинского страхования иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или временно проживающих в Республике Беларусь (пункт 233 Положения о страховой деятельности) [3].

Исследование правового статуса страховщика как субъекта отношений по добровольному медицинскому страхованию предполагает анализ общих требований, предъявляемых к страховщику страховым законодательством.

Исходя из анализа ст. 828 ГК Республики Беларусь, можно констатировать, что страховщик должен отвечать следующим требованиям: во-первых, являться коммерческой организацией, созданной для осуществления страховой деятельности; во-вторых, иметь лицензию на право осуществления страховой деятельности; в-третьих, быть зарегистрированным в качестве страховщика на территории Республики Беларусь в соответствии с законодательством о государственной регистрации субъектов хозяйствования.

Согласно пункту 1 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 9 июня 2005 года № 74 (далее — Инструкция о добровольном страховании медицинских расходов), по договорам добровольного страхования медицинских расходов медицинская помощь застрахованным лицам оказывается организациями здравоохранения Республики Беларусь, входящими в государственную систему здравоохранения, а также негосударственными организациями здравоохранения или, в случаях, предусмотренных Инструкцией о добровольном страховании медицинских расходов, организациями здравоохранения иностранных государств [4].

Следовательно, наряду с общими признаками страховщика по законодательству Республики Беларусь о страховании, страховщику, осуществляющему медицинское страхование, присущ еще один существенный признак — наличие договора об оказании медицинских услуг с организацией здравоохранения.

Инструкция о добровольном страховании медицинских расходов упоминает о договоре об оказании медицинских услуг только в отношении ситуации, когда договор добровольного медицинского страхования действует за пределами Республики Беларусь. Так, в соответствии с частью 2 пункта 7 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов, обязательным условием заключения договора добровольного страхования, действующего за пределами Республики Беларусь, является заключение государственными страховыми организациями с организациями здравоохранения иностранных государств, расположенными в стране пребы-

вания застрахованного лица, договоров об оказании застрахованному лицу медицинской помощи при наступлении страхового случая или договора с зарубежным партнером, выступающим гарантом обеспечения оплаты расходов по оказанию медицинской помощи застрахованному лицу при наступлении страхового случая, располагающим собственными сервисными центрами в стране пребывания застрахованного лица, с приложением их перечня и местонахождения [4].

Инструкция о взаимодействии государственных организаций здравоохранения и страховых организаций Республики Беларусь, утвержденная приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 января 2012 года № 15 «О добровольном медицинском страховании и в Республике Беларусь» (далее — Инструкция о взаимодействии государственных организаций здравоохранения и страховых организаций) устанавливает правило, в соответствии с которым медицинская помощь лицам, застрахованным по договорам добровольного страхования медицинских расходов, оказывается в государственных организациях здравоохранения, имеющих специальное разрешение (лицензию) на медицинскую деятельность и заключивших в установленном порядке договор со страховой организацией об оказании медицинских услуг лицам, застрахованным по договорам добровольного страхования медицинских расходов (пункт 2) [5].

Отмеченный признак страховщика, на наш взгляд, является одним из квалифицирующих в правоотношениях по медицинскому страхованию. Пока у страховщика нет договора об оказании медицинских услуг с организацией здравоохранения, он не вправе вступать в отношения по медицинскому страхованию.

В связи с этим считаем правильным утверждение, что без договора с медицинским учреждением страховых медицинских отношений не возникает [6, с. 45].

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХП «О здравоохранении» (далее — Закон о здравоохранении), организация здравоохранения — юридическое лицо, основным видом деятельности которого является осуществление медицинской и (или) фармацевтической деятельности [7].

Здравоохранение Республики Беларусь включает: 1) государственную систему здравоохранения; 2) негосударственные организации здравоохранения; 3) другие организации, которые наряду с основной деятельностью также осуществляют медицинскую, фармацевтическую деятельность в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь; 4) индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую, фармацевтическую деятельность (часть 1 ст. 10 Закона о здравоохранении) [7].

Следовательно, медицинскую помощь могут оказывать не только организации здравоохранения (государственные и негосударственные), но и другие организации, которые наряду с основной деятельностью также осуществляют медицинскую, фармацевтическую деятельность в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, а также индивидуальные предприниматели, осуществляющие в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую, фармацевтическую деятельность.

Вместе с тем, Инструкция о добровольном страховании медицинских расходов закрепляет правило, в соответствии с которым при наступлении страхового случая медицинская помощь застрахованным лицам оказывается организациями здравоохранения Республики Беларусь, входящими в государственную систему здравоохранения, а также негосударственными организациями здравоохранения или, в случаях, предусмотренных Инструкцией о добровольном страховании медицинских расходов, организациями здравоохранения иностранных государств (пункт 1 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов) [4].

Другие организации, которые наряду с основной деятельностью также осуществляют медицинскую, фармацевтическую деятельность в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, а также индивидуальные предприниматели, осуществляющие в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую, фармацевтическую деятельность, не упоминаются.

Вместе с тем, некоторые страховые организации в Правилах добровольного страхования медицинских расходов, закрепляют, что медицинская помощь застрахованным лицам может оказываться и другими организациями, осуществляющими медицинскую деятельность наряду с основной деятельностью, а также индивидуальными предпринимателями, осуществляющие медицинскую деятельность.

Так, в соответствии с пунктом 1.2 Правил № 20 добровольного страхования медицинских расходов, утвержденных Генеральным директором Закрытого акционерного страхового общества «ТАСК», согласованных Министерством финансов Республики Беларусь от 28 июля 2010 года № 881, выгодоприобретатель — организации здравоохранения государственной и негосударственной форм собственности, индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность, и другие организации, осуществляющие медицинскую деятельность наряду с основной деятельностью, зарегистрированные и действующие в соответствии с законодательством Республики Беларусь, имеющие специальное разрешение (лицензию) на осуществление медицинской, фармацевтической деятельности (далее — организации здравоохранения), с которыми страховщик заключил договоры на оказание медицинских услуг, и которые понесли расходы в связи с их оказанием застрахованному лицу, а также застрахованное лицо, в пользу которого заключен договор страхования, самостоятельно оплатившее лекарственные препараты в соответствии с назначениями врача по страховому случаю, при условии, что медикаментозное обеспечение предусмотрено Программой страхования (пункт 1.2) [8].

В связи с этим представляется более правильным применительно ко всем субъектам, которые вправе оказывать медицинскую помощь по договорам добровольного страхования медицинских расходов, использовать понятие «исполнитель медицинской услуги».

При этом следует помнить, что для участия в медицинском страховании организации здравоохранения, другие организации, которые наряду с основной деятельностью также осуществляют медицинскую, фармацевтическую деятельность, индивидуальные предприниматели, осуществляющие в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую, фармацевтическую деятельность (исполнители медицинских услуг), должны иметь лицензию.

Договоры медицинского страхования, если они заключены страховщиком, имеющим лицензию на осуществление добровольного страхования медицинских расходов, но не состоящим в договорных отношениях с исполнителем медицинской услуги, или если исполнитель медицинской услуги, состоящий со страховщиком в договорных отношениях, не имеет соответствующей лицензии, не соответствуют требованиям закона и могут быть признаны недействительными в порядке ст. 169 ГК Республики Беларусь.

Заключение. В связи с отсутствием в законодательстве Республике Беларусь о добровольном страховании медицинских расходов определения понятия «страховщик», предлагаем в пункте 2 Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 9 июня 2005 года № 74 закрепить положение следующего содержания:

«страховщик — коммерческая организация, созданная для осуществления страховой деятельности, которой в установленном порядке выдано специальное разрешение (лицензия) на осуществление страховой деятельности, дающее право на проведение добровольного страхования медицинских расходов и состоящая в договорных правоотношениях с исполнителем медицинской услуги, имеющим специальное разрешение (лицензию) на осуществление медицинской, фармацевтической деятельности.»

Список цитируемых источников

1. Страхование / под ред. Л. А. Орланюк-Малицкой, С. Ю. Яновой. — М. : Изд-во Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. — 828 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. : текст Кодекса по состоянию на 9 янв. 2017 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 14.01.2017. — 2/2454.
3. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.07.2016 № 272 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 21.07.2016. — 1/16546.
4. Об утверждении Инструкции о добровольном страховании медицинских расходов [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 9 июня 2005 г., № 74 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь от 25.06.2014 г., № 43 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 12.07.2014, 8/28861.
5. О добровольном медицинском страховании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 10 янв. 2012 г., № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
6. Ковалевский, М. А. Конституционные основы обязательного медицинского страхования / М.А. Ковалевский // Экономика здравоохранения. — 1998. — № 4/5. — С. 44—56.
7. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г., № 433-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.10.2016. — 2/2431.
8. Правила добровольного страхования медицинских расходов [Электронный ресурс] : Правила Закрытого акционерного страхового общества «ТАСК», 14 апр. 2017 г., № 20. — Режим доступа: https://www.task.by/corporate/health/medical_expenses/ — Дата доступа: 05.04.2018.

Поступила в редакцию 09.04.2018

УДК 351.9+35.071

А. В. Сороченко

Национальная академия государственного управления при Президенте Украины,
Министерство образования и науки Украины, ул. Цедика, 20, 02000 Киев, Украина,
+38 (066) 188 15 72, asorochenko1987@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УКРАИНЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Данная статья посвящена исследованию особенностей государственно-частного партнерства как разновидности публичного управления на Украине. Обосновывается точка зрения о необходимости принятия в Украине единого нормативного правового акта (Кодекса) относительно регулирования отношений государственно-частного партнерства. Исследован опыт зарубежных стран (в частности, Саудовской Аравии, США) в части публичного управления проектами указанного партнерства. Проанализированы широкий и узкий подходы к пониманию термина «публичное управление». Разработаны механизмы решения проблем, возникающих при реализации проектов публично-приватного партнерства (далее — ППП) в Украине. Доказана необходимость учреждения в Украине координационных советов по планированию и реализации проектов государственно-частного партнерства (в структуре объединенных территориальных общин). Обоснован тезис, что государственно-частное партнерство является ключевым стимулом для привлечения инвестиций в национальную экономику.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; публичное управление; органы государственной власти; органы местного самоуправления; планирование

Библиогр.: 13 назв.

A. V. Sorochenko

National Academy for Public Administration under the President of Ukraine,
20 Tsedika str., 02000 Kiev, Ukraine, +38 (066) 188 15 72, asorochenko1987@gmail.com

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND PUBLIC MANAGEMENT IN UKRAINE: CONCEPTS RELATIONSHIP

The article is devoted to the study of the features of public-and-private partnership (hereinafter — PPP) as a form of public administration in Ukraine. It substantiates the point of view about the need to adopt a single regulatory legal act (Code) in Ukraine regarding the regulation of PPP. The experience of foreign countries (e. g., Saudi Arabia and the USA) in public management of PPP projects has been investigated. The wide and narrow approaches to the understanding of the term “public administration” have been analyzed. The mechanisms for solving problems arising from carrying out of PPP projects in Ukraine have been developed. The need for the establishment of Coordination Councils (in the structure of the united territorial communities) for planning and implementation of PPP projects in Ukraine has been proved. The thesis that PPP is a key stimulus for attracting investment into the national economy has been substantiated.

Key words: public-and-private partnership; public management; state authorized bodies, local communities, planning.
Ref.: 13 titles.

Введение. Отношения ППП являются неотъемлемой частью жизни современного общества, в котором рыночные основы экономики должны сочетаться с социальным ее направлением, а значит, отличаться сбалансированным сочетанием публичных и частных интересов в лице их носителей — государственных и частных партнеров как участников сотрудничества при реализации общественно необходимых проектов [1].

В настоящее время ППП в сферах создания и эксплуатации инфраструктурных сетей и объектов, организации предоставления и в предоставлении сервисно-инфраструктурных и других публичных услуг быстро развивается и вызывает все больший интерес в мире [2, с. 81].

По мнению А. А. Родина, «в большинстве стран мира развитие экономики характеризуется поиском новых форм и методов государственного управления и регулирования. Увеличение значения частного сектора в развитии отраслевых комплексов отражает новую концепцию роли государства в экономике» [3, с. 3].

Методология и методы исследования. Целью данного исследования является обоснование особого соотношения понятий ППП и публичного управления, а также определение путей решения отдельных юридических и экономических проблем, возникающих при реализации проектов ППП в Украине.

Результаты исследования и их обсуждение. Г. Атаманчук считает, что государственное управление — это практическое, организующее и регулирующее воздействие государства (через систему своих структур) на общественную и частную жизнь людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его (государства) властную силу [4, с. 33]. В. Мартыненко определяет, что государственным управлением является процесс осуществления авторитарного управления через формирование и реализацию системы государственных органов исполнительной власти на всех уровнях административно-территориального деления страны, применяющий совокупность способов, механизмов, методов властного воздействия на общество [5, с. 21].

Государственное управление в широком смысле — это совокупность всех видов деятельности государства, которая реализуется в функционировании органов всех ветвей власти и направлена на регулирование общественных отношений. Говоря о широком понимании государственного управления, необходимо сказать, что оно охватывает деятельность:

- органов исполнительной власти — за счет осуществления исполнительно-распорядительной деятельности, направленной на воплощение в жизнь предписаний норм законов;
- органов законодательной и судебной власти — за счет законотворческой деятельности и осуществления правосудия;
- других государственных органов, не принадлежащих к определенным ветвям власти (прокуратуры, Центральной избирательной комиссии, Национального банка и т. д.);
- негосударственных органов (органов местного самоуправления, общественных организаций) в ходе реализации ими делегированных государством полномочий.

Государственное управление в узком смысле — это исполнительно-распорядительная деятельность органов исполнительной власти, а также других органов, в части реализации ими исполнительно-распорядительных функций. Следует отметить, что наряду с органами исполнительной власти, для которых исполнительно-распорядительная деятельность является основной (именно поэтому указанные органы и являются «сердцевиной» государственного управления в узком смысле), государственное управление реализуют и другие органы и должностные лица (Президент Украины, прокуратура, негосударственные органы при выполнении делегированных полномочий).

Особенность относительно указанной деятельности других (не исполнительных) органов, которая позволяет четко отграничить широкое и узкое понимание государственного права, заключается в следующем. Только та часть из всей совокупности видов деятельности государственных органов, которая имеет исполнительно-распорядительный характер, входит составляющей в государственное управление (в его узком понимании). Причем такая деятельность не является ведущей для указанных органов, она носит второстепенный, вспомогательный, внутренне организационный характер. Следует отметить, что в административном праве самое узкое понимание государственного управления является основным, поскольку такой подход позволяет качественно анализировать исполнительно-распорядительную деятельность органов исполнительной власти (для которых государственное управление является основным направлением деятельности), а также внутренне организационную деятельность в рамках функционирования других государственных органов [6, с. 41—45].

Особая роль ППП как формы сотрудничества носителей публичных (государства / Автономной Республики Крым / органов местного самоуправления) и частных (представителей бизнеса) интересов предопределяет и особые требования по управлению ППП, которое имеет несколько составляющих: нормативно-правовое регулирование со стороны государства; договорное и локальное (в случае использования корпоративной/институциональной формы ППП — в частности, с помощью акционерного соглашения) управление ППП со стороны его партнеров и внешнее управление (с точки зрения предоставления соответствующих разрешений, согласований, контроля за соблюдением участниками ППП / уполномоченными органами и их должностными лицами установленных требований, применения санкций к нарушителям таких требований).

Целью государственного регулирования ППП является соблюдение трех ключевых принципов:

1) обеспечение оптимального использования положительных сторон ППП, которые заключаются, прежде всего, во введении гарантий для частных партнеров и инвесторов (как отечественных, так и иностранных) и соблюдении форм поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. Кроме того, ключевая особенность ППП — предупреждение возникновения различного рода негативных явлений в сфере экономической конкуренции (в частности, экономическая концентрация или согласованные действия хозяйствующих субъектов с целью монополизации рынка), а также обеспечение эффективного использования последними предоставленных им возможностей в соответствии с принципом: «используй, а то потеряешь» (“use it or lose it”);

2) предупреждение коррупционных правонарушений, в том числе за счет того, что все затраты на проект ППП являются прозрачными и открытыми еще на стадии анализа эффективности соответствующего проекта, в отличие от традиционных процедур публичных закупок, определенных законодательством;

3) избегание возможности злоупотреблений частными партнерами предоставленными им возможностями по реализации проекта ППП (использования ППП для удовлетворения, в первую очередь, собственных / частного партнера интересов одновременно с пренебрежением интересами государства) [7, с. 128—129].

Публичное управление (в широком смысле) государственно-частным партнерством (ППП; считаем такую аббревиатуру более современной и соответствующей международному определению партнерства — Public-Private Partnership) со стороны государства проявляется в 4 важнейших составляющих: а) нормативно-правовом регулировании отношений, складывающихся при использовании такой формы сотрудничества органов государственной власти / местного самоуправления и частных предпринимателей; б) планировании (определении общественно необходимых проектов, которые должны быть реализованы именно в форме ППП); в) текущем управлении ППП (в форме предоставления соответствующих разрешений, согласований проектов ППП, их общественной, экологической экспертизе и т. д.); г) контроле над соблюдением участниками ППП установленных законодательством требований и договорных обязательств по реализации проектов ППП [7, с. 129].

В узком смысле публичное управление в сфере ППП проявляется, прежде всего, в четком установлении норм законодательства о гарантиях надлежащей реализации проекта ППП и относительно четком разграничении полномочий между органами государственной власти / органами местного самоуправления по текущему управлению проектами ППП и контролю. Особое значение в этом случае имеет создание надлежащей системы органов, которые наделяются соответствующими полномочиями в сфере ППП, и установление ключевых положений относительно основных принципов их сотрудничества с Уполномоченным органом по вопросам ППП — Министерством экономического развития и торговли Украины [8].

Публичное управление, а именно государственная политика в сфере реализации проектов ППП, должна, прежде всего, быть направленной на реализацию цели ППП:

1) использование различных форм, моделей, направлений ППП в зависимости от сферы хозяйственной деятельности, в которой такое партнерство применяется (жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, сферы здравоохранения, образования, спорта, туризма и т. д.);

2) условия привлечения к проектам ППП частных инвесторов, готовых вкладывать средства и тратить время на реализацию проектов ППП с соблюдением при этом публичных (государственных и региональных) интересов; при этом предполагается, что объединение усилий государства и территориальных общин с частными партнерами и их финансовых возможностей в условиях справедливого распределения между ними доходов, ответственности и рисков позволит обеспечить решение этих проблем;

3) в зависимости от выбора отрасли, в которой предстоит реализация проекта ППП, на этапе планирования должен быть разработан план на следующие стадии:

– *долгосрочная перспектива* (более 10 лет): формирование концептуальных основ развития отрасли, предсказуемость, прогнозируемость и наибольшая экономическая эффективность тарифной политики (там, где это нужно, — сферы жилищно-коммунального хозяйства, транспорта), проведение прозрачного конкурса по выбору частного партнера ППП с учетом принципов и цели осуществления такого партнерства, обеспечения защиты прав собственности и прав акционеров-партнеров и акционеров-инвесторов (при использовании корпоративной формы ППП).

В связи с этим мы считаем необходимым имплементировать положительный опыт Турции в сфере ППП, согласно которому органы государственной власти и органы местного самоуправления, намеренные реализовать проект в форме ППП, должны подать заявление в организации государственного планирования с предыдущими исследованиями и стратегией торгов. После получения положительного заключения со стороны организации государственного планирования и с целью получения разрешения на проведение тендера по запланированной модели ППП, органы местного самоуправления должны подать заявку в Высший совет планирования [9].

Вместе с тем следует отметить, что механизм формирования тарифов играет важную роль в обеспечении успешности проектов ППП, поскольку непосредственно обеспечивает возможность возврата привлеченных частных инвестиций. В отдельных сферах национальной экономики практически нет рыночных отношений, а тариф не выполняет функцию экономического регулятора. Тарифы на коммунальные услуги в большинстве регионов Украины не покрывают себестоимости услуг, почти во всех тарифах отсутствует инвестиционная составляющая, предприятия не стимулируются к эффективной деятельности и энергосбережению. Невозможность частного партнера проекта ППП влиять на тарифы значительно усложняет возврат вложенных инвестиционных средств. Указанные проблемы вкупе с отсутствием действенного компенсационного механизма возмещения разницы в тарифах не дают возможности предприятиям планировать и осуществлять мероприятия по модернизации оборудования и теплосетей;

– *среднесрочная перспектива* (до 10 лет): определение приоритетных сфер привлечения частных инвестиций в соответствующую отрасль национальной экономики, а также форм и средств оказания бюджетной поддержки; определение критериев, на основании которых выдается бюджетная поддержка; финансовая поддержка научной деятельности, деятельности по разработке нормативно-правовой базы и мер, направленных на реформирование соответствующей отрасли экономики; стимулирование привлечения частных инвестиций и кредитов международных финансовых организаций, реализации пилотных проектов и распространение накопленного опыта, создания совместных предприятий для реализации проектов общегосударственного значения.

Так, территориальная община города Канзас-Сити (США) утвердила план модернизации Международного аэропорта Канзас-Сити с единственным терминалом. Подавляющим большинством голосов избирателей (75%) принято решение о строительстве нового терминала на базе существующего аэропорта. Ожидаемая стоимость реализации указанного проекта составляет примерно 1 000 000 000 дол. США, при этом анализ эффективности проекта и оценка возможных рисков сопровождались экологическими скандалами и жалобами на этичность реализации такого проекта. Команда инфраструктуры и недвижимости Edgemoor была реко-

мендована Комитетом отбора KCI в качестве наиболее экономически эффективного партнера для проектного финансирования, дизайна и строительства нового универсального терминала в Международном аэропорту Канзас-Сити [10].

Публичный партнер также включил дополнительного инвестора — Meridiam Infrastructure и проектно-строительное совместное предприятие, состоящее из Clark Construction Group, подрядчика Clarkson Construction, расположенного в городе Канзас-Сити, и The Weitz Company. Skidmore, Owings & Merrill (SOM), которое будет главным проектировщиком, а функции финансового консультанта будет выполнять Project Finance Advisory Limited (PFAL). Выбор Edgemoor произошел после многоэтапного закупочного процесса, который включал отдельные представления с использованием квалификаций и финансирования, собеседование и дальнейшие вопросы, которые публичный партнер выдвигал всем заявителям [10].

Интересен опыт ППП в Саудовской Аравии, в частности, по строительству канализационного коллектора Aswa Power. Общая стоимость проекта в 315 000 000 дол. США будет профинансирована за счет коммерческих базовых средств, распределенных по транзакции с плавающей процентной ставкой 167 000 000 дол. США и долей фиксированной ставки 100 000 000 дол. США. Остальные расходы будут профинансированы кредитом “Акционерный город” на основе соотношения долга к собственному капиталу 85:15. Дополнительный фонд коммерческого бронирования был также увеличен для финансирования любых потенциальных перерасходов [11].

Введенные во многих странах мира планы антикризисных действий и посткризисного восстановления экономики предусматривают расширение сотрудничества между государством в лице органов государственного управления, предпринимательским сектором и гражданским обществом, что возможно лишь на основе формирования партнерских отношений в виде ППП, которое должно стать действенным механизмом развития инфраструктуры и предоставления общественных услуг. Широкое распространение ППП в мире связано не только со стремлением государства привлечь финансовые ресурсы частного сектора к решению общественно значимых задач социально-экономического развития, но и с необходимостью использования сложных организационных, управленческих и производственных технологий [12].

О важности ППП как механизма социально-экономического развития страны свидетельствуют многочисленные концептуальные, программные, нормативные и методические документы как национального, так и международного уровня: декларации саммитов G20, направленные на выработку антикризисных мероприятий; специальные законы и другие нормативные акты о ППП, концепции и программы развития ППП.

Внедрение государственной политики в сфере ППП характеризуется непоследовательностью, отсутствием систематических шагов в направлении формирования условий развития ППП, нечеткостью определения функций органов государственной власти, привлеченных к развитию ППП, неэффективной координацией деятельности соответствующих органов государственной власти. На выполнение стратегических задач Программы экономических реформ на 2010—2014 годы государственные и местные документы по социально-экономическому развитию страны содержат положение о важности внедрения ППП, но при этом отсутствует согласованность между механизмами и инструментами государственного управления в указанной сфере. Развитие отдельных форм сотрудничества осуществляется независимо различными государственными и местными органами без достаточной координации и выполнения требований законодательства.

Еще одной проблемой отсутствия эффективного взаимодействия между государственным и частным секторами экономики является низкий уровень институциональной возможности государственных органов и частного сектора к внедрению государственно-частного партнерства [12].

Институциональная способность государственных органов и частного сектора к внедрению ППП в Украине характеризуется низким уровнем межличностного доверия, доверия граждан к органам государственной власти, общественных и политических организаций, несформированностью идеологии партнерства в обществе, недооценкой специалистами органов государственной

власти и местного самоуправления потенциала проектов ППП, недостаточной осведомленностью общества о преимуществах и рисках применения механизмов ППП, недостаточным кадровым обеспечением центральных органов властей и местного самоуправления специалистами в сфере ППП, недостаточным уровнем финансирования реального сектора экономики [12].

Отношения между государством и бизнесом в Украине характеризуются многочисленными проблемами в таких сферах государственного управления, как лицензирование и получение разрешений, землеотвода, защита прав собственности инвесторов, решение хозяйственных споров. Низкий уровень прозрачности в бюджетных отношениях затрудняет привлечение отечественных и иностранных инвестиций в развитие инфраструктуры национальной экономики и предоставления общественных услуг на основе ППП.

Противоречивость и непоследовательность нормативно-правового регулирования отношений государственно-частного партнерства является предметом отдельного обстоятельного научного исследования.

Заключение. Решение указанных проблем должно осуществляться на основании следующих действий:

1) совершенствование нормативно-правовой базы отношений ППП: разработка Кодекса отношений в сфере публично-частного партнерства, который будет включать в себя положения, в частности, относительно форм, моделей, направлений ППП, уполномоченных государственных органов (органов государственной власти и органов местного самоуправления), по реализации государственной политики в сфере ППП, положения по проведению анализа эффективности и оценки проектов ППП и государственных инвестиционных проектов и т. п. Правительство Украины должно рассмотреть законодательную реформу всех правовых инструментов — общих и отраслевых, связанных с планированием, оценкой и утверждением государственных инвестиционных проектов, несмотря на то, что финансируются они государственными учреждениями или местными органами власти, или от их имени частными учреждениями в форме концессии и государственно-частного партнерства [13];

2) активизация институтов развития в системе управления государственно-частным партнерством в Украине: с целью повышения эффективности системы управления ППП государству следует строить отношения с международными институтами развития и активно формировать национальные институты развития, деятельность которых должна быть ориентирована на достижение приоритетов инновационного обновления экономики с использованием современных подходов в управлении рисками. Внедрение институтов развития должно осуществляться с соблюдением требований финансовой устойчивости, диверсификации ресурсов и снижения инвестиционных рисков, исключения административного воздействия и рисков коррупции.

Роль финансовых институтов развития (универсальные и специализированные банки развития, экспортно-импортные банки, государственные венчурные и лизинговые компании, инновационные фонды, фонды и агентства регионального развития) будет заключаться в финансовой, консультационно-информационной поддержке проектов ППП. Нефинансовые институты развития (технопарки, промышленные парки, бизнес-инкубаторы, технико-внедренческие промышленно-производственные и туристско-рекреационные особые экономические зоны, центры, центры трансфера технологий, субконтрактажи, развития дизайна, энергосбережения и др.) обязаны способствовать развитию инфраструктуры предпринимательской деятельности в рамках ППП, повышению квалификации государственных служащих, внедрению проблематики ППП в программы академической подготовки специалистов для органов государственного управления и местного самоуправления, организовывать тренинги, семинары, круглые столы по вопросам ППП;

3) улучшение инвестиционного климата и предпринимательской среды в контексте развития государственно-частного партнерства в Украине: дальнейшее развитие ППП в Украине будет в существенной степени определяться благоприятностью инвестиционного климата и условиями ведения бизнеса. Улучшение условий предпринимательской деятельности и привлечения частных

инвестиций в сфере реализации проектов ППП требует: а) увеличения прозрачности разрешительной системы и снижения бюрократических барьеров; б) упорядочения процедур осуществления проверок и технического регулирования (стандартизация и сертификация); в) упрощения процедур регистрации собственности; г) создания благоприятных условий для пользования земельными участками в рамках проектов ППП; д) обеспечения прозрачности в отношениях частного и государственного партнеров в рамках подготовки и реализации проекта ППП; е) сосредоточения усилий государства на реализации проектов ППП и формировании действенного обратной связи в отношениях государства с частным сектором;

4) совершенствование сотрудничества органов государственной (местной) власти с институтами гражданского общества по реализации проектов государственно-частного партнерства в Украине: развитие отношений ППП требует активизации участия общественности в подготовке и реализации проектов ППП на государственном и местном уровнях. В этом контексте необходимо развивать механизмы взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества в направлении привлечения общественности на постоянной основе к обсуждению, экспертизы и мониторинга реализации проектов ППП;

5) совершенствование механизмов финансирования проектов государственно-частного партнерства в Украине: совершенствование механизмов финансирования проектов ППП должно предусматривать повышение эффективности использования бюджетных средств, активизацию привлечения институтов развития к проектам ППП, расширение инструментария долгосрочного проектного финансирования и тому подобное. Бюджетное финансирование проектов ППП и государственное участие в проектах ППП должно строиться на принципах средне- и долгосрочного программно-целевого планирования и программно-проектного финансирования.

Государственная финансовая поддержка ППП должна предусматривать: 1) прямую финансовую поддержку через субсидии; возмещение расходов на строительство, участие в тендере, капитальный ремонт; инвестиции в уставный капитал; 2) использование налоговых рычагов для стимулирования инвестиций, внедрение механизмов государственного кредитования и страхования импорта инвестиционного оборудования; 3) возмещение платы за предоставленные потребителям услуги через государственный бюджет; предоставление гарантий по кредитам, возмещение потерь в результате колебаний обменного курса, предоставление обязательств по приобретению продукции; 4) использование современных рыночных инструментов финансирования (ценных бумаг).

Кроме того, считаем необходимым создание в структуре объединенных территориальных общин Украины координационных советов по планированию и реализации проектов ППП.

Список цитируемых источников

1. *Вінник, О. М.* Інституційна форма державно-приватного партнерства: проблеми правового регулювання [Електронний ресурс] / О. М. Вінник // Проблеми використання корпоративної форми державно-приватного партнерства. — Правознавець, 2009. — Режим доступа: <http://pravoznavec.com.ua/period/article/10846>. — Дата доступа: 15.01.2018.

2. *Сазонов, В. Е.* Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты / В. Е. Сазонов; кафедра адм. и фин. права Рос. ун-та дружбы народов; предисл. А. Б. Зеленцова. — М., 2012. — 560 с.

3. *Родин, А. А.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в правовом регулировании государственно-частного партнерства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А. А. Родин. — М.: РУДН, 2010. — 22 с.

4. *Атаманчук, Г. В.* Теория государственного управления: курс лекций / Г. В. Атаманчук. — 4-е изд., доп. — М.: Омега-Л, 2006. — 584 с.

5. *Мартиненко, В. М.* Демократичне врядування: проблеми теорії та практики / В. М. Мартиненко // Публічне управління: теорія та практика: зб. наук. праць. — Харків: ДокНаукаДержУпр, 2010. — № 1. — С. 16—22.

6. Колесникова, К. Співвідношення державного управління та публічного адміністрування у процесі суспільної трансформації [Електронний ресурс] / К. Колесникова // Публічне управління. — Режим доступу: <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/putp/2013-3/doc/1/06.pdf>. — Дата доступу: 20.01.2018.
7. Вінник, О. М. Корпоративні і партнерські відносини: проблеми правового регулювання : монографія / О. М. Вінник. — Київ : Наук.-дослід. ін-т приват. права і підприємництва НАПрН України, 2010. — 166 с.
8. Щодо затвердження Положення про Міністерство економічного розвитку і торгівлі України [Електронний ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України «Питання Міністерства економічного розвитку і торгівлі України» від 20.08.2014 № 459 / // Офіц. вісн. України. — 2014. — № 77. — С. 116. — Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/459-2014-%D0%BF>. — Дата доступу: 19.01.2018.
9. Гулиев, М. Роль государственно-частного партнерства в устойчивом экономическом развитии стран ЧЭС [Электронный ресурс] / 39-е заседание ком. по экон., торговым, технол. и экол. вопросам. — Режим па: www.pabsec.org/.../5-EC39-REP12%20%20RUS%20EDIT%20FINAL.d. — Дата доступа: 25.12.2017.
10. Kansas City to get US\$1 billion International Airport P3 [Electronic resource] / InfraPPPworld, December, 2017. — Access mode: <http://www.infrappworld.com/news/megaproject-1045-kansas-city-to-get-us-1-billion-international-airport-p3>. — Date of access: 25.01.2018.
11. Acwa Power close on big desalination PPP project in Saudi Arabia. — InfraPPPworld, March, 2018. [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.infrappworld.com/news/megaproject-1044-acwa-power-close-on-big-desalination-ppp-project-in-saudi-arabia>. — Date of access: 25.01.2018.
12. Концепція розвитку державно-приватного партнерства в Україні на 2012—2017 р. [Електронний ресурс] / Державно-приватне партнерство в Україні: концепція розвитку, 2012—2017. — Режим доступу: <http://ppp-ukraine.org/wp-content/uploads/2015/03/PPP-Development-Concept-2012-2017.pdf>. — Дата доступу: 19.01.2018.
13. The essence of local government bodies reform (decentralization). Суть реформи органів місцевого самоврядування (децентралізації) [Electronic resource]. — Access mode: http://icps.com.ua/assets/uploads/images/files/verstka_decentralizaciya.pdf. — Date of access: 25.01.2018.

Поступила в редакцію 20.03.2018

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная на основании заключённого договора о передаче исключительных прав на объект авторского права.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free of charge in accordance with the existing contract on transfer of authority to the subject matter of copyright.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU: <http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>.